BX 510
.A8
Copy 1

Glass BX 510
Book .F3A8

YUDIN COLLECTION

17579-2

ПРІЕМЫ, ЗНАНІЯ
И
БЕЗПРИСТРАСТІЕ

ВЪ КРИТИЧЕСКОМЪ ДѢЛѢ

РЕДАКТОРА ДОМАШНЕЙ БЕСѢДЫ

ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА

АСКОЧЕНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи В. Головина.

1862.

ПРІЕМЫ,

ЗНАНІЯ И БЕЗПРИСТРАСТІЕ

ВЪ КРИТИЧЕСКОМЪ ДѢЛѢ

РЕДАКТОРА ДОМАШНЕЙ БЕСѢДЫ

ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА

АСКО́ЧЕНСКАГО.

Askochenskii, Viktor Ipat'e... "Priemy, znaniia i bezpristrastie v kriticheskom dele"

ПРІЕМЫ, ЗНАНІЯ И БЕЗПРИСТРАСТІЕ

ВЪ КРИТИЧЕСКОМЪ ДѢЛѢ

РЕДАКТОРА ДОМ. БЕСѢДЫ

Виктора Ипатьевича Аскóченскаго.

ю

РАЗБОРЪ КРИТИКИ

НА СОЧИНЕНІЕ

АРХИМАНДРИТА ѲЕОДОРА

О ПРАВОСЛАВІИ,

помѣщенной въ XIV выпускѣ Дом. Бес. за 1861 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи В. Головина.

1862.

BX 510
.A8

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Ноября 18 дня 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ *Макарій*.

24 9 Dec 71

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Крайне больно и прискорбно, что доселѣ еще никто не вступился за достопочтенную личность о. Ѳеодора и за его прекрасную книгу, такъ мало понятую и такъ много искаженную г. Аскоченскимъ и его собратіями. Но еще больнѣе и прискорбнѣе то, что, при нападеніяхъ на книгу, подвергшаяся лжетолкованіямъ, высочайшая и священнѣйшая тайна нашего искупленія во Христѣ не нашла себѣ защитника и поборника. Если бы дѣло касалось здѣсь только личностей, въ такомъ случаѣ на клеветы и площадную брань всего лучше отвѣчать молчаніемъ и презрѣніемъ. Но какъ скоро дѣло доходитъ до искаженія какой бы то ни было святѣйшей истины, тогда молчать было бы даже грѣшно, особенно тѣмъ, кто чувствуетъ себя въ состояніи сказать слово въ защиту этой истины. Это тѣмъ болѣе нужно, что неопытные читатели Дом. Бесѣды къ сожалѣнію слишкомъ много довѣряютъ ея односторонне-несправедливымъ внушеніямъ и незамѣтно перенимаютъ между прочимъ и ея заблужденія, и ея нечистыя расположенія, лжетолкованія и искаженія, относительно тайны искупленія. По этому считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ

28 oct 11

защиту перетолкованныхъ и искаженныхъ истинъ, заключающихся въ книгѣ «О православіи въ отношеніи къ современности».

Теперь же, кажется, можно съ успѣхомъ приняться за это дѣло и серьезнымъ образомъ объясниться съ Домашней Бесѣдой и ея друзьями. Измѣненіе ею тона, пониженіе горячей рьяности и неразборчиваго задора, даютъ право предполагать, что г. редакторъ и его братія сдѣлались нѣсколько по хладнокровнѣе и способнѣе къ здравому сужденію и серьезному вниманію къ дѣлу. Впрочемъ еслибы и не такъ, — еслибы наши предположенія въ этомъ случаѣ оказались ошибочными, — мы все таки сдѣлаемъ свое дѣло, — пусть по крайней мѣрѣ поклонники Дом. Бесѣды увидятъ свой авторитетъ, такимъ, каковъ онъ въ своей натурѣ. И такъ благословясь за дѣло!

«Не можетъ быть, возражаютъ поклонники Дом. Бесѣды, нечитавшіе никогда книги *О Православіи*, — не можетъ быть, чтобы въ ней не было поводовъ къ такимъ страшнымъ обвиненіямъ въ неправославіи?» — Пожалуй есть поводы, но только, нужно замѣтить, не въ самомъ содержаніи книги, а въ способѣ ея изложенія и выраженія. О. Ѳеодоръ не владѣетъ языкомъ легкимъ, вполнѣ яснымъ и отчетливымъ, — онъ пишетъ довольно темно. Читать его сочиненія тяжело и получившимъ богословское образованіе, о чемъ уже и была рѣчь. Въ слѣдствіе цѣльности своего воззрѣнія на область бытія и мысли, — онъ, какъ и всѣ люди идей, ограничивается иногда только *проразумѣніемъ* идеи, такъ сказать, *чутьемъ* ея, — почему, случается, и не даетъ ей строгой раздѣльности и ясности. Съ другой стороны, въ слѣдствіе особенной глубины и

широты взгляда у него образовалась еще и та отличительная черта въ выраженіи, что въ одномъ пунктѣ, въ одной рѣчи онъ старается выразить всю полноту своей мысли, — отъ чего нанизываетъ одну мысль на другую, и дѣлаетъ чрезъ то рѣчь тягучею. При такихъ свойствахъ выраженія этого автора, его мысли можно иногда перетолковывать и вкривь и вкось, все будетъ зависѣть отъ того, съ какими расположеніями, добрыми или худыми, читатель будетъ приступать къ книгѣ его. Люди благомыслящіе, которые вчитывались въ эту книгу, чрезъ множество посылокъ отъ началъ переходили къ заключеніямъ, не только не находили въ ней ничего Богопротивнаго, несогласнаго съ православнымъ ученіемъ, напротивъ воззрѣніями О. Ѳеодора проясняли свои собственныя мысли, очищали свои взгляды отъ ригоризма, отъ этой жидовской неразумной ревности, и учились Св. Христовой любви къ ближнимъ. Но люди неблагонамѣренные съ предзанятыми сужденіями и узкимъ взглядомъ могутъ здѣсь не только встрѣтить для себя много непонятнаго, — но перетолковывать все какъ угодно. Они не въ состояніи будутъ обнять и усвоить себѣ цѣльнаго и широкаго воззрѣнія О. Ѳеодора, его глубокихъ идей, а не усвоивши этого, они, неруководимые единствомъ его началъ, дающимъ внутреннюю связь и жизнь всѣмъ его частнымъ мыслямъ, — они, говорю, только почувствуютъ, что здѣсь въ этихъ сочиненіяхъ, слышно новое направленіе, вѣетъ новый какой-то духъ жизни. И такъ какъ этотъ духъ, противный ихъ узкимъ и устарѣлымъ взглядамъ, болѣзненно подѣйствуетъ на ихъ расположенія, какъ воздухъ на открытый нервъ: то, увѣренные въ справед-

ливости своихъ мыслей, — они причину болѣзни припишутъ не своимъ дурнымъ расположеніямъ, а самой книгѣ и съ ожесточеніемъ нападутъ на мысли о. Ѳеодора, особенно на тѣ, которыя затронули ихъ внутреннія неправильныя расположенія, — станутъ приписывать и усвоять книгѣ все то, что дурнаго есть въ ихъ душѣ, чего они опасаются въ себѣ и за себя и будутъ перетолковывать, какъ внушатъ имъ внутреннія ощущенія. Такъ составится цѣлая злая, нецеремонная, бранчивая критика, цѣлый обвинительный взглядъ на книгу. Такъ бывало и бываетъ во всѣхъ литературахъ. Одно и то же свѣжее и богатое глубиною и широтою мысли литературное произведеніе въ однихъ встрѣчаетъ привѣтъ и сочувствіе, а въ другихъ (регрессистахъ) клевету и осужденіе. Такъ произошло относительно и книги о. Ѳеодора; одни (Прав. обозрѣніе и Странникъ) съ похвалою отзывались о книгѣ о. Ѳеодора; — напротивъ же другіе (именно Дом. Бесѣда) готовы совсѣмъ затоптать ее въ грязь.

Глубокомысленная книга о. Ѳеодора именно въ такомъ родѣ болѣзненно поразила г. Аскоченскаго и всю его братію, или, какъ выразился одинъ авторъ, всѣхъ его близнецовъ. Изданная, какъ мы слышали, именно противъ направленія г. Аскоченскаго и его товарищей и притомъ нащедшая себѣ сочувствіе въ свѣтскомъ кружкѣ, — книга о Православіи сильно затронула всѣ его фарисейскіе взгляды и расположенія, потому что шла прямо къ ниспроверженію ихъ. Какъ скоро притомъ ему указали на это (въ листкѣ Сына Отечества), онъ и всѣ его собраты должны были закипѣть негодованіемъ и злобою, и противъ книги, и

противъ ея автора. Такъ одна за другой стали появляться самыя бранчивыя, самыя площадныя, ругательныя, исполненныя клеветы и раздраженія статьи Дом. Бесѣды противъ автора книги. Чтобы защититься отъ нападеній и упрековъ книги въ нечеловѣколюбіи, г. Аскоченскій съ братіею, должны были что-нибудь противупоставить отъ себя и вотъ все, что хранилось у нихъ на днѣ души, все это замутилось, вскипѣло и поднялось наружу. По статьямъ Дом. Бесѣды о книгѣ о. Ѳеодора, мы можемъ составить ясное и довольно отчетливое понятіе объ умственномъ и нравственномъ богатствѣ ихъ авторовъ, — опредѣлить ихъ нравственныя физіономіи. Въ нихъ высказались — весь наличный капиталъ ихъ устарѣлыхъ понятій, мыслей, мысленокъ, — весь складъ ихъ мышленія, вся уродливая логика мысли и страсти, въ нихъ высказались и всѣ сердечныя ихъ расположенія гордой самоувѣренности, презрѣнія не только къ христіанскимъ чувствамъ, но и ко всякимъ условіямъ общественной вѣжливости, всѣ чувства негодованія и злобы. Прекрасная бы могла выйти статья подъ заглавіемъ: *г. Аскоченскій и его друзья — въ критикѣ.* Но наша цѣль не такова. Мы имѣемъ въ виду единственно защищеніе догматическихъ истинъ.

СПОСОБЪ КРИТИКИ.

При такихъ отношеніяхъ къ разбираемой книгѣ можно понять, какъ писалась критика, чего можно ожидать отъ нея, что скажетъ она о книгѣ и авторѣ,

какъ поведетъ дѣло? Всѣ критики писались подъ вліяніемъ раздраженія, озлобленія и оскорбленной гордости. Чувства эти вездѣ такъ велики, что не давали никакой возможности автору совладать съ ними и мыслить свободно и спокойно. Понять автора книги въ единствѣ его воззрѣнія и прослѣдить это воззрѣніе въ его приложеніи къ частнымъ мыслямъ нельзя было и ожидать. Къ такому мышленію сочинители критикъ рѣшительно оказываются неспособными. Они обыкновенно писали такъ. Какъ скоро какое мѣсто довольно прямо шло противъ ихъ узкихъ понятій, сейчасъ это мѣсто выхватывалось, — и такъ какъ оно свѣрялось только съ ихъ же собственными устарѣлыми понятіями, то естественно являлось неправославнымъ — потому тотчасъ дѣлалось восклицаніе, или ругательное обращеніе къ автору книги, ставился знакъ восклицанія, засимъ ставился рядъ странныхъ и нелѣпыхъ предположеній и всѣ они цѣликомъ навязывались (въ формѣ вопросовъ) автору книги; — словами: стало быть, слѣдовательно, — заключался критическій разборъ взятаго мѣста. Такъ писались всѣ критики, — такъ составлена преимущественно и разбираемая нами. Методъ самый простой и легкій!! Такія критики можно производить въ огромныхъ ужасающихъ размѣрахъ, и притомъ на какое угодно словесное произведеніе. Единства мысли въ такой критикѣ, строгой послѣдовательности вы не трудитесь искать, ихъ нѣтъ и не можетъ быть. Если есть тутъ какое единство, такъ только единство чувства и образа дѣйствованія.

Повидимому, такой способъ критики ничего не представляетъ ни доказательнаго, ни убѣдительнаго;

но тѣмъ не менѣе онъ представляетъ чрезвычайно много опаснаго для неопытныхъ читателей. Вся сила такихъ критикъ — въ неожиданности знаковъ удивленія и восклицанія. Своими восклицаніями, вопросами удивленія критикъ сбиваетъ съ толку читателя, заставляетъ его предполагать въ самомъ дѣлѣ что нибудь ужасное въ словахъ разбираемаго автора и такимъ образомъ сразу ставитъ его въ ложное положеніе въ отношеніи къ книгѣ. Вся тутъ хитрость не дать вамъ вдумываться въ смыслъ взятаго мѣста и запутать васъ въ странныхъ и нелѣпыхъ предположеніяхъ. Изъ такой критики вы, читатель, не вынесете никакой опредѣленной мысли объ авторѣ книги, за то вынесете ощущенія рѣшительно не въ пользу его.

Такое искуство водить за носъ неопытнаго читателя истинно дѣлаетъ честь критику. Все это мы увидимъ въ разборѣ критики. И такъ начнемъ со вступленія.

РАЗБОРЪ ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ КРИТИКУ.

Критикъ нашелъ нужнымъ прежде всего сказать вкратцѣ о томъ состояніи, какое предшествовало написанію критики, о цѣли и способѣ раскрытія ея. «Не тотчасъ же написались слѣдующія за симъ строки», начинаетъ критикъ. «Нужно было много *перемучиться*, *перебольть* душею, *перестрадать* всѣмъ существомъ своимъ, чтобы *спокойно*, *безъ горячности*

и увлеченія показать міру Православному всѣ заблужденія, изъ которыхъ слагается книга архимандрита Ѳеодора....» По нашему мы понимаемъ причину этихъ страданій. По нашему дотолѣ, пока г. критикъ будетъ оставаться такимъ же критикомъ, какъ обозначился здѣсь, — книга о. Ѳеодора будетъ на него дѣйствовать болѣзненно всегда, потому что она и издана для того, чтобы обнаружить и уничтожить то жидовское направленіе, которое такъ замѣтно въ г. критикѣ. По нашему кажется, и напрасно г. критикъ обѣщаетъ писать безъ увлеченія, безъ горячности и спокойно: онъ не выдержитъ этого и при первомъ же случаѣ постарается поругаться съ авторомъ, — какъ дѣйствительно на слѣдующей страницѣ мы и видимъ; — критикъ еще не успѣлъ ничего сказать о книгѣ дѣльнаго, — а уже называетъ автора *орудіемъ льщенія сатанинскаго*. Это ли называется говорить *спокойно, безъ увлеченія, безъ горячности?*... Это такъ разсуждаемъ мы,—но мы, можетъ быть, разсуждаемъ неправильно, пристрастно, съ увлеченіемъ; посмотримъ, что говоритъ самъ онъ, какъ онъ понимаетъ свои болѣзни? Скажите пожалуста г. критикъ: для чего вамъ нужно было болѣть? Для того, отвѣчаетъ онъ, чтобы «*показать всему Православному міру* всѣ заблужденія книги.» *Показать всему Православному міру*.... какъ громко и сильно сказано!! Теперь мы понимаемъ вашу роль! Стало быть, *міръ Православный* (или Церковь Православная) глупехонекъ. Онъ, не спросясь васъ, принялъ печатную книгу О. Ѳеодора за прекрасную и благонамѣреннѣйшую книгу. Стало быть, онъ ошибся и вразумить его больше некому, какъ только Дом. Бесѣдѣ и въ частности г.

критику.... Стало быть, вы только, г. критикъ, единственный руководитель, защитникъ и передовой человѣкъ міра Православнаго (т. е. Церкви Православной). — Да; говорите вы, *это правда!* И дѣйствительно, одинъ только этотъ критикъ видѣлъ въ предшествующихъ критикахъ, какъ обуревается Церковь и близка къ ниспроверженію отъ идей книги «о Православіи». * Посему прежде печатно молилъ Господа объ утвержденіи Церкви. Да и теперь онъ опасается этого. «Явились лжетолкователи, прорицающіе отъ чрева своего, хитрецы, извращающіе смыслъ здравыхъ словесъ, и прямо требующіе, чтобы умолкъ гласъ вопіющаго въ пустыни (т. е. Дом. Бесѣды и ея редактора, — рѣшительное сближеніе нашего состоянія съ послѣднимъ временемъ Церкви Іудейской). Чтожъ, *если Богъ попуститъ*, то и умолкнетъ. Тогда.... (критикъ ужъ и не можетъ выразить, что тогда будетъ съ Церковію Православною).... тогда.... да здравствуетъ современность! Да здравствуютъ всѣ ревнители ея отъ архим. Ѳеодора до господъ Старчевскаго и Хитрова включительно!...» И такъ критикъ считаетъ себя рѣшительно рыцаремъ, защитникомъ Православнаго народа или міра (право не хочется сказать Церкви), передовымъ человѣкомъ въ Православіи. Поэтому критикъ думаетъ или во-

---

* 1861 г. вып: 4, стр. 66. Соблазнъ тѣмъ болѣе опасенъ, что о. Ѳеодоръ упорно отстаиваетъ свои убѣжденія, окруживъ себя фельетонистами, и избравъ органомъ своимъ журналъ, имѣющій бо́льшое число по́дписчиковъ. «Милосердый Господь, повторимъ и мы съ однимъ изъ писавшихъ къ намъ по поводу статей архим. Ѳеодора, да сохранитъ корабль своей святой Церкви!» *Прим. Ред.*

ображаетъ, что онъ болѣлъ отъ того, что въ міръ Православный чрезъ книгу архим. Ѳеодора вкрались заблужденія. Онъ жалѣлъ этотъ православный міръ, болѣлъ и объ о. Ѳеодорѣ; — поболѣвши *много*, какъ онъ увѣряетъ, критикъ рѣшилъ, что о. Ѳеодоръ *орудіе сатанинскаго льщенія* и потому относится къ нему и его книгѣ безъ всякой жалости и снисхожденія, какъ къ современному еретику. Но мы никакъ не можемъ повѣрить искренности и истинности этого признанія. Мы вѣримъ, что авторъ *болѣлъ много;* но какъ? Болѣть о заблужденіяхъ другаго по нашему понятію, Православно-Христіанскому, какъ и о. Ѳеодоръ учитъ насъ въ своей книгѣ, значитъ поставить себя на мѣсто заблудшаго, и умомъ и чувствомъ, и воображеніемъ, — вообразить, что это мои заблужденія, что это *я* по неосторожности, по незрѣлости, или умышленно впалъ въ такія-то и такія-то заблужденія, — и теперь сознавши ихъ я долженъ направить себя на путь истины, оплакать ихъ и отречься отъ нихъ. Такое чисто-христіанское отношеніе человѣка-христіанина къ чужимъ заблужденіямъ высказывается не въ безпощадной бранчивости и ругани, а въ братской, теплой любви, непостижимо-деликатной и благотворной къ заблуждающему, — въ самомъ искреннемъ и сердечномъ участіи къ нему и соболѣзнованіи о немъ. А критикъ болѣлъ не такъ. Онъ ошибается, надуваетъ себя. Онъ не болѣлъ, а просто былъ раздраженъ книгою и обличеніями автора, падающими не въ бровь, а прямо въ глазъ; — онъ былъ озлобленъ и противъ книги и противъ автора, — раздраженъ и озлобленъ до того, что дѣйствительно нужно было нѣсколько повременить, чтобы эти неприличныя, безобразныя чувства нѣ-

сколько поулеглись, поутихли. Но и теперь къ сожалѣнію они еще очень сильны. Критикъ только что сказалъ, что онъ много переболѣлъ душой, чтобы писать спокойно, безъ горячности и увлеченія, и уже не можетъ справиться съ собой и начинаетъ горячиться и увлекаться.... «Книга архим. Ѳеодора, говоритъ онъ, это неразмежеванное, чрезполосное владѣніе постоянно ослабляемой истины и торжествующей неправды, опирающейся на двухъ сильныхъ въ современности адвокатовъ своихъ — прогрессъ и цивилизацію. Еслибы не свѣтъ Православія, не всеоживляющая правда Церкви святой (критикъ считаетъ себя глубокимъ и первостатейнымъ богословомъ современности): то самый крѣпкій умъ закружился бы въ этомъ угарномъ дымѣ софистики, лжетолкованій, блудящихъ огоньковъ (отъ блудящихъ огоньковъ, по нашему мнѣнію, дыма и угара не бываетъ), своеобразной истины, вдругъ вспыхивающихъ страшнымъ пламенемъ отрицанія и невѣроятнаго лжемудрованія, всѣмъ существомъ своимъ опирающагося на ученіе философовъ, цивилизаторовъ, филантроповъ и другихъ порожденій эхиднаго духа времени». Прочитавши эти будто бы безъ увлеченія и горячности, сказанныя слова, подумаешь, что критикъ имѣетъ дѣло съ новоявленнымъ Аріемъ, или съ кѣмъ нибудь хуже Арія. А между тѣмъ этотъ новоявленный еретикъ — ни больше, ни меньше какъ почтеннѣйшій, православнѣйшій авторъ книги «о Православіи въ отношеніи къ современности.» Вотъ послѣ того и повѣрьте въ чемъ нибудь критику, повѣрьте, что онъ переболѣлъ, перемучился и будетъ писать спокойно, безъ горячности и увлеченія. Нѣтъ на протяженіи всей книги видно

въ немъ озлобленіе противъ автора и его книги; — при томъ, нужно замѣтить, что это озлобленіе носитъ печать не мужественнаго негодованія и раздраженія, а женской и безсильной злобы; и если въ этой критикѣ онъ считаетъ себя говорящимъ спокойно, — то что значитъ, когда онъ заговоритъ по своему собственному сознанію безпокойно и съ горячностію?... Послѣ этого можетъ ли читатель довѣриться словамъ и добросовѣстности критика?

РАЗБОРЪ РАЗДѢЛЕНІЯ КРИТИКИ.

За симъ слѣдуетъ раздѣленіе обзора. «Чтобы читатели наши, говоритъ критикъ, не потерялись въ этомъ истинно-дедаловомъ лабиринтѣ положеній, отрицаній, противорѣчій и лжезнанія, мы подраздѣляемъ обзоръ нашъ на пять отдѣловъ». Что же разумѣется подъ этимъ дедаловымъ лабиринтомъ — обзоръ ли или книга? Намъ кажется, что обзоръ; потому что критикомъ предлагается читателю не книга, а обзоръ ея, составленный изъ клочковъ, взятыхъ изъ книги. Для этакого-то обзора собственно и необходимо нужна какая-нибудь опредѣленная нить, чтобы видѣть, дѣйствительно-ли критикъ говоритъ правду, на какомъ основаніи, почему онъ беретъ въ разсмотрѣніе преимущественно то или другое мѣсто. Но не можетъ быть, чтобы свое произведеніе кто бы ни былъ, а тѣмъ болѣе этотъ критикъ, назвалъ дедаловымъ лабирин-

томъ положеній, отрицаній, противорѣчій и лжезнанія. По этому единственно мы заключаемъ, что подъ этимъ онъ разумѣетъ разбираемую книгу, а не свой обзоръ, — хотя это названіе вполнѣ прилично только этому послѣднему.

Раздѣленіе сдѣлано въ такомъ видѣ и порядкѣ:

«Отдѣлъ первый. О догматѣ искупленія.

Отдѣлъ вторый. О Іудействѣ и язычествѣ, *яко бы* существующихъ въ Церкви Православной.

Отдѣлъ третій. О наукахъ и искуствахъ.

Отдѣлъ четвертый. О современности, будто бы способной сродниться съ Православіемъ, и

Отдѣлъ пятый. О средствахъ ко спасенію человѣчества».

Прежде всего нужно замѣтить, что такое раздѣленіе, какъ и самъ критикъ говоритъ, сдѣлано единственно по немощи читателей; «чтобы читатели наши не потерялись въ этомъ лабиринтѣ.... мы подраздѣляемъ обзоръ нашъ на пять отдѣловъ». Самъ же критикъ увѣренъ въ себѣ и рѣшительно не нуждается въ подобныхъ раздѣленіяхъ. И дѣйствительно; читая самый обзоръ, вы увидите, что критикъ не стѣсняется сдѣланнымъ раздѣленіемъ, но свободно разгуливаетъ по всѣмъ отдѣламъ, какъ ему угодно; — и говоритъ о томъ только, о чемъ душѣ захочется. Въ иномъ отдѣлѣ (во второмъ) вы увидите, что онъ только кружится около заглавія, а въ самое дѣло никакъ не можетъ попасть. — Этого можно было ожидать, потому что раздѣленіе основано не на добросовѣстномъ пониманіи книги разбираемой, а на прихоти критика. Прочитавши весь обзоръ, задайте себѣ вопросъ: почему въ самомъ дѣлѣ сдѣлано такое раздѣленіе? По-

тому что такъ захотѣлось критику, а не по существу дѣла. Потому эти члены или отдѣлы можно перемѣнить какъ угодно, и обзоръ отъ того ничего не потеряетъ, — можно даже прибавить еще нѣсколько новыхъ членовъ, раздробить напр: на нѣсколько частей отдѣлъ третій — и будетъ все равно. Словомъ — критика не носитъ въ себѣ внутренняго оправданія, — она составлена по капризу сочинителя; — а капризы людей — особенно же ученыхъ неограниченны. Какъ-бы то ни было, а весьма жалко, что критикъ не усвоилъ себѣ воззрѣнія разбираемаго автора и не разобралъ его въ его единствѣ и цѣльности. Только такая критика могла бы быть добросовѣстною. Разбираемый авторъ тѣмъ и замѣчателенъ изъ всѣхъ духовныхъ писателей, что онъ выработалъ себѣ единство воззрѣнія. Здѣсь его достоинства и здѣсь его недостатки. Чтобы понять тѣ и другіе, слѣдовало бы критику стать на его точку зрѣнія и утвердившись на ней шагъ за шагомъ идти съ авторомъ къ его частнѣйшимъ выводамъ и тутъ-то обличать все, что вамъ, г. критикъ, показалось бы неправославнымъ или богопротивнымъ. Что же дѣлаете вы? Вы безъ связи, безъ толку выбираете клочки, какіе вамъ не понравились, ставите ихъ подъ сдѣланную рубрику, восклицаете, или бранитесь, дѣлаете невѣроятныя предположенія и спѣшите сдѣлать заключеніе: стало быть! Кто жъ такъ пишетъ критики? помилосердуйте, г. защитникъ Православія. — Стать же на одну точку съ о. Ѳеодоромъ, это было тѣмъ легче, что эта точка догматическая и со всею ясностію раскрыта въ его другомъ превосходномъ сочиненіи, которое вы боитесь затронуть, именно въ книгѣ объ Апостолѣ Павлѣ.

Тайна искупленія нашего во Христѣ Сынѣ Божіемъ вотъ точка, съ которой онъ смотритъ на всю область бытія и мысли. Чрезъ тайну искупленія онъ смотритъ на философію, искуства и въ частности поэзію, — на всѣ судьбы рода человѣческаго; чрезъ эту же тайну онъ смотритъ и на современность и въ ней встрѣчается съ двумя — враждебными дѣйствующей и раскрывающейся въ мірѣ и во всякой современности тайнѣ искупленія,—господствующими направленіями, духовнымъ іудействомъ, и духовнымъ язычествомъ. Показывая ихъ происхожденіе и ихъ свойства, онъ учитъ современниковъ избѣгать этихъ направленій, указывая во Христѣ единственное благонаправленіе всему. Его единственное стремленіе, вытекающее изъ его воззрѣнія, — состоитъ въ томъ, чтобы всему, что мы считаемъ мірскимъ, земнымъ, чувственнымъ (кромѣ грѣха разумѣется) какъ то: порядки гражданскіе, общественные, семейные, и т. п. даже попеченіямъ о тѣлѣ, дать основу въ христіанствѣ, въ христіанскихъ началахъ, или, какъ выражается авторъ, во Христѣ. Вотъ сущность воззрѣнія автора, и въ такомъ бы порядкѣ слѣдовало изложить и обзоръ его книги. А то теперь что вышло изъ этого обзора? Такъ какая то клеветливая путаница. Первый отдѣлъ, хотя онъ и неимѣетъ связи съ прочими отдѣлами и въ нихъ хотя повторяются мысли, относящіяся къ первому, однакожъ онъ поставленъ на мѣсто. Но второй? Какъ онъ сюда попалъ? Вдругъ, ни съ того — ни съ сего — объ іудействѣ и язычествѣ, якобы существующихъ въ Церкви Православной. Дѣйствительно нельзя не удивляться такому заглавію, — что вы и предполагаете въ читателѣ. Но если бы вы

были добросовѣстный и кромѣ того разсудительный критикъ, — вы бы показали, какимъ образомъ у автора раждаются опредѣленія такихъ направленій? Притомъ же вы не только не точны, но даже еще клевещете на автора самымъ постыднымъ образомъ. Нигдѣ онъ не говоритъ о направленіяхъ въ Церкви Православной. Не въ ней, не въ Церкви Православной, а въ современномъ обществѣ христіанъ, въ насъ и то не во всѣхъ указываетъ онъ два направленія — господствующія, которыя онъ называетъ духовно-іудействующимъ, и духовно-язычествующимъ; а это дѣло иное. Поэтому вамъ, г. критикъ, по долгу совѣсти слѣдовало бы выразиться такимъ образомъ: *объ духовно-Іудейскомъ и духовно-языческомъ направленіяхъ, — яко бы существующихъ въ современномъ обществѣ Христіанъ.* — Послѣ этого этотъ отдѣлъ вамъ слѣдовало бы, г. критикъ, поставить за четвертымъ. Четвертый же отдѣлъ вамъ нужно бы было передѣлать, переиначивъ самое заглавіе. Вопросъ не въ томъ: способна ли современность сродниться съ Православіемъ; — а въ томъ: *возможно ли и необходимо ли Православіе положить въ основу современной жизни общества?* За рѣшеніемъ этого вопроса вамъ предстояло, г. критикъ, самому показать способы такого преобразованія современнаго общества и критически разобрать средства, предложенныя о. Ѳеодоромъ? Вотъ ваша задача; — а вы чѣмъ занимались? Вы трактовали и трактуете о томъ, что современность, взятая въ томъ видѣ, какъ она есть, не можетъ сродниться съ Православіемъ? Да ктожъ объ этомъ споритъ? Зачѣмъ создавать вѣтряныя мельницы и принимать ихъ за

полчища непріятелей; зачѣмъ же жить въ области миражей? Воля ваша, а такъ критики не пишутъ.

Приступаемъ, наконецъ къ самой критикѣ.

РАЗБОРЪ ПЕРВАГО ОТДѢЛА.

О догматѣ искупленія.

Не станемъ высказывать ни своихъ ожиданій, ни своихъ предположеній, какъ бы слѣдовало писать обзоръ или критику на этотъ отдѣлъ. Будемъ только помнить, что подъ этой рубрикой собрано нѣсколько извлеченій, взятыхъ изъ книги о. Ѳеодора, безъ всякой связи и единства; — потомъ они разбираются уже намъ извѣстнымъ манеромъ. Намъ приходится тутъ пополнить и если нужно пояснить текстъ о. Ѳеодора, а потомъ показать какъ и что говоритъ объ этомъ текстѣ критикъ. — Итакъ за дѣло.

1-я тирада въ критикѣ.

Чтобы расположить въ свою пользу читателя и поразить его неправомысленіемъ архим. Ѳеодора, неизвѣстный критикъ начинаетъ свой отдѣлъ вторымъ и третьимъ членомъ символа вѣры. Слова приведены правильно. За симъ слѣдуетъ краткое изложеніе ученія о нераздѣльномъ и несліянномъ соединеніи во Іисусѣ Христѣ естествъ Божескаго и человѣческаго. Такъ составляется первая тирада и заключается словами: «такъ мы вѣруемъ и такъ исповѣдуемъ!» Но со второй тирады начинается буквальная путаница.

2-я тирада.

Мы и прежде говорили, и теперь должны еще и еще повторять, что г. редакторъ народнаго журнала, хотя и воспитывался, какъ кто-то выразился, въ« *духовномъ вертоградѣ*» и взялъ на себя роль рыцаря и защитника Православнаго ученія, однакожъ плохо его знаетъ. Странно! По злонамѣренности, или по упорному невѣжеству, — право хорошенько нельзя и сказать, — только до очевидности ясно, что онъ постоянно смѣшиваетъ акты нашего спасенія во Христѣ. И не смотря на то, что г. Хитровъ указалъ ему, въ чемъ онъ заблуждается; — а г. редакторъ вмѣсто того, чтобы принять это указаніе, только сказалъ, что г. Хитровъ будто бы представилъ жалкій образчикъ лжетолкованій и незнанія правилъ Герменевтики. Совершенно ребяческая, безсильная выходка сбитаго съ толку школяра! Зачѣмъ тутъ правила Герменевтики? Г. Хитровъ не думалъ дѣлать никакихъ перетолкованій; онъ только сопоставилъ неправомысліе Дом. Бесѣды съ Православнымъ ученіемъ, какъ оно выражается у нашихъ православныхъ учителей. Дѣло было ясно само по себѣ, толковать тутъ нечего было. Мы это говоримъ не для того, чтобы возобновлять старое, — а чтобы показать упорство критика въ невѣжествѣ относительно Православнаго Богословія, которое т. е. невѣжество повело его къ клеветамъ, къ безконечнымъ разглагольствіямъ, и къ написанію этой несчастной критики, — а вмѣстѣ показать и причину, по которой намъ предстоитъ нужда опять повторить г. критику зады. Вкратцѣ мы должны повторить все сказанное тамъ, чтобы яснѣе и рѣзче выступало заблужденіе и галиматья критики.

Православное ученіе о нашемъ искупленіи во Христѣ, по поводу неправомыслія критика.

Г. Редактору и критику *до смерти* хочется устоять въ той мысли, что Сынъ Божій, или Агнецъ Божій понесъ на себѣ грѣхи не всего міра, — испилъ чашу крестныхъ страданій не за всѣ преступленія и не всѣхъ людей; — а только тѣхъ изъ нихъ, которые спасутся. Такъ на 275 стр. на 1-мъ столбцѣ онъ говоритъ: *философскихъ грѣховъ не бралъ, да и не могъ взять на себя Агнецъ Божій.*» Приведены слова буквально безъ всякихъ толкованій съ моей стороны. «Если же, продолжаетъ критикъ, Агнецъ Божій и беретъ чьи грѣхи на себя, — такъ *только подъ условіемъ церковнаго покаянія* со стороны грѣшника.» Такая мысль повторяется на протяженіи всей критики и даетъ множество поводовъ къ восклицаніямъ, къ брани, къ глумленію и пустословію. Не будь ея, тогда можетъ быть, на три трети убавилась бы критика; а можетъ быть и совсѣмъ не написалась бы. Мы сказали и теперь повторимъ, что такое неправомысліе умаляетъ достоинство заслугъ Спасителя предъ правдою Божіею, — и спутываетъ самые акты нашего спасенія во Христѣ. Хотя намъ и стыдненько; — однакожъ обратимся опять къ Православному Катихизису. Тамъ находится вопросъ: «точно ли за всѣхъ насъ пострадалъ и умеръ Іисусъ Христосъ. Отвѣтъ. Съ своей стороны Онъ принесъ себя въ жертву за *всѣхъ и всѣмъ пріобрѣлъ благодать и спасеніе;* но пользуются симъ тѣ изъ насъ, которые съ своей стороны добровольно пріемлютъ участіе *въ страданіяхъ Его, сообра-*

зуюся смерти Его.» — (Изд. 42 стр. 55). Здѣсь такимъ образомъ нужно строго различать два акта нашего спасенія во Христѣ: 1) крестныя заслуги за насъ Христа Спасителя предъ Правосудіемъ Божіимъ; и 2) наше участіе въ Его смерти и заслугахъ. — Поясним это. Грѣхомъ прародительскимъ и своими личными грѣхами люди такъ прогнѣвали Бога — и такъ испортили себя, что ничѣмъ не могли умилостивить Его, испросить себѣ прощенія, потому что безъ помощи Божіей не могли ничего сдѣлать, даже помыслить хорошаго и угоднаго Богу. Отъ того такая тяжкая отвѣтственность лежала на всемъ человѣчествѣ и на каждомъ человѣкѣ отдѣльно за грѣхи прародителя и личные, что они не имѣли права даже на самое существованіе, которое дается тоже какъ милость отъ Бога. Чтобы спасти насъ отъ гибели, прежде всего нужно было исходатайствовать намъ всепрощеніе Правды Божіей, снять отвѣтственность за наши грѣхи, — и такимъ образомъ даровать намъ возможность спасенія со стороны Правды Божіей. И вотъ Единородный Сынъ Божій дѣлается полнымъ человѣкомъ, кромѣ грѣха, беретъ на себя всю отвѣтственность предъ Богомъ, какъ будто Онъ одинъ во всемъ былъ виноватъ предъ Отцомъ Небеснымъ; отвѣчаетъ Собою за всѣ грѣхи людскіе, за прошедшіе, настоящіе и будущіе, — и за грѣхи философовъ, еретиковъ, кощуновъ, клеветниковъ и за грѣхи мои и за грѣхи ваши, г. критикъ; испиваетъ всю чашу ярости Божіей и такимъ образомъ обращаетъ гнѣвъ Божій на милость, испрашиваетъ намъ всепрощеніе и даруетъ намъ возможность пользоваться всѣми сокровищами Отца Небеснаго безъ всякихъ со стороны нашей за-

слугъ, — а единственно, по предвѣдѣнію или такъ сказать въ надеждѣ, что люди воспользуются этимъ всепрощеніемъ если не всѣ, такъ покрайней мѣрѣ многіе. *Не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, по своей его милости, спасе насъ банею пакибытія, и обновленія Духа Святаго, Егожъ излія на насъ обильно, Іисусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ* (Тит. 3. 5). На основаніи единственно этихъ заслугъ Спасителя, этого всепрощенія со стороны Правды Божіей, — дается милость бытія всѣмъ грѣшникамъ кающимся и не раскаявающимся, дается и свѣтъ естественный и благодать предваряющая. Это первый актъ, который въ Свящ. Писаніи обозначается различными человѣкообразными *выраженіями;* — въ этомъ смыслѣ говорится, что Спаситель есть *Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* [1], *очищеніе не только о нашихъ грѣхахъ, но и всего міра* [2], — *что* Онъ *искупилъ насъ отъ клятвы, бывъ по насъ клятва* [3], — *купилъ насъ цѣною крови* [4]. Вторый актъ состоитъ въ томъ, чтобы мы воспользовались всепрощеніемъ и, усвояя себѣ чрезъ всѣ Богодарованныя средства благодать Святаго Духа, восходили отъ силы въ силу въ мѣру возраста Христова. Сюда относятся другаго рода выраженія — какъ напр. *иже вѣру иметъ и крестится — спасенъ будетъ* [5]; *— безъ вѣры не возможно угодити Богу* [6]; *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* [7]; *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь имать животъ вѣчный* [8], и т. п. Отсюда объясняется выраженіе самого Спасителя объ

---

[1] Іоан. I, 29. [2] 1 Іоан. II, 2. [3] Гал. III, 13. [4] 1 Кор. VI, 20. [5] Марк. XVI, 16. [6] Евр. XI, 6. [7] Іак. II, 26. [8] Іоан. VI, 54.

отношеніи Его, какъ ходатая между Богомъ и человѣками, — и объ отношеніи Отца къ міру чрезъ Сына. *Отецъ не судитъ никому же, но весь судъ даде Сынови* [1]. Этими словами выражается, что міръ, откупленный безцѣнными заслугами Спасителя передается Ему въ полное вѣденіе. Почему всѣ грѣшники отчаянные, — всѣ философы — безбожники, еретики, хульники, кощуны и т. п., хотя на ихъ грѣхи и было испрошено у Бога Отца всепрощеніе, въ слѣдствіе чего и дается имъ милость бытія, — но такъ какъ они попрали ходатайство за нихъ Сына, не воспользовались исходатайствованнымъ всепрощеніемъ, — будутъ отвѣчать вдвое и притомъ уже не предъ Отцемъ, а предъ всемірнымъ Судіею, Его Сыномъ, — Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ, на страшномъ судѣ. — Чтобы понять или приблизить къ себѣ эту великую тайну искупленія мы употребимъ подобіе. Представьте себѣ, что Царь прогнѣвался на одного своего вельможу и послалъ его въ ссылку со всѣмъ семействомъ, — лишивъ всѣхъ своихъ милостей. Долго живетъ въ ссылкѣ разжалованный вельможа, — уже отъ него родились и дѣти, а потомъ внуки и правнуки. Сжалился наконецъ надъ ними царскій сынъ и возможными для него способами ходатайствуетъ ссылочнымъ прощеніе. Царь снисшелъ къ просьбѣ сына своего, далъ прощеніе преступникамъ и позволеніе возвратиться на свое мѣсто, только съ порукою своего сына: — «вѣдайся съ ними, какъ знаешь, и уберегай ихъ отъ преступленій новыхъ.» Сынъ тотчасъ извѣ-

---

[1] Іоан. V, 22.

щаетъ объ этомъ ссыльныхъ, предлагаетъ имъ возвратиться къ прежнимъ должностямъ и посылаетъ деньги на всѣ издержки при возвращеніи. Но многіе изъ дѣтей вельможи и изъ его внуковъ обжились, обзавелись хозяйствомъ и одичали на мѣстѣ своего новаго жительства и отказались отъ возвращенія на прежнюю родину, хотя и для нихъ исходатайствовано было всепрощеніе. Сынъ царскій огорчился этимъ и оставилъ ихъ жить тамъ. Видите и здѣсь два дѣйствія; одно исходатайствованіе прощенія безъ всякаго отношенія къ жизни и свойствамъ преступниковъ; и потомъ умѣнье или неумѣнье воспользоваться этимъ прощеніемъ и милостями царскими, и въ слѣдствіе этого или милости царскіе, или гнѣвъ. Такъ мы видѣли и въ дѣлѣ искупленія нашего во Христѣ. — Теперь я полагаю, эта тайна по мѣрѣ возможности уяснена для насъ; тутъ какъ видите лжетолкованій нѣтъ; герменевтики не нужно; дѣло говоритъ само за себя, не правда ли? Потому вторично утверждая, что Агнецъ Божій не бралъ, да и не могъ взять философскихъ грѣховъ, вы, г. критикъ, или не понимаете,— или злонамѣренно перетолковываете святѣйшій догматъ искупленія нашего. Вы можете теперь понять, что Онъ взялъ и грѣхи философовъ и имъ исходатайствовалъ всепрощеніе, но чрезъ это не избавилъ ихъ отъ отвѣтственности предъ Собою. Точно такъ, если бы кто уплатилъ за васъ долгъ кредитору даромъ, — естественно вы подлежали бы суду нравственному и общественному, если бы этому милостивцу заплатили черною неблагодарностію, а тѣмъ болѣе оскорбленіемъ его. Также неправильно и неточно ваше выраженіе, что Агнецъ Божій беретъ на Себя грѣхи

подъ условіемъ только церковнаго покаянія; так. образомъ вы берете одно условіе и обобщаете его; — между тѣмъ справедливѣе и точнѣе нужно сказать такъ, какъ сказано въ Прав. Катихизисѣ: подъ *условіемъ только добровольнаго участія нашего въ страданіяхъ Спасителя, — при сообразности смерти Его.* Теперь, кажется довольно прояснена тайна искупленія, — поэтому пойдемъ дальше. —

Первое смѣшеніе догматическихъ понятій въ критикѣ.

«Спаситель нашъ, говоритъ критикъ, принялъ плоть человѣческую со всѣми ея свойствами, но кромѣ грѣха, (совершенно справедливо; вездѣ такъ говоритъ и авторъ книги), слѣдов: принялъ природу не ветхаго человѣка съ его умомъ, сердцемъ и воображеніемъ, съ его мыслію и дѣятельностію, а новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины, въ томъ, значитъ, первобытномъ совершенствѣ, которое потеряно человѣкомъ чрезъ грѣхопаденіе.» Вотъ уже въ этихъ словахъ, начинается неопредѣленность, какъ видно, преднамѣренная. Все это такъ, но почему бы не выразиться пояснѣе и опредѣленнѣе? Зачѣмъ тутъ распространяться, что Спаситель не взялъ природы ветхаго человѣка съ его умомъ, сердцемъ и воображеніемъ и т. д.? Почему бы для ясности и опредѣленности не сказать, — что Спаситель взялъ всю природу человѣка, но кромѣ грѣха, природу человѣка съ его умомъ, но совершеннымъ; — сердцемъ, — но чистымъ, съ воображеніемъ, — но не испорченнымъ, съ его мыслію и дѣятельностію, но не ветхаго человѣка, а въ томъ первобытномъ совершенствѣ и т.

д.? Дѣло это, по видимому, такъ — простое; но въ существѣ своемъ весьма значащее по отношенію къ ясности и опредѣленности, при дальнѣйшемъ разборѣ. Далѣе эти мысли, такія простыя и такія безспорныя, что объ нихъ нечего бы больше толковать; но критикъ приводитъ еще доказательства и потомъ, неожиданно, чрезъ *но* дѣлаетъ переходъ къ другимъ мыслямъ. «Въ противномъ случаѣ, продолжаетъ онъ, (т. е. еслибы Спаситель взялъ плоть ветхаго человѣка, удивительно!), Искупитель нашъ не могъ бы и Самъ выступить и послѣдователей Своихъ вооружить на безпощадную брань съ ветхимъ человѣкомъ, тлѣющимъ въ похотехъ прелестныхъ. Но (?) Агнецъ Божій, вземшій на себя грѣхъ и грѣхи міра отнюдь не оградилъ этимъ (?) отъ заслуживаемаго впредь наказанія тѣхъ, кто снова впадаетъ въ преслушаніе заповѣдей Господнихъ и только подъ условіемъ искренняго церковнаго покаянія, отверзаетъ паки заключаемыя Правосудіемъ Божіимъ двери милосердія.» По видимому, въ этихъ словахъ ничего сомнительнаго нѣтъ; а какъ всмотришься, такъ открываются удивительныя вещи. Первое: критикъ доказываетъ, чего собственно и доказывать не слѣдуетъ, и доказываетъ притомъ — странными предположеніями (методомъ *ab absurdo*). Онъ допускаетъ, что со стороны Сына Божія какъ будто возможно было воспринятіе въ единство Своей «Ипостаси и ветхаго человѣка»; въ противномъ случаѣ, т. е. въ случаѣ, еслибы Онъ принялъ на Себя плоть ветхаго человѣка, Онъ не могъ бы и Самъ выступить и послѣдователей Своихъ вооружить и т. д. Поймите, что такое дикое предположеніе и немыслимо; потому что

Божество, — Сама Святость, и грѣхъ — два понятія взаимно Себя исключающія. Рѣшительно немыслимо, чтобы *Богъ* сдѣлался *грѣшнымъ* человѣкомъ. Непонятно, какъ могло придти вамъ въ голову такое до невѣроятности дикое предположеніе! Тутъ по нашему не нужно было и доказательства; — и если вамъ хотѣлось, то довольно было бы только сказать, что мысль или ученіе о воспріятіи въ единство Божеской Ипостаси, какой-нибудь нечистоты, или несовершенства, или грѣха немыслимо; это говоритъ ясно само за себя. Какъ-же можно защищать Православное ученіе и рѣшительно не быть знакомымъ съ богословскимъ мышленіемъ?!... Это первое. Теперь второе. Замѣтили-ли вы, читатель, какъ внезапно и неожиданно предъ вами предстало *но: но Агнецъ Божій, вземшій грѣхи*.... Я долго думалъ, какимъ образомъ это случилось и нашелъ только то единственное объясненіе, что критикъ чрезвычайно свободно и безъ церемоніи обращается съ русскою рѣчью; что онъ не стѣсняется ни какими грамматическими и риторическими правилами. Поставивъ *но*, ему захотѣлось, просто поворотить свою рѣчь къ покаянію (о которомъ онъ такъ безпокоится), и вотъ онъ поставилъ *но*, и какъ ни въ чемъ не бывало, повелъ свою рѣчь дальше. Въ слѣдствіе такой самоуправности съ русской рѣчью и съ здравымъ смысломъ, у него вышелъ пребезобразный періодъ, или лучше ничего не вышло. «*Хотя Спаситель взялъ на Себя нашу плоть, но этимъ не избавилъ насъ отъ заслуженнаго наказанія.*» Видите: между двумя половинами періода нѣтъ никакой связи; и г. критикъ путалъ всю свою рѣчь (съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, кто его вѣдаетъ),

чтобы избавиться отъ труда раскрыть опредѣленнѣе ученіе о подъятіи на себя Сыномъ Божіимъ грѣховъ всего міра, въ каковомъ случаѣ онъ пришелъ бы къ однимъ мыслямъ съ о. Ѳеодоромъ. Эту мысль онъ выпустилъ, и вышла у него нелѣпость.... А отъ чего это произошло? Отъ того, что у него въ головѣ никакъ не можетъ перевариться мысль объ искупленіи нашемъ чрезъ Сына Божія отъ всѣхъ грѣховъ, — отъ того, что онъ раздѣльно никакъ не хочетъ понять эту истину. Мы бы просто сказали вмѣсто всѣхъ этихъ *безобразныхъ* плетеній: «Спаситель взялъ на Себя природу человѣческую со всѣми ея силами и способностями, кромѣ грѣха, жилъ въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ находимся и мы; — и сдѣлалъ въ своей личности такое непостижимое соединеніе Божества съ человѣчествомъ для того, чтобы, *исходатайствовавъ напередъ всѣмъ намъ всепрощеніе, даровать намъ не только возможность спасенія, но и совершенное спасеніе или блаженство; однакожъ этимъ даромъ благодати, исходатайствованнымъ у Отца Небеснаго пользуются т. е. на самомъ дѣлѣ пріемлютъ прощеніе своихъ грѣховъ и избавляются отъ заслуженнаго наказанія, не всѣ, а только тѣ, которые* съ своей стороны расположены съ вѣрою и любовью пользоваться и пользуются дарованными Имъ средствами.... тутъ вы можете продолжать далѣе. Вотъ бы какъ слѣдовало изложить ученіе о нашемъ искупленіи во Христѣ, — а не путать, не фразерствовать, не кривить истиной, не сводить общей истины объ нашемъ всецѣломъ участіи въ искупленіи, — въ частную истину о значеніи церковнаго покаянія.

3. Тирада.

Послѣ этого не дерзость ли обобщать свои такія мысли съ ученіемъ Православной Церкви! Смѣлость необыкновенная! «Это не наши мысли, не наше ученіе. Осьмнадцать вѣковъ держитъ ихъ въ строгомъ охраненіи Церковь Православная, анаѳематствуя самомалѣйшее на нихъ посягательство.» Правда, она содержитъ такое ученіе о воспріятіи Сыномъ Божіимъ человѣческаго естества, кромѣ грѣха, — но только такихъ нелѣпыхъ предположеній, такой странности, и того, что *Агнецъ Божій или Сынъ Божій якобы не за всѣ наши грѣхи* отвѣтилъ предъ Правосудіемъ Божіимъ, — никакъ не допускаетъ, не пріемлетъ, отвергаетъ и осуждаетъ; смотрите, г. критикъ, своими словами сами не осудите себя!

Мысли о. Ѳеодора и первыя перетолки критика о воспринятіи Сыномъ Божіимъ нашего естества, кромѣ грѣха, — и о понесеніи наказанія за грѣхи наши.

Этими словами собственно кончается у критика изложеніе ученія Православной Церкви,—и за симъ опять, чрезъ любимое критикомъ—*но*, дѣлается оборотъ собственно къ разбору словъ архим. Ѳеодора, — и сперва, замѣчательно, критикъ извлекаетъ одно мѣсто изъ книги, какъ видно, весьма согласное съ его взглядами и потомъ уже начинаетъ писать укоры — и разборъ; — «но, какъ справедливо замѣчаетъ архим. Ѳеодоръ, — пишетъ критикъ, — сатана искони преданныхъ ему людей, чрезъ свои темныя вліянія, болѣе и болѣе исполняетъ своею духовною горделивостію, своимъ сатанинскимъ противленіемъ Христу...»

и т. д. Зачѣмъ же понадобились эти слова г. критику? Къ дѣлу искупленія вѣдь они не относятся? Правда; но за то они даютъ поводъ ему обратить эти слова на автора архим. Ѳеодора; и потому критикъ въ слѣдъ за приведенными словами возглашаетъ: «и находятся же эти несчастныя орудія льщенія сатанинскаго, мнящіяся даже тѣмъ, (чѣмъ? это вольность критика) службу приносити Богу! Въ жалкомъ ослѣпленіи они, какъ Оза (?) къ Кивоту Божію, простираютъ дерзновенную руку, — на самый догматъ искупленія человѣчества и, одержимые лживою филантропіею, осмѣливаются утверждать, что І. Христосъ» и проч. Такъ приступаетъ г. критикъ собственно къ разбору и оцѣнкѣ мыслей автора книги. Какъ видите, приступъ самый деликатный! Авторъ книги названъ (хотя безъ употребленія его имени) *несчастнымъ орудіемъ льщенія сатанинскаго*, въ жалкомъ ослѣпленіи, какъ Оза, простирающимъ къ Кивоту Божію дерзновенную руку — на самый догматъ искупленія. Конечно, это такая брань, которая падаетъ на самаго же поносителя, но тѣмъ не менѣе для неопытнаго читателя она имѣетъ свое значеніе, какъ мы выше и сказали, именно, она заставляетъ предполагать какое нибудь важное неправомысліе въ книгѣ. На такое именно впечатлѣніе и разсчитываетъ критикъ; съ этою цѣлію, чтобы оправдать себя и заподоздрить автора, онъ приставляетъ къ отрывочно-приводимымъ словамъ свои собственныя слова, которыя иной почтетъ пожалуй и за слова самаго автора книги. Потому критикъ такъ продолжаетъ свою рѣчь.... «осмѣливаются утверждать, что «Іисусъ Христосъ (слова, «оскобленыя вторично,—слова самаго автора) — Богъ

«Слово принялъ нашу человѣческую природу и съ «умомъ человѣческимъ и съ сердцемъ, и съ волею и «съ воображеніемъ» — (слова совершенно справедливыя, хотя и отрывочно взятыя, но критикъ, чтобы навязать имъ другой, свой нелѣпый смыслъ, прибавляетъ къ нимъ изъ своего чрева): *въ настоящемъ растлѣнномъ ихъ состояніи* (и потомъ, пропустивъ много изъ рѣчи автора, продолжаетъ) что «Онъ далъ «истощиться на Самомъ себѣ всей ярости грѣховной «лжи и злобы, а вмѣстѣ и всему гнѣву Божію на ложь «и злобу грѣха.» Видите, читатель, слова и мысли догматически вѣрныя; — и критикъ признается, что въ нихъ нѣтъ того, что онъ имъ навязываетъ, но что усмотренная мысль видна только въ дальнѣйшемъ ея развитіи. «Не безъ основанія, продолжаетъ онъ, мы вставили въ эту мысль слова: *въ ихъ растлѣнномъ состояніи*, — ибо таково дальнѣйшее ея развитіе. Будь это не такъ (онъ непремѣнно полагаетъ, что должно быть такъ, какъ онъ думаетъ), то авторъ не сталъ бы утверждать, что «Тотъ, кто человѣческую «мысль и фантазію взялъ ради меня, въ неразрывный «союзъ съ своимъ Божествомъ, Тотъ самъ заступится «за мою мысль, не дастъ связывать и забить камнями «грѣшницу, а напротивъ и связанную развяжетъ и «обличенную не осудитъ и другимъ не дастъ осудить «вземляй грѣхи міра, и скажетъ ей: *ни Азъ тя осуж-«даю, иди, отселѣ не согрѣшай.*» По нашей здравой логикѣ слѣдовало-бы г. критику доказать, что въ такихъ-то и въ такихъ-то словахъ о. Ѳеодора заключается дѣйствительно страшная и нелѣпая мысль о воспріятіи Сыномъ Божіимъ въ неразрывный союзъ съ Своимъ Божествомъ растлѣннаго естества человѣ-

ческаго и опровергнуть ее, — а критикъ этого не дѣлаетъ, — а построяетъ свой силлогизмъ ab absurdo, (на такіе силлогизмы онъ необыкновенный мастеръ), которымъ хочетъ убѣдить читателя, что авторъ имѣлъ въ виду эту нелѣпую мысль. Силлогизмъ этотъ слѣдующій: «чтобы исходатайствовать намъ всепрощеніе отъ всѣхъ грѣховъ, прежде-бывшихъ, настоящихъ и будущихъ, — для этого нужно Сыну Божію взять въ неразрывный союзъ съ Божествомъ всѣ грѣхи. Вотъ первый терминъ. А о. Ѳеодоръ говоритъ, что Іисусъ Христосъ Сынъ Божій исходатайствовалъ намъ всепрощеніе. Вотъ второй терминъ. Слѣдовательно Сынъ Божій взялъ въ союзъ съ своимъ Божествомъ всѣ грѣхи наши.» Вотъ его собственные слова: «Очевидно», говоритъ критикъ, послѣ вышеписанныхъ словъ, — (хотя для насъ, ничего еще не видно), и очевидно, что такое всепрощеніе, простирающееся и на прежде-бывшіе и на настоящіе и на будущіе грѣхи, такая исключительная защита блудницъ-мыслей и грѣшницъ-фантазій, можетъ быть допущена подъ *тѣмъ* лишь *условіемъ*, что Самъ Безгрѣшный, «взявшій въ неразрывный союзъ съ Своимъ Божествомъ» всѣ уклоненія нашей мысли, воли, чувства, фантазіи, вступится за нихъ, какъ за родственныя Ему, какъ за близкія (страшно сказать! даже самому страшно стало) Самому Его Божеству!» Да какимъ же образомъ такъ у васъ выходитъ, критикъ, ради самаго Создателя растолкуйте. Да какъ же это выходитъ, что прощеніе грѣшникамъ можетъ даваться подъ *тѣмъ лишь условіемъ*, что самъ Безгрѣшный вступится за грѣхи, какъ за родственные Себѣ, близкіе Своему Божеству? Гдѣ же вы нашли такія слова о. Ѳеодора?

Да вы насильно навязываете ему ваши мысли, страшно исказивъ его догматически-вѣрныя слова: Тотъ, Кто человѣческую мысль и фантазію взялъ ради меня въ неразрывный союзъ съ Своимъ Божествомъ, Тотъ самъ заступится за мою мысль и т. д. Тутъ и намека нѣтъ на то, что будто бы Самъ Безгрѣшный взялъ въ неразрывный союзъ съ Своимъ Божествомъ всѣ уклоненія нашей мысли, воли, чувства, фантазіи, — какъ вы навязываете о. Ѳеодору. Ну скажите ради Бога, по совѣсти ли такъ поступили вы? Притомъ вы не хотите понять и перетолковываете тѣ родственныя связи, какія существуютъ между нами — грѣшными и Богочеловѣкомъ (объ этомъ будетъ послѣ рѣчь). Но критикъ не слушаетъ ничего, и спѣшитъ впередъ. «*Елика аще свяжите на земли, будутъ связана на небеси*, сказалъ Онъ, т. е. Господь Іисусъ Христосъ своимъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ законно-рукополагаемымъ пастырямъ Церкви Своей. Но новѣйшее ученіе о полномъ всепрощеніи грѣховъ даже безъ принесенія въ нихъ покаянія, въ конецъ разрушаетъ это Христово обѣтованіе. Какъ Церкви связывать какую-нибудь мысль-грѣшницу, если Самъ Христосъ ее развязываетъ? Какъ осуждать напр. еретическую фантазію, если Самъ вземляй грѣхи міра не осуждаетъ и не позволяетъ другимъ осудить ее?» Нечего сказать, — сильная критика. Вся эта путаница произошла отчасти отъ недобросовѣстности критика, а потомъ отъ смѣшенія актовъ нашего спасенія во Христѣ. Здѣсь у автора книги имѣется въ виду преимущественно первый актъ; именно: такъ-какъ Спаситель всецѣло принялъ на Себя наше человѣческое естество, кромѣ грѣха, (какъ нерѣдко и огова-

ривается авторъ книги, но критикъ не обращаетъ на это вниманія, такъ сильно убѣжденъ онъ въ неправомысліи о. Ѳеодора!), со всѣми его силами и способностями; то Онъ и исходатайствовалъ всепрощеніе у Бога Отца на всѣ грѣхи человѣческіе и такимъ образомъ даровалъ возможность пріобрѣтать спасеніе всѣми силами состава человѣческаго, всѣми сторонами его жизни, т. е. и умомъ и фантазіей и чувствомъ и т. д. А вопросъ о томъ, дѣйствительно ли всѣ воспользовались и пользуются этимъ, усвоили себѣ и усвояютъ всепрощеніе, — этотъ вопросъ впереди, — авторъ еще не касается его, такъ-какъ онъ по преимуществу хочетъ раскрыть отношеніе перваго акта нашего спасенія ко всѣмъ сторонамъ или родамъ нашей дѣятельности, хоть напр. и къ искусству. Но чтобы не подумали, что мы защищаемъ автора пристрастно, приведемъ лучше его собственныя слова, въ высшей степени справедливыя и глубокія. Дѣло идетъ объ искусствѣ; «задача искусства, — говоритъ о. Ѳеодоръ, состоитъ въ томъ, чтобы художникъ въ чемъ-бы то» ни было дѣйствительномъ или возможномъ, своимъ,» такъ называемымъ, творческимъ дарованіемъ, сколь-» ко-нибудь ощутилъ силу и державу любви Отца, на» всѣ простирающейся, и всему пріемлющему во Св.» Духѣ удобо-сообщимой, и чтобы отобразилъ это въ» своемъ созданіи, хотя бы совсѣмъ безсознательно,» хотя бы такъ, какъ солнце отражается въ капелькѣ» воды??... Но скажутъ, что такая задача искуства мо-» жетъ испугать грѣшныхъ людей, къ ряду которыхъ» принадлежатъ и художники.» На это возраженіе ав-» торъ отвѣчаетъ: «да, недостойная и даже прямо грѣ-» ховная пугливость предъ *Божественнымъ* происхо-»

«дитъ только отъ того, что мы слишкомъ ужъ забыли, «что (отсюда начинается извлеченіе у г. критика; ну «судите сами есть ли тутъ совѣсть?) «*Самъ Богъ Сло-*«*во*, существенное сіяніе Отчей любви, не ради Себя, «а именно ради насъ грѣшныхъ, «*принялъ нашу чело-*«*вѣческую природу — и съ умомъ человѣческимъ, и съ* «*сердцемъ и волею, и воображеніемъ и съ самымъ тѣ-*«*ломъ человѣческимъ* — и, этимъ своимъ человѣчествомъ «опять только ради доступности къ намъ, вошелъ въ «нашъ земной порядокъ вещей, подъ условія жизни,— «и семейной, — и національной, и Церковной, чтобы «всё у насъ было съ Нимъ и по Нему. Мало этого, «Онъ самую *вину грѣховъ* нашей мысли, воли, всей «нашей внутренней и внѣшней дѣятельности понесъ на «Себѣ, такъ что *далъ истощиться на Самомъ Себѣ* «*всей ярости грѣховной, лжи и злобы, а вмѣстѣ и* «*всему гнѣву Божію на ложь и злобу грѣха*» и так. «образ. *будучи свѣтомъ и жизнію.* Онъ входилъ за «насъ во мракъ страданій и самой смерти; будучи *са-*«*мою правдою* и имѣя почивающее въ Себѣ *все бла-*«*говоленіе Отца*, сталъ за насъ *по Апостолу, какъ са-*«*мый грѣхъ и проклятіе*» (2 Кор. 5, 21. 23. Гал. 3, 13). Ну, скажите ради Бога, есть ли здѣсь хоть тѣнь той мысли, которую навязываетъ автору г. критикъ. Одно здѣсь—довольно тяжелъ, тягучъ языкъ и больше ровно ничего. Откуда же у критика явилась мысль, что будто бы авторъ книги проповѣдуетъ о воспринятіи Спасителемъ природы человѣческой въ растлѣнномъ ея состояніи. Непостижимо! Въ слѣдующей выдержкѣ изъ автора критикъ беретъ мѣста безъ связи, — мы приведемъ его вполнѣ и тогда увидимъ, какъ должно понимать его. «Положимъ, говоритъ о.

Ѳеодоръ, моя мысль или такъ называемая творческая» фантазія была и блудница и всѣ книжники и фарисеи» обличали бы и готовы были бы побить эту блудницу» камнями. Но если *я уже пришелъ или со стыдѣніемъ» лица и вмѣстѣ съ упованіемъ только еще иду къ Тому*,» Кто человѣческую мысль и фантазію, какъ и всю при-» роду человѣческую, взялъ ради меня въ неразрывный» союзъ съ Своимъ всеблагостнымъ вседержавнымъ Бо-» жествомъ: то Онъ Самъ заступится за мою мысль и» фантазію, не дастъ связывать и забить камнями грѣш-» ницу, и напротивъ и связанную развяжетъ и обли-» ченную не осудитъ и другимъ не дастъ осудить—» вземляй грѣхи міра. Слышу, что Онъ говоритъ: *ни» Азъ тебя осуждаю. Иди и отселѣ къ тому не согрѣ-» шай.*» (Іоанн. 8, 11. 12). Видите, правосл. читате-ли, всѣ выраженія здѣсь сняты авторомъ съ Евангельскаго расказа о женѣ, ятой въ прелюбодѣяніи, и сдѣлано приложеніе этого событія къ подобному же положенію мысли или фантазіи, или другой какой-нибудь стороны человѣка. Чтобы точнѣе понять и опредѣлить смыслъ словъ автора, если они казались непонятными критику, (намъ они кажутся весьма ясными) слѣдовало бы, держа въ умѣ своемъ подлинную исторію Евангельскую или еще лучше, объяснивши её, сопоставить съ нею слова и мысли автора. Вкравшіяся у послѣдняго несообразности (еслибы онѣ только были тутъ) и неправильности открылись бы сами собою. Такъ покрайней мѣрѣ учитъ поступать здравая логика. Чего не сдѣлалъ критикъ, то сдѣлаемъ мы за него. Книжники и Фарисеи, эти буквалисты въ религіи, привели къ Іисусу Христу *жену ятую въ прелюбодѣяніи*, уличенную преступни-

цу седьмой заповѣди. Зная по прежнимъ опытамъ милосердіе этого Учителя, изрекающаго всепрощеніе каждому, прибѣгающему къ Нему, они хотѣли поставить Его въ затрудненіе относительно рѣшенія судьбы этой несчастной женщины. По закону Моисееву она должна быть побита камнями; но они увѣрены, что народный Учитель, называемый Іисусъ, по своему милосердію не согласится на это? Какъ же Онъ выйдетъ изъ этихъ крайностей, *да на-Нь возглаголютъ?* Что же Господь? Онъ повелъ дѣло не путемъ формализма, какъ ожидали жиды, а путемъ незнакомымъ имъ, путемъ духа и благодати. Онъ одинъ могъ простить и не простить преступленіе обличаемой и осуждаемой женщины, но Онъ благоизволилъ простить ей это преступленіе, и рѣшилъ дѣло очень просто. Онъ обратилъ ихъ взоры на ихъ собственное развращеніе; «кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ на нее камень,» сказалъ Онъ имъ. Услышавъ это — и, обличаемые совѣстію, обвинители одинъ за другимъ вышли и оставили Іисуса и жену, стоящую посреди. Когда же всѣ разошлись, Господь спрашиваетъ прелюбодѣйцу: осудилъ ли тебя кто? Никто, — отвѣчала та. Такъ — и Я тебя не осуждаю; отвѣтилъ ей Милосердый Господь, вземляй грѣхи міра. Но какъ же такъ случилось? По идеямъ Дом. Бесѣды, а въ частности г. критика, прилагаемымъ къ этой свящ. исторіи, Господь поступилъ не такъ. Какъ это можно, чтобы блудница получила прощеніе отъ своихъ грѣховъ, безъ принесенія церковнаго покаянія? «Очевидно, говоритъ критикъ, такое полное всепрощеніе, простирающееся и на прежде-бывшіе, и на настоящіе и на будущіе грѣхи, такая исключительная

защита блудницъ, можетъ быть допущена подъ тѣмъ лишь условіемъ, что Самъ Безгрѣшный «взявшій въ неразрывный союзъ съ Своимъ Божествомъ» всѣ уклоненія нашей мысли, воли, чувства, фантазіи, прибавьте чувственности, вступится за нихъ какъ за *родственныя Ему*, какъ за близкія (страшно сказать) Самому Его Божеству». Какое вопіющее неправомысліе. Если Господь прощаетъ прелюбодѣйцу, значитъ-ли отсюда, что Онъ могъ это сдѣлать подъ *тѣмъ единственнымъ условіемъ*, что взялъ въ родство съ Своимъ Божествомъ и ея прелюбодѣяніе? (Господи помилуй!) Какъ вы не можете понять, что Господь, избавляя прелюбодѣйцу, избавляетъ единственно потому, что Онъ милосердый взялъ въ родственный союзъ съ Собою не грѣхъ ея, а всѣ ея человѣческое естество, что поэтому Онъ безгрѣшный смотритъ на насъ, какъ на своихъ дорогихъ братьевъ, что, бывъ *искушаемъ* Самъ *по всяческимъ*, знаетъ, какъ слаба наша плоть, какъ легко мы поддаемся хитрому коварству искушенія, и потому Онъ безгрѣшный милосердымъ окомъ воззрѣлъ на жену, какъ на преступную, но всѣ же свою сестру по плоти, родственницу по естеству, и потому — простилъ ее и простилъ такъ, что грѣхъ ея взялъ на себя, взялся понести и наказаніе за него. Вѣдь это было не даромъ! — Приложите же теперь, по мыслямъ о. Ѳеодора, всѣ эти подробности дѣйствительнаго событія къ судьбѣ какой-нибудь мысли, или фантазіи, представленной въ подобномъ же видѣ и положеніи. Сдѣлавши это, сообразите, почему Господь можетъ вступиться за мысль или за блудницу-фантазію; не потому конечно, что ложь ихъ Ему безгрѣшному родственна, что Онъ Самъ,

когда-нибудь лгалъ (Боже помилуй насъ), но единственно потому что Онъ ради меня, взявши въ неразрывный союзъ съ Собою съ Своимъ Божествомъ *человѣческую мысль и фантазію* (разумѣется кромѣ грѣха) заступится за нихъ, какъ за родственные по природѣ, а не по грѣху, потому что Онъ знаетъ, какъ немощенъ нашъ разумъ, наша фантазія, какъ по немощамъ своимъ они близки къ паденію, ко лжи,— даже и при самыхъ благородныхъ стремленіяхъ своихъ. И потому хотя мысль и заблудилась, фантазія согрѣшила, — но если въ нихъ есть искреннее желаніе истиннаго пути, желаніе добиться, достигнуть лучшаго, если притомъ мысль и фантазія — хотя и согрѣшившія, идутъ къ нему со стыдѣніемъ и трепетомъ,— то, по истинѣ, Господь, по человѣчеству Своему, по Своему опыту, такъ-какъ Онъ Самъ былъ искушаемъ, хотя не подпалъ искушенію, удовлетворившій за всѣ грѣхи Правдѣ Божіей, не дастъ побить камнями грѣшницу, а напротивъ и связанную развяжетъ и обличенную не осудитъ, и другимъ не дастъ осудить. *Ни Азъ тя осуждаю*, скажетъ Онъ ей, *иди*, *отселѣ къ тому не согрѣшай.*,

О нашемъ участіи въ искупленіи.

Мы бы могли остановиться на этомъ объясненіи; но такъ-какъ критикъ особенно безпокоится за церковное покаяніе, за обѣтованіе Спасителя — вязать и рѣшить, за власть Церкви, то мы рѣшимъ и тотъ вопросъ: въ прощеніи Спасителемъ прелюбодѣйцы, не выказывается ли ея покаянія, или говоря общѣе, ея участія въ прощеніи, а потомъ, какъ о. Ѳеодоръ

разумѣетъ заступничество Искупителя за мысль и фантазію поврежденныя, или какъ онъ выражается—блудницы? Въ разсказѣ евангельскомъ о прощеніи жены, не сказано, въ какихъ расположеніяхъ она стояла передъ Спасителемъ. Но, мысленно ставя себя въ такое же положеніе, и соображая окружающія её обстоятельства, мы можемъ понять и ея внутреннія расположенія.—Нужно замѣтить, что въ то время грѣхъ уже не имѣлъ прежней стремительности, какъ было во времена Моисея, не имѣлъ потому и той открытости, какъ тогда; но теперь онъ углубился, сталъ прикрываться маскою добродѣтели, сталъ лицемѣрить, наружно почитать добродѣтель; такъ онъ особенно являлся въ представителяхъ того времени—фарисеяхъ. Отсюда не трудно понять, какъ смотрѣла на жену толпа, приведшая и окружающая её, и какъ смотрѣла сама жена на себя, неуспѣвшая скрыть своего преступленія. Фарисеи считали себя праведниками, а на неё указывали, какъ на достойную смерти. И сама она не могла представить никакого оправданія и чувствовала угрызенія совѣсти, чувствовала бѣдственность своего положенія, страшилась за свою участь, которая будетъ зависѣть отъ Учителя, предъ которымъ стоитъ она. Понятно, что окруженная людьми, мнимоправедными, осужденная ими предъ закономъ на смертную казнь и ожидающая рѣшительнаго приговора отъ народнаго Учителя—Христа, она внутренно раскаявалась въ своемъ преступленіи и готова была чѣмъ угодно загладить его. Господь видѣлъ такое внутреннее расположеніе грѣшницы, и потому вину ея преступленія беретъ на Себя, и разрѣшаетъ ее отъ грѣха и отъ отвѣтственности за него, на томъ

основаніи, что она воспользуется этимъ всепрощеніемъ. Такъ именно понялъ это мѣсто и о. Ѳеодоръ; онъ говоритъ: «но если я уже и пришелъ *или со «стыдѣніемъ лица и вмѣстѣ съ упованіемъ только «еще иду къ Тому, Кто человѣческую мысль и фан-«тазію*, какъ и всю природу человѣческую, взялъ ради «меня»... Въ этихъ словахъ: *пришелъ, или еще иду со стыдѣніемъ лица и вмѣстѣ съ упованіемъ къ Тому....* ясно выражаетъ, что для усвоенія себѣ художникомъ или философомъ — всепрощенія отъ Сына Божія, нужно ихъ участіе въ заслугахъ Искупителя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ же словахъ авторъ даетъ еще понять и состояніе прелюбодѣйцы, стоявшей предъ Господомъ — «состояніе, въ какомъ пріемлется и подается отпущеніе грѣховъ». Не ясно ли теперь, г. критикъ? Не очевидно ли, что авторъ и не думалъ никогда объ этой нелѣпой мысли, какую вы навязываете ему, т. е. якобы Сынъ Божій даетъ всепрощеніе, подъ условіемъ не церковнаго покаянія, а воспринятія въ единство своей ѵпостаси грѣховъ человѣка, или грѣшнаго и растлѣннаго естества его. Относительно этого мѣста обнаруживастся вся злонамѣренная недобросовѣстность ваша ввести въ обманъ читателя, навязавъ автору свои нелѣпыя и дикія предположенія. По долгу совѣсти и здравой логикѣ слѣдовало бы сполна привести слова и показать поводъ, почему они произнесены; нужно было непремѣнно начать съ этихъ словъ, «но если я пришелъ, или еще только иду со стыдѣніемъ лица, и вмѣстѣ съ упованіемъ къ Тому... съ этими словами рѣчь понятна и ясна, и не боится никакихъ перетолкованій.

Непужная замѣтка о покаяніи; опасенія насчетъ догмата о промышленіи и домостроительствѣ нашего спасенія.

Далѣе; продолжаетъ критикъ ту же тираду: «Агнецъ Божій снимаетъ и потребляетъ грѣхи лишь чрезъ покаяніе человѣка.» Сказавъ это общее мѣсто, критикъ продолжаетъ: «вотъ потому-то невѣрно и противно ученію Церкви Православной слѣдующее разсужденіе архим. Ѳеодора: «Христосъ не только по свое«ему Творчеству и промышленію, но и по домострои«тельству искупленія вседержавно властвуетъ надъ «всѣмъ и всѣми, безъ препятствія и стѣсненія со сто«роны человѣческаго своеволія и вообще зла, какъ «подъятаго Имъ на Себя и съ преизбыткомъ выне«сеннаго Имъ чрезъ страданіе и смерть» (стр. 256). Очевидно, (для кого?) говоритъ критикъ, что этимъ проповѣдуется совершенная разнузданность зла и своеволія человѣческаго на томъ основаніи, что все это подъято уже на Себя Агнецомъ Божіимъ и съ преизбыткомъ вынесено Имъ чрезъ страданіе и смерть. Не говоримъ уже объ устраненіи власти церковной (хочется ему очень оклеветать автора предъ Церковію; посмотримъ, удастся ли ему это?), самое покаяніе (далось ему покаяніе) въ томъ даже смыслѣ, въ какомъ принимаютъ его протестанты, представляется не нужнымъ.» Вы опять трактуете безъ ясныхъ и раздѣльныхъ понятій о томъ, о чемъ трактуете. Общее мѣсто, которое для васъ служитъ пробнымъ камнемъ для мыслей о. Ѳеодора, выражено не богословскимъ образомъ, не ясно, не опредѣленно, не точно, спутано. Въ дѣлѣ потребленія нашихъ грѣховъ важно не одно покая-

ніе, какъ мы сказали выше, но вообще пользованіе всѣми богодарованными средствами, или общеніе въ страданіяхъ и смерти Искупителя и усвоеніе Его заслугъ предъ правдою Божіею. Потому, если вы хотѣли дополнить и выяснить мысль автора, вамъ слѣдовало бы сказать богословски — такимъ образомъ: «дѣйствительно, Агнецъ Божій потребляетъ и сни«маетъ наши грѣхи на Себя, но это дѣйствіе Его «любви къ намъ будетъ для насъ спасительно и бла«гоплодно только лишь подъ условіемъ нашего обще«нія въ страданіяхъ и смерти Его». Это будетъ гораздо полнѣе и точнѣе, чѣмъ сказали вы. Впрочемъ, нужно замѣтить, что такое замѣчаніе и вполнѣ богословское не йдетъ сюда и выдержка этого мѣста опять показываетъ въ критикѣ недобросовѣстность и нелогичность. Авторъ книги, говоря объ Ивановой картинѣ: явленіе Спасителя міру,—перефразировалъ, для поясненія, слова Іоанна Крестителя: *се Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра*. А извѣстно (какъ это вы не догадались, г. критикъ, а еще пишите критики), что слова Іоанна Крестителя указываютъ на первое дѣйствіе тайны нашего искупленія, на понесеніе Спасителемъ отвѣтственности за всѣхъ насъ. Слѣдовательно, толковать для автора о покаяніи, какъ вы того хотите, рѣшительно не слѣдовало.

Далѣе, изъ словъ автора о домостроительствѣ нашего спасенія, вы, г. критикъ, непосредственно, безъ всякихъ среднихъ терминовъ вывели ту мысль, что будто бы авторъ учитъ разнузданности порока. Какъ выходитъ у васъ это *очевидно*, я не понимаю рѣшительно, да и всякій, кто сколько нибудь понимаетъ

богословіе, скажетъ вамъ то же. Это также *очевидно*, какъ изъ ученія Православной Церкви о промыслѣ Божіемъ вытекаетъ слѣдствіе, что догматъ этотъ ведетъ къ разнузданности свободы и грѣха. Вы, вѣроятно, забыли православный катихизисъ; послушайте же, что́ тамъ содержится. «Вопросъ: *Что есть про-*«*мыслъ Божій?* Отвѣтъ: промыслъ Божій есть непре-«станное дѣйствіе всемогущества, премудрости и бла-«гости Божіей, которымъ Богъ сохраняетъ бытіе и «силы тварей, направляетъ къ благимъ цѣлямъ, вся-«кому добру вспомоществуетъ, а возникающее чрезъ «удаленіе отъ добра *зло пресѣкаетъ, или исправляетъ* «*и обращаетъ къ добрымъ послѣдствіямъ*». Теперь спрошу я васъ: наше своеволіе, наше стремленіе къ злу, наша разнузданность и т. п., стѣсняютъ ли промыслъ Божій, препятствуютъ ли Ему достигать Своихъ премудрыхъ и благихъ, и совершеннѣйшихъ цѣлей, къ которымъ ведется міръ. Боже насъ сохрани такъ думать! Да не будетъ сего. Господь по Своему творчеству и промышленію вседержавно властвуетъ надъ всѣмъ и всѣми, безъ препятствія и стѣсненія, со стороны человѣческаго своеволія и вообще зла. Его премудрость, всемогущество и благость стѣснять, ограничивать ничто и никто не можетъ. Разсудите же; вѣдь по вашему мнѣнію выходитъ, что такое ученіе проповѣдуетъ совершенную разнузданность зла и своеволія?!! Точно также, какъ по творчеству и промышленію, такъ и по домостроительству Своему Христосъ вседержавно безъ стѣсненія и безъ препятствія правитъ всѣмъ и все ведетъ къ славѣ своего великаго имени. По творчеству своему Господь предназначилъ

насъ къ блаженству, но по домостроительству предзрѣлъ о насъ и предуготовилъ намъ нѣчто лучшее, совершеннѣйшее; — и уже явилъ *велію благочестія тайну* — именно воплощеніе Бога-Слова; такъ что грѣхъ, явившійся чрезъ перваго человѣка и допущенный въ міръ, и нетолько грѣхъ перваго человѣка, но и всѣхъ людей, всего міра, нетолько не стѣсняетъ Бога и Христа Его въ достиженіи имъ предположенныхъ благихъ и премудрыхъ цѣлей, напротивъ постоянно служитъ къ раскрытію явленія Его славы. Тайна воплощенія все болѣе и болѣе раскрывается; — а грѣхъ какъ бы только подаетъ случай къ ея раскрытію. Не будь первороднаго грѣха, не было бы и воплощенія; не возсѣдало бы наше человѣческое естество одесную престола Отчей славы, не возводились бы мы и къ этому престолу славы. Подъявши все зло міра, понесши всю тяготу, всю отвѣтственность за него, Христосъ Спаситель получилъ такъ сказать въ полное обладаніе міръ, — и такъ какъ за зло уплаченъ долгъ, — то Онъ допускаетъ его, но допускаетъ тамъ, тогда и въ той мѣрѣ, гдѣ, когда и къ какой мѣрѣ можетъ оно послужить, по Его прѣдведѣнію и промышленію, къ раскрытію добра, къ раскрытію Его міродержавной тайны; — Онъ допускаетъ бытіе грѣшника въ мірѣ, оставляетъ жизнь ему, не стѣсняетъ его свободы, но дотолѣ, *пока онъ сколько нибудь, хотя и не сознательно, въ планъ міроправленія, служитъ добру;* какъ скоро же его бытіе какъ-бы замерло для цѣлей Его домостроительства, грѣшникъ изводится изъ сего міра. И этотъ путь своего смотрѣнія Господь Христосъ совершаетъ также легко, какъ намъ — снять паутину, даже легче — какъ будто Онъ не встрѣчаетъ другой свободы, другаго внѣ Его существа

разумнаго; такъ что дѣйствительно, по совершенно точному выраженію о. Ѳеодора, Христосъ вседержавно и рѣшительно безъ всякаго препятствія и стѣсненія со стороны человѣческаго своеволія и зла въ мірѣ властвуетъ надъ нимъ. Это дѣйствіе всемогущества Божественнаго, премудрости и благости, направляющее своеволіе со всѣми его порожденіями, и вообще свободу и разумъ человѣка—къ безпрепятственному служенію благимъ цѣлямъ, къ выполненію Божественныхъ намѣреній въ жизни всего человѣчества и въ жизни отдѣльнаго человѣка, — составляетъ по истинѣ высочайшій, глубочайшій и самый вожделѣннѣйшій предметъ для христіанскаго созерцанія.

4-я тирада. Замѣчательная вставка въ критикѣ.

«Если мы», выписываетъ критикъ далѣе слова Архим. Ѳеодора, «и ревностно возвѣщаемъ и твердо «содержимъ истину Христову; сами однако при этомъ «не одушевляемся тѣмъ духомъ Христа—Агнца Божія, «что Онъ взялъ грѣхи міра на Себя, какъ будто Онъ «именно и виноватъ въ нихъ предъ Отцемъ; (слѣдующія «за симъ слова выпущены критикомъ: *если потому*, «*возлагаемъ на другихъ тяжкія бремена отвѣтственности и неоплатныхъ долговъ предъ Богомъ, сами же и «пальцемъ не хотимъ и не думаемъ коснуться этой «тяжести:* вмѣсто этихъ словъ у критика вставлены «совсѣмъ другія, а именно): *а сами непощадно гонимъ философію, эстетику, науку, искусства, всѣ наслажденія «вѣка, всѣ лакомства современности, ими доставлямыя:* «то мы также не сообразуемся со Христомъ Сыномъ «Божіимъ и слѣдовательно также ниспадаемъ до начала

«не человѣческаго, но безпощаднаго къ человѣчеству, или «человѣкояднаго.» Послѣ такого выпуска и такой вставки своихъ словъ въ слова автора, что дѣлаетъ критикъ?... Обыкновенно что, восклицаетъ и удивляется! И дѣйствительно какъ не удивляться!!! «Вотъ къ чему привело автора болѣе, чѣмъ неправильное понятіе о человѣколюбіи!» взываетъ критикъ. Къ чему же г. критикъ? А вотъ къ чему, продолжаетъ г. критикъ: «*всѣ наслажденія* вѣка, *всю дурь* философіи, эстетики, искусствъ, *всѣ лакомства* современности (что за языкъ?!), онъ возводитъ ко Христу, *пріурочиваетъ* святѣйшей чистотѣ, святѣйшей правдѣ, высочайшей любви, *гарантируя ихъ* тѣмъ, что Агнецъ Божій взялъ на Себя всѣ грѣхи міра». Да съ чего же вы взяли, г. критикъ, толковать о философіи, о наукѣ, объ искусствахъ и т. дал.—у автора книги объ этомъ даже ни полуслова нѣтъ; — откуда же у васъ взялось? Авторъ говоритъ о фарисейской ревности къ истинѣ Христовой, несообразной или точнѣе не сообразующейся съ духомъ Агнца Божія, о возложеніи тягостей и бременъ на рамена другихъ,—и о безучастіи ревнителей къ этимъ труженикамъ, несущимъ эти тяжести, (что вы выпустили, *но*) что прямо взято со словъ Спасителя къ Фарисеямъ и примѣнено къ нашему времени. Если мы такъ будемъ писать критики, такъ вѣдь бумаги не напасутся на насъ фабрики. Да притомъ, какъ же вы не подумали, что вѣдь это относится къ третьему отдѣлу по вашему оглавленію, а ни какъ не сюда. Какъ же вы забывчивы, г. критикъ!

Объясненіе вставки.

Однакожъ, въ самомъ дѣлѣ, почему онъ такъ самоуправно поступилъ съ словами о. Ѳеодора, вмѣсто его словъ внесъ совершенно другія, со всѣмъ не относящіяся къ дѣлу и по поводу этихъ-то не къ дѣлу вставленныхъ словъ ораторствуетъ? Дѣйствительно, это замѣчательный случай, но онъ объясняется весьма просто тѣмъ, что... эти слова не въ бровь, а прямо въ глазъ поражаютъ г. Аскоченскаго и критика. Онъ не понимаетъ, какъ мы уже сказали, высокаго ученія Христова о любви, по которой мы должны болѣть о чужихъ недостаткахъ, какъ о своихъ, молиться за нихъ и употреблять всѣ, и просвѣщеннымъ разумомъ обрѣтаемые и любовію сердца внушаемые, способы къ вразумленію людей, особенно тѣхъ, которые по невѣдѣнію заблуждаются. Напротивъ г. Аскоченскій подъ видомъ народнаго учителя или журналиста вдругъ явился съ бичемъ въ рукѣ. Онъ не хочетъ войти въ настроеніе Агнца Божія, подъявшаго на себя всю отвѣтственность за грѣхи міра; чтобы такимъ образомъ считать себя какъ бы участникомъ въ чужихъ грѣхахъ,—напротивъ нещадно, безъ разсужденія, безъ всякой не только любви, но даже общепринятой деликатности, ловитъ всякіе ничтожные случаи, чтобы поглумиться надъ другими, считая себя совершеннымъ; свысока смотритъ на философію и науки и всю современность, какъ на бѣсовское порожденіе и так. образ. нисходитъ до начала нечеловѣческаго, но, какъ выражается о. Ѳеодоръ, безпощаднаго къ человѣчеству, человѣкояднаго, звѣринаго. Естественно, стараясь отклонить отъ себя этотъ

непріятный и тяжелый ударъ, критикъ одни слова, которыя болѣе другихъ не нравятся, выпускаетъ,—а другія, которыя нравятся, вставляетъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній: «Если эти слова о. Ѳеодора идутъ противъ меня и моего направленія: то значитъ, что онъ подъ возложеніемъ мною тяжестей на другихъ, разумѣетъ мое возстаніе на всю дурь философіи, наукъ, искусствъ, на всѣ лакомства современности; а если такъ, если онъ то̀ разумѣетъ, то я имѣю право слова̀, направленныя на меня,—замѣнить словами устремленными на мое *Православное* направленіе, на мое возстаніе на всю дурь философіи, наукъ, искусствъ и на всѣ лакомства современности. Итакъ вмѣсто словъ: *если потому возлагаемъ на другихъ тяжкія бремена отвѣтственности и неоплатныхъ долговъ предъ Богомъ, сами же и пальцемъ не хотимъ и не думаемъ коснуться этой тяжести....* вмѣсто этихъ словъ можно вставить такія слова: *если сами нещадно гонимъ философію, эстетику, науку, искусства, всѣ наслажденія вѣка, всѣ лакомства современности, ими доставляемыя....* и такъ далѣе. Такимъ образомъ критикъ поясняетъ текстъ о. Ѳеодора своими вставками. Прекрасныя поясненія! а между тѣмъ по поводу этой вставки критикъ написалъ почти цѣлую тираду, — свои слова опровергалъ, какъ слова о. Ѳеодора. Ну скажите ради Бога, по совѣсти ли это?... Замѣчательно при этомъ, что онъ нигдѣ не нападаетъ на обличеніе о. Ѳеодоромъ духовнаго язычества въ нашемъ обществѣ,—а только возстаетъ за обличеніе въ жидовствѣ. Вѣдь по этому собственно и не понравилась Дом. Бесѣдѣ и вся книга о. Ѳеодора о Православіи; тогда какъ о другихъ книгахъ она ни полслова, потому что въ тѣхъ мало го-

ворится въ обличеніе этого направленія, хотя во всѣхъ совершенно одинъ и тотъ же прекрасный и глубокій взглядъ.

О значеніи наукъ, искуствъ и удобствъ жизни для христіанина.

На этомъ хотя бы и можно было остановиться относительно этого мѣста критики; но такъ какъ мы хотимъ ограничить свой разборъ только двумя первыми отдѣлами критики: то считаемъ нужнымъ теперь кстати сказать нѣсколько словъ объ отношеніи тайны искупленія къ философіи, наукамъ, искусствамъ и такъ далѣе.

Критикъ говоритъ, что только неправильное понятіе автора книги о человѣколюбіи могло привести его къ тому выводу, что «онъ всѣ *наслажденія вѣка всю дурь* философіи, эстетики, искусствъ, *всѣ лакомства* современности возводитъ ко Христу *пріурочиваетъ* Святѣйшей чистотѣ, Святѣйшей Правдѣ, Высочайшей Любви, *гарантируя* ихъ тѣмъ, что Агнецъ Божій взялъ на Себя всѣ грѣхи міра....» Прежде всего считаю долгомъ замѣтить вамъ, г. критикъ, что у насъ довольно образовался и опредѣлился языкъ богословскій и не требуетъ иностранныхъ или простонародныхъ словъ, и что потому такъ искажать языкъ этотъ, при разсужденіи о святѣйшихъ догматахъ, употреблять такія выраженія — каковы: *дурь философіи, всѣ лакомства современности, пріурочивать* Святѣйшей Чистотѣ, *гарантировать* тѣмъ, что *Агнецъ Божій*.... значитъ нетолько не быть знакомымъ съ

богословскимъ слововыраженіемъ, — но еще не имѣть уваженія къ самымъ догматамъ. Это первое. Потомъ позвольте мнѣ снова обратиться къ вопросу. Зачѣмъ Промысломъ допускается въ мірѣ ложь во всѣхъ своихъ видахъ? Какъ по христіански должно смотрѣть на существованіе философіи, наукъ, искуствъ, житейскихъ удобствъ, — и какъ оправдать ихъ существованіе, когда они идутъ вопреки истинѣ? Мы уже выше сказали, что въ основаніи всего нашего планетнаго бытія лежитъ тайна искупленія, — міръ ведется къ явленію и полному откровенію Славы Божіей. Для этой цѣли допущено зло въ той мѣрѣ, въ какой мѣрѣ оно послужитъ ей. Допускаются съ тою же цѣлію и грѣшники погибающіе, чтобы содѣйствовать проявленію и раскрытію добра въ людяхъ. Замѣчательно при этомъ изображеніе втораго Псалма. Мятутся боговраждебные народы на Христа Помазанника Божія, — и Вышній посмѣвается имъ, осклабляется на нихъ; — потому что ихъ коварные замыслы сами разрушаютъ себя — и чѣмъ больше они злоумышляютъ противъ Христа, — Помазанника Божія, тѣмъ болѣе по устроенію Божію служатъ Его дѣлу, тѣмъ скорѣе идутъ къ выполненію Его намѣреній. Потому и философія, и науки, и искусства, поелику отвѣтственность за нихъ понесъ на Себѣ Агнецъ Божій предъ Правосудіемъ Божіимъ, — насколько они бываютъ противны истинѣ, допущены Промысломъ для премудрыхъ и благихъ цѣлей. И дѣйствительно, они прекрасныя орудія въ рукахъ Промысла. Они нетолько отрицательнымъ, но и положительнымъ образомъ могутъ послужить и дѣйствительно служатъ вѣрѣ Христовой. Такъ возбуждая мысль отъ усып-

ленія, чувство отъ грубости, они могутъ сохранить народъ или общество, отъ застоя, китаизма, грубости, невѣжества, формализма, жидовства, самодовольной, всепопирающей гордости. Они, углубляя мысль, расширая сознаніе, образовывая чувства, могутъ быть проводниками истины религіозной въ сознаніе общества, возбудителями религіозной жизни народа. Отъ того благоразумныя правительства особенно заботятся о распространеніи образованія и просвѣщенія въ обществѣ. Отъ того исторія даетъ предпочтеніе правителямъ, которые заботились о распространеніи просвѣщенія въ кругу своихъ подданныхъ предъ тѣми воинственными правителями, которые мечемъ или внѣшнимъ блескомъ хотѣли стяжать себѣ славу. Касательно же удобствъ жизни нужно замѣтить, что и они имѣютъ свою разумную причину. Они важны для общества христіанскаго въ томъ отношеніи, что сокращаютъ для человѣка механическій трудъ и тѣмъ даютъ ему свободу для трудовъ духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ. Что же касается до того, какъ люди пользуются удобствами жизни, а равно также философіей, наукою и эстетикой, это совершенно дѣло иное! Правило не виновато, если оно служитъ поводомъ къ злоупотребленію. «Законъ, говоритъ апостолъ, всегда святъ, хотя онъ и былъ поводомъ къ грѣху». (Римл. 7, 8—12). И такъ надобно заботиться, чтобы философія, науки, искусства и всѣ удобства жизни распространялись въ обществѣ, а не сокращались. Только желаніе истиннаго христіанина въ этомъ случаѣ должно состоять въ томъ, чтобы дать имъ направленіе христіанское. Потому если о. Ѳеодоръ хочетъ возвести философію, науки и искус-

ства, и всѣ удобства жизни ко Христу, — на томъ основаніи, что за ихъ ложь Онъ отвѣтилъ предъ Отцемъ Небеснымъ, — онъ дѣлаетъ этимъ великое святое дѣло для современниковъ; хвала Ему и честь! Да поможетъ ему Господь Богъ въ этомъ добромъ намѣреніи, — да научитъ чрезъ него Господь и всѣхъ тружениковъ свѣтской науки и жизни положить *во главу угла* всего ихъ зданія одного *Христа*, *Божію Премудрость и Силу*. Скажите же ради Бога, православные читатели! — что же у о. Ѳеодора неправославнаго? что тутъ неправильнаго въ понятіи о человѣколюбіи, — чтобы оно кого-нибудь могло привести въ удивленіе, какъ это случилось съ г. критикомъ?

Клеветы критики на о. Ѳеодора.

Выписываемъ дальше изъ продолженія тойже тирады.... «Мало этого, восклицаетъ критикъ, послушайте-ка еще дальше: «*Сыну человѣческому, говоритъ «архим. Ѳеодоръ, дадеся власть и царство, и вси «людіе, племена, и языцы Тому поработаютъ; власть «Его — власть вѣчная, яже не прейдетъ и царство Его «не разсыплется*. Это значитъ: во Христѣ человѣчество, «воспринятое Имъ ради *всѣхъ* насъ человѣковъ и именно съ понесеніемъ *всѣхъ* нашихъ виновностей, возведено до престола Бога Отца во всю полноту Его «любви, владычества и славы, принадлежащихъ Христову Божеству.... (пропущены слова: *и это для от- «крытія намъ такой любви Отца небеснаго, чтобы уже «и на землѣ намъ имѣть Его одного своимъ Отцомъ, сія- «ющимъ собственно Своимъ небеснымъ отчествомъ во «всѣхъ видахъ и земнаго нашего отчества)*. И такъ осмѣ-

«лится-ли кто по папски во имя чего-либо мнимо-ав-«торитетнаго, подавлять или насильственно искажать, «убивать *что-либо* человѣческое: мысль, чувство, волю, «даже тѣлесность, *кромѣ грѣховности* (на это слово критикъ не обращаетъ вниманія), составляющей уже «порчу человѣчества и разрушеніе? Это значило бы «идти противъ Самаго Христа, принявшаго человѣ-«чество для спасенія, а не на пагубу *всего человѣче-скаго.*» Думали, думали вы, чтобы такое тутъ было неправославнаго, или невѣрнаго, и рѣшительно не нашли даже и тѣни какой-нибудь хоть малѣйшей лжи. Но критикъ рѣшительно выходитъ изъ себя изъ за этихъ словъ, — горячится страшно. Его, видите, совершенно смутили и даже привели въ ярость — всѣ слова напечатанныя курсивомъ — *всѣхъ*, *всѣхъ*, *что-либо*, *всего человѣческаго*. «Какъ? спрашиваетъ выведенный изъ себя, разгоряченный критикъ? Такъ, значитъ, Христосъ принялъ человѣчество, принялъ нашу тѣлесность для того, чтобъ возвести её, *такъ какъ она есть*, до престола Божія во всю полноту Его любви, владычества и славы, принадлежащихъ Христову Божеству?» (Да, отвѣчаемъ мы, такъ какъ она есть, кромѣ грѣховности). «Такъ слѣдовательно и Церковь не вправѣ возвышать своего голоса, продолжаетъ горячиться критикъ, — если человѣческая философія, человѣческая наука, человѣческія искусства пойдутъ противъ ея божественной личности, оскорбляя её и мыслію и волею, и чувствами и фантазіей?... (Нѣтъ, вправѣ возвысить). Вы хотите отдѣлить порчу и разрушеніе отъ обожаемой вами тѣлесности, т. е. отъ того, на что жаловался вамъ свят. Апостолъ Павелъ, съ чѣмъ до послѣдняго

воздыханія боролись величайшіе подвижники и праведники, неуклонно шествовавшіе тѣснымъ путемъ креста, — да развѣ это возможно? Гарантируя обожаемую вами *тѣлесность* (критикъ врагъ тѣлесности) тѣмъ, что она была принята самимъ Господомъ Христомъ, Искупителемъ нашимъ, — не то ли вы говорите и утверждаете (совсѣмъ не то), что человѣчество Его было человѣчествомъ ветхаго Адама со всѣми его немощами (такая дикая мысль могла появиться въ вашей черезъ-чуръ умной головѣ), неистребимо оставшимися въ естествѣ человѣческомъ и имѣющими оставаться до той минуты, когда *и живущіи оставшіи восхищени будутъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господня на воздусѣ?* Сами же вы говорите, что «избраннымъ нужно отрѣшиться отъ послѣдней примѣси въ себѣ зла, какое есть въ человѣческомъ естествѣ», (да) стало быть это зло — не мечта (справедливо), стало быть не такое естество возведено Спасителемъ «до престола Бога Отца, во всю полноту Его любви, владычества и славы, принадлежащихъ Христову Божеству;» (такое же кромѣ грѣха) стало быть, защищая тѣлесность такую (т. е. какую?) отъ чего-либо авторитетнаго на землѣ *(полагаемъ, что вы разумѣете подъ этимъ Церковь)* (замѣчаніе критика) съ ея проявленіями въ избранныхъ и не избранныхъ, вы отверженіе и такой (т. е. какойже) тѣлесности считаете возстаніемъ противъ Самаго Бога? Богъ съ вами! Что вы это говорите!» Такъ по поводу словъ о. Ѳеодора составилась цѣлая тирада на цѣлый столбецъ, слишкомъ; — и вы, любезный читатель, читая чувствуете, что въ этой тирадѣ критикъ разсуждаетъ о чемъ-то дѣльномъ, вы готовы довѣриться ему, даже усомниться въ право-

мысліи о. Ѳеодора, готовы назвать его страннымъ писателемъ, — а между тѣмъ всё это ложь, клевета, неправда; и если вы потрудитесь по внимательнѣе прочесть два-три раза эту тираду, сличить ее съ словами автора, тогда вы увидите, что онъ рисуетъ предъ вами иллюзію, — злонамѣренно отвлекаетъ васъ отъ истины и вводитъ въ обманъ. Потрудитесь вмѣстѣ со мной вникнуть въ слова автора и критика и вы увѣритесь въ томъ сами.

Клевета относительно воспринятія Сыномъ Божіимъ естества человѣческаго. Аполлинаризмъ и Евтихіанизмъ критика.

Во первыхъ; г. критика смутили всѣ курсивомъ напечатанныя слова; потому что изъ нихъ яко-бы явствуетъ или вытекаетъ такое заблужденіе о. Ѳеодора, что Сынъ Божій будто бы принялъ нашу природу для того, чтобы возвести её до престола Славы Отца, *такъ какъ она есть*.... Мы скажемъ на это: да, правда. Но курсивомъ напечатанныя слова и дальнѣйшія показываютъ, что критикъ подъ природой *такъ какъ она есть* разумѣетъ *природу ветхаго человѣка*, — что и привело его въ смущеніе, заставило заподозрить всѣ выписанныя слова о. Ѳеодора. Но такое разумѣніе никакъ не вытекаетъ изъ словъ автора.... Мы видѣли и выше, какъ нелѣпо даже предположеніе возможности того, что Христосъ будто бы имѣлъ природу грѣховную. И теперь удивляемся, какъ критикъ можетъ дѣлать такія до невѣроятности дикія предположенія!? Такія опасенія слѣдовало бы высказывать не вдругъ, а осмотрѣвшись и одумавшись, — да такъ-

ли, да въ самомъ-ли дѣлѣ авторъ книги подаетъ поводъ къ такимъ заключеніямъ? Добросовѣстное чтеніе и размышленіе, показало бы, что эти опасенія совершенно напрасны и худо рекомендуютъ того, кто допускаетъ ихъ въ себя. О. Ѳеодоръ высказываетъ догматически вѣрныя мысли. Онъ говоритъ, что, во первыхъ, Христосъ воспріялъ человѣчество (кромѣ грѣховности), — это совершенно справедливо; — во вторыхъ — воспріялъ ради всѣхъ насъ человѣковъ, и это тоже справедливо, (хотя напечатанное курсивомъ слово *всѣхъ* показываетъ, что критикъ несогласенъ съ этимъ, — но мы уже видѣли неосновательность такого несогласія и знаемъ въ этомъ случаѣ заблужденіе Домашней Бесѣды); въ третьихъ, воспріялъ съ понесеніемъ *всѣхъ* нашихъ виновностей, и это совершенно справедливо (и насчетъ этого также видѣли заблужденіе критика и Домашней Бесѣды); въ четвертыхъ, — что возведено человѣческое естество до престола Бога Отца; и въ этомъ опять ничего сомнительнаго нѣтъ; и это тѣмъ вѣрнѣе, что авторъ книги *человѣческое*, или *истинно-человѣческое* отличаетъ отъ *нечеловѣческаго*, привнесеннаго въ природу человѣческую, чуждую ей, составляющаго *порчу* человѣчества и разрушеніе, — именно — отъ *грѣховности*. Изъ чего ясно слѣдуетъ, что о. Ѳеодоръ словомъ человѣческій — опредѣляетъ истинно-человѣческое — что̀ исключаетъ понятіе грѣховности. А мы вѣруемъ, что Христомъ нашимъ Спасителемъ взято естество истинно-человѣческое, въ полнотѣ, — и такое возведено до престола славы, или взято *таково, каково оно есть* въ своемъ истинномъ видѣ. Но критикъ самъ хорошо это понимаетъ и всетаки хочетъ

навязать автору книги свою дикую мысль, во чтобы то нистало, и потому дѣлаетъ такое умозаключеніе, (а онъ необыкновенный мастеръ на умозаключенія): «о. Ѳеодоръ говоритъ, что Іисусъ Христосъ взялъ на себя естество человѣческое, кромѣ грѣха. Но отъ естества человѣческаго, неисправимо поврежденнаго, отдѣлять порчу, поврежденіе или грѣховность невозможно, ибо все это нераздѣльно съ естествомъ человѣческимъ. Слѣдовательно, если о. Ѳеодоръ говоритъ, что Іисусъ Христосъ взялъ на Себя естество человѣческое, то Онъ такое естество неиначе могъ взять, какъ въ нераздѣльности съ поврежденіемъ, порчею и грѣхомъ, — что нелѣпо. Стало быть не такое естество взято и не такое возведено Имъ до престола славы, т. е: *нечеловѣческое;* ибо оно нераздѣльно съ порчею: итакъ о. Ѳеодоръ заблуждается, говоря, что Іисусъ Христосъ взялъ на Себя естество человѣческое, или тѣлесность.» Теперь мы въ свою очередь имѣемъ право спросить критика: какое же другое естество взято Богочеловѣкомъ? Кромѣ человѣческаго Онъ другого не бралъ, какъ учитъ православная Церковь, — а по вашему человѣческое естество, нераздѣльно со грѣхомъ. Очевидно, критикъ, чтобы только навязать автору книги нелѣпую мысль о воспріятіи Сыномъ Божіимъ, якобы грѣховнаго естества, — (вѣроятно намѣренно) впадаетъ въ ересь Аполлинарія или Евтихія, — изъ которыхъ первый училъ, что тѣло Христово — одной сущности съ Божествомъ, — а послѣдній утверждалъ что *тѣло Христово ни Дѣвѣ Маріи, ни намъ не единосущно, и Христосъ въ рожденіи имѣлъ единую сущность Слова.* (См. Церк. Ист. Иннокентія ч. I, стр. 233 и 294). Но такъ обращаться съ право-

славнымъ ученіемъ нельзя безнаказанно. Вы, я думаю, хорошо помните участь Евтихія, заблужденіе котораго у васъ служитъ основаніемъ вашихъ хитросплетеній. Потому, г. критикъ, нужно быть чрезвычайно осторожнымъ въ изложеніи догматовъ. Вѣдь вы пишете для православнаго міра! Ну, сами разсудите, — что какъ изъ тысячи вашихъ читателей выберется такой господинъ который задастъ себѣ этотъ вопросъ: да какое же въ самомъ дѣлѣ естество взялъ на Себя Сынъ Божій? — Да и пойдетъ и пойдетъ думать объ этомъ,—да и додумается до такой *штуки*, что самаго Евтихія *перещеголяетъ*. Вѣдь вы будете виноваты въ этомъ?!!

Клевета относительно власти Церкви.

Также совершенно напрасно и второе опасеніе, будто бы авторъ въ выписанныхъ словахъ отнимаетъ у Церкви право возвышать свой голосъ противъ заблужденій человѣческихъ во всѣхъ ихъ видахъ, — «идущихъ противъ ея божественной личности.» Какимъ образомъ явилось такое опасеніе — непонятно. Авторъ книги весьма ясно и опредѣленно разумѣетъ не Церковь, но во первыхъ власть дѣйствующую *по папски*, во вторыхъ дѣйствующую *во имя чего либо мнимо-авторитетнаго*, въ третьихъ дѣйствующую *неблагоразумно, деспотически, — подавляющую, насильственно искажающую и даже убивающую*, — въ четвертыхъ притомъ дѣйствующую такимъ образомъ по отношенію *къ чему бы то-нибыло — истинно-человѣческому*, т. е. *неиспорченному, неповрежденному*, будетъ ли это *мысль, чувство, воля, даже тѣлесность*,

кромѣ грѣховности. Неужели же недовольно было этого, чтобы видѣть, что здѣсь у автора не разумѣется Церковь. Не знаемъ, какъ критикъ разумѣетъ Церковь, а мы думаемъ, что она дѣйствуетъ *не по папски*, а по власти отъ Бога данной, по власти Святаго Духа, — дѣйствуетъ не во имя *чего-либо мнимо-авторитетнаго*, а во имя Своего *Главы Христа Сына Божія*, — дѣйствуетъ *не подавляя* или *насильственно искажая и убивая*, — но *укрѣпляя, возвращая, спасая*, (и отсѣкая только грѣховность) и дѣйствуетъ такъ по отношенію ко *всему истинно-человѣческому;* ибо она для того и явлена на земли, чтобы человѣческое спасать отъ порчи и поврежденія, — будетъ-ли это мысль, чувство, воля и тѣлесность; (и сія послѣдняя уготовляется къ воскресенію и къ лучшей, безсмертной и прославленной жизни). Какъ же критикъ могъ такъ недобросовѣстно оклеветать истинно-разсуждающаго автора? Такая клевета объяснима только страннымъ смѣшеніемъ понятій критика, раздраженіемъ и озлобленіемъ его противъ автора. — Изъ всѣхъ словъ автора онъ замѣтилъ только слово: *что-либо* (человѣческое), которое ему было противно и показалось неправославнымъ, — а на прочее онъ не обратилъ вниманія. «Нѣтъ, погодите, о. Ѳеодоръ, подумалъ про себя критикъ, что вы тутъ ни говорите; — а вы непремѣнно тутъ разумѣете Церковь Православную;—почему на основаніи такого предположенія и пошелъ преслѣдовать автора за такое, существующее очевидно въ головѣ лишь самаго критика, неправославіе; въ чемъ ясно и сознается самъ. «*Полагаемъ*, замѣчаетъ онъ въ скобахъ *что вы разумѣете подъ этимъ* (т. е. подъ мнимо-авторитетнымъ) *Церковь.*» «Богъ съ вами! Ска-

жу и я вамъ вашими же словами. Что вы это говорите? Поймите-жъ хоть сами-то себя, благоволящій о неправдѣ!»

5-я тирада.

Въ слѣдующей за симъ тирадѣ г. критикъ не предположительно, а уже прямо и безъ церемоніи говоритъ, что «авторъ книги о. Ѳеодоръ въ вышеписанныхъ словахъ защищаетъ или гарантируетъ нетолько отъ частныхъ (какихъ это частныхъ?) но и отъ (замѣтьте) *авторитетно-церковныхъ* преслѣдованій *грѣшную* тѣлесность. Чувствуете ли какая постепенность?! Прежде предположительно говоритъ, что авторъ подъ мнимымъ авторитетомъ разумѣетъ церковь, а теперь уже прямо навязываетъ ему это, употребляя выраженіе: авторитетно-церковныя преслѣдованія. Прежде говорилъ просто тѣлесность, а теперь прибавляетъ грѣшную тѣлесность. Это рѣшительно изъ рукъ вонъ.... Право, тяжело, крайне тяжело слѣдить за такимъ недобросовѣстнымъ оклеветаніемъ автора книги. И такимъ-то родомъ составлена цѣлая критика!!!! О. Ѳеодоръ защищаетъ, повторяю вамъ опять, истинно — человѣческое, умъ, сердце и волю и фантазію, даже и тѣлесность, слышите, тѣлесность не грѣшную, а какъ сами можете видѣть, кромѣ грѣховности, которая (т. е. грѣховность) составляетъ нѣчто не человѣческое, порчу и разрушеніе истинно-человѣческаго, защищаетъ потомъ не отъ авторитетно-церковныхъ преслѣдованій, но... отъ подобныхъ *папскимъ*, (слышите-слышите), во имя чего-либо мнимо авторитетнаго, потомъ преслѣдованій неблагоразумныхъ, нече-

ловѣческихъ, звѣрскихъ, человѣко-ядныхъ, такихъ, какія можно приписать только вамъ г. клеветникъ, а не Церкви. Уже-ли вы не можете этого различить? Или вы думаете, что наша Церковь дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать такъ, т. е. по папски, деспотически, самоуправно, губительно? Я рѣшительно не знаю, что и подумать?

Недобросовѣстныя вставки и оказавшіяся противорѣчія.

Послѣ такихъ недобросовѣстныхъ перетолкованій, критикъ находитъ у о. Ѳеодора противорѣчія. Можетъ быть для того и сдѣланы были перетолкованія, чтобы во чтобы то ни стало, отыскать противорѣчія. И находитъ! Но какія противорѣчія? Самый тупоумный школяръ скажетъ, что тутъ противорѣчій нѣтъ. Спросите ребенка: этотъ столъ чистъ, нужно-ли его еще мыть и чистить? Конечно нѣтъ, это было бы неблагоразумно. — Ну, а если онъ не чистъ? Тогда его нужно почистить. Такъ точно и тутъ. Благоразумно-ли преслѣдовать мысль, чувство, волю, и даже тѣлесность, кромѣ грѣховности, когда онѣ идутъ по Христу? Конечно нѣтъ; потому что тогда онѣ чисты. Ну, а если они «чужды духу Христову, и отчуждены чрезъ это любви Отца Небеснаго?» Тогда конечно они осквернены и нужно ихъ очистить и притомъ отъ грѣха, а не отъ тѣлесности или отъ чего-нибудь подобнаго. Можно сказать это и иначе. Когда человѣкъ живетъ по Божьи, по христіански; тогда конечно его преслѣдовать, значитъ идти противъ Самаго Господа. Но когда живетъ онъ не по христіански, тогда онъ оскверняется, нечистъ, и нужно по-

заботиться объ его исправленіи. Это ли называется противорѣчіемъ? Но чтобы онъ не сказалъ, что мы не знаемъ правилъ герминевтики, — лучше буквально выпишемъ его указанія на противорѣчія, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на недобросовѣстное переиначиваніе текста о. Ѳеодора, въ слѣдствіе чего дѣйствительно и являются далѣе примышленныя противорѣчія. «Въ одномъ мѣстѣ, кричитъ критикъ, о. Ѳеодоръ говоритъ, что «намъ должно глубоко сознать, какъ рѣшительно «отчуждено отъ любви Отчей все чуждое Духу Хри«стову, какъ дѣйствительно въ корнѣ оскверняется и «растлѣвается всё дѣлаемое не по Христу.» (Совершенно справедливо). Въ одномъ мѣстѣ докладываетъ, что «противу *плотскаго и грѣховнаго* (вмѣстѣ) или «не Христова, у православнаго христіанина всегда «война, какъ противъ духа лжи и магометанства;» въ другихъ мѣстахъ совѣтуетъ, что съ самою *плотію и «тѣломъ* (опять замѣтьте) воспринятымъ отъ Самаго «Господа чрезъ воплощеніе, — съ человѣкомъ, съ его «національностію, хотя бы и магометанскою, враждо«вать нечего, что *ко всему этому надо стать по ближе* «и благоустроять по Христу самое плотское и мате«ріяльное, чтобы открыть мѣсто у Христа въ области «Его благодати и истины, всякому человѣку, всякой «національности, хотя бы турецкой или персидской» (стр. 330). Какъ видите въ существѣ дѣла здѣсь противорѣчія нѣтъ; а для того, чтобы сдѣлать противорѣчія критикъ употребляетъ недобросовѣстныя средства — вставки. Такъ въ первой выпискѣ критикъ написалъ противу *плотскаго и грѣховнаго* или не-Христова.... а у о. Ѳеодора написано: противъ *плотскаго-грѣховнаго* или не-Христова; разница по види-

мому ничтожная, уничтожено тире и вставленъ союзъ *и*, но въ существѣ дѣла она оказывается весьма важною. У о. Ѳеодора слова, соединенные чрезъ *тире: плотскаго-грѣховнаго* — имѣютъ значеніе одно въ другомъ, выражаютъ одно понятіе *грѣхи чувственности* (противъ чего собственно и нужно идти, по мыслямъ автора, — въ войнѣ съ магометанами, въ которыхъ преобладаетъ чувственность), и не должны быть раздѣлены ни подъ какимъ видомъ безъ измѣненія смысла рѣчи; — а критикъ чрезъ союзъ соединительный разбилъ ихъ на два понятія самостоятельныя, явилось *плотское* отдѣльно и потомъ *грѣховное* отдѣльно; и такъ-какъ у автора книги — тому понятію, выраженному двумя прилагательными, сопоставляется слово — не Христово, т. е. плотское-грѣховное есть въ тоже время не-Христово; — то у критика, при раздробленіи того же понятія на два, вышло, что *плотское*, безъ отношенія ко грѣху, само въ себѣ не-Христово, точно также, какъ и *грѣховное* конечно *не Христово*. По этому если сказать дальше, что плоть воспринята была Христомъ, дѣйствительно значитъ противорѣчить себѣ. Видите, какое лукавство! Противополагая этому мѣсту другое (т. е. другую половину періода; онъ разбивъ на двѣ половины уступительный періодъ, и, измѣнивъ нѣкоторыя слова и смыслъ, предается восклицаніямъ, чрезвычайно умно!) критикъ также дѣлаетъ незначительное измѣненіе, вставку. У автора сказано: но и самою плотію *или* тѣломъ, какъ воспринятымъ отъ Господа, враждовать нечего (объясненіе этого мы уже видѣли); а критикъ переиначиваетъ эти слова такъ: съ самою плотію *и* тѣломъ; т. е. вмѣсто *или* вставляетъ союзъ *и*. Измѣ-

неніе опять незначительное, но опять весьма важное. У о. Ѳеодора чрезъ союзъ *или* уничтожается различіе понятій плоть и тѣло, а напротивъ они выражаютъ тождество смысла и единство выражаемаго понятія; — сказать по этому плоть воспринялъ на Себя Господь, или сказать, тѣло, — это одно и тоже; потому что на свящ. языкѣ плоть и тѣло употребляются въ одинакомъ смыслѣ — *плотію пострадалъ* Христосъ, говорится напр. у апостоловъ, *плотію уснувъ*, поется въ Церкви и т. под. Но критикъ, поставивъ *и* вмѣсто *или*, тому и другому слову придалъ самостоятельное значеніе; — *плоть* — сама по себѣ, — и *тѣло* также само по себѣ; — а когда они въ такомъ самостоятельномъ значеніи употребляются, тогда означаютъ два совершенно различныя понятія — *плоть* означаетъ *грѣховность*, всего нашего естества, или естественное состояніе человѣка невозрожденнаго, — а *тѣло — тѣлесный составъ* человѣка. Этого-то различенія понятій и хотѣлось добиться критику, чтобы выставить мнимыя противорѣчія. Отсюда вышло, что І. Христосъ взялъ и плоть т. е. грѣховность и тѣло т. е. тѣлесный составъ человѣка. Очевидная нелѣпость! Но критикъ должно быть думалъ, что не найдется ни одного человѣка на бѣломъ свѣтѣ, который бы свѣрилъ его лживыя слова со словами автора.... Этакъ ли говорятъ правду Православному міру? Этакъ ли защищаютъ Православную истину? Нѣтъ, она чуждается такой недобросовѣстности и злонамѣренности.

Также нужно обратить вниманіе и на вставку въ слова о. Ѳеодора, сдѣланную критикомъ изъ словъ же о. Ѳеодора, но вырванныхъ совсѣмъ изъ другаго

мѣста, изъ другой рѣчи съ другимъ смысломъ. У автора говорится:... «а напротивъ слѣдуетъ *разумѣть* и благоустроять по Христу и самое *плотское-матеріальное*» (точно съ такими же намѣреніями, какъ и выше было показано у критика и между этими прилагательными вставленъ союзъ *и*)...; а у критика такъ читаемъ: что *ко всему этому надо стать поближе* и благоустроять по Христу самое плотское и матеріальное. Слова эти (въ искаженномъ видѣ) взяты съ 210-й стр. и тамъ выражаютъ ту мысль, что намъ нужно въ *своемъ духѣ внутренно стать поближе* къ десяти прокаженнымъ мужамъ къ ихъ внутреннимъ расположеніямъ, по которымъ они обращались къ Человѣколюбцу Христу съ молитвою: *Іисусе, наставниче помилуй ны*. Какимъ же образомъ и къ какой стати они явились сюда? Странно; единственное объясненіе на это можетъ быть то, что критикъ чрезъ это думалъ усилить свою мысль, которую онъ хочетъ навязать автору книги, — именно, *будто бы авторъ любитъ грѣшную плоть* и совѣтуетъ намъ стать поближе къ плотскому-матеріальному. «Да образуемьтесь же, *Учителю Израилевъ!* скажу и я вамъ вашими же словами! Или *невѣсте, яко неправедницы, клеветницы Царствія Божія не наслѣдятъ?* Нельстите себе и другихъ!»

Объ отношеніи національности къ религіи.

Далѣе критика возмущаетъ та здравая и совершенно православная мысль о. Ѳеодора, что нетолько не должно воевать съ національностію, напротивъ и её благоустроять по Христу,—будетъ-ли это національность турецкая, персидская или другая какая. «Притомъ, продолжаетъ

критикъ, открывая *магометанину* напр. (немного сказалъ, а уже успѣлъ переиначить и солгать,—вмѣсто того, чтобы сказать: *національности магометанской*, говоритъ: *магометанину*), мѣсто у Христа въ области Его благодати и истины, вы неизбѣжно враждуете противъ его національности, такъ какъ она слагается прежде и главнѣе всего изъ началъ религіозныхъ.» Вотъ какое неправильное понятіе имѣетъ критикъ о національности; — и не смотря на эту неправильность вдается въ критическіе разборы и сужденія. Такое понятіе о національности, которая будто бы главнымъ образомъ состоитъ изъ началъ религіозныхъ, кромѣ того, что неправильно, оно ведетъ къ грубому индеферентизму, — къ тому самому, на что нападаетъ сама же Домашняя Бесѣда. Если въ понятіе національности входитъ главнымъ образомъ религія: то значитъ, что каждая религія національна, народна. Слѣдовательно, религіи безъусловной, религіи общей, единой, истинной для всѣхъ народовъ, нѣтъ и быть не можетъ, а есть религія французская, англійская, нѣмецкая, шведская, испанская, русская, греческая, еврейская, магометанская, китайская, и т. д.; словомъ мы придемъ къ признанію самостоятельности, равноправности и одинаковой важности и силы каждой религіи, именно къ тому, чего такъ боится Дом. Бесѣда. Потому что по вашему религія входитъ въ понятіе національности, — національность слагается изъ началъ религіозныхъ; слѣдовательно — какъ естественна человѣку національность, какъ она неискоренима, такъ и эти начала, составляющія національность — неприкосновенны; потому что естественны. Я не думаю, чтобы вы раздѣляли эти мысли, нѣтъ, я никакъ

этого не допущу, — а вы написали такъ, просто по своему крайнему разумѣнію, по неспособности имѣть точное и раздѣльное понятіе о предметѣ. Нѣтъ, не такъ нужно вести дѣла этого рода; — а немножко посерьезнѣе.... Послушайте, что я вамъ скажу о національности. По нашему, національность есть *форма* народной жизни и слагается изъ матеріальныхъ и духовныхъ естественныхъ силъ народа, (замѣтьте силъ, а не началъ). Какъ форма, какъ совокупность тѣхъ и другихъ силъ въ извѣстномъ ихъ соотношеніи, народность или національность даетъ ту или другую физіономію или характеръ всей жизни народной, и религіозной, и умственной и нравственной, и гражданской и общественной и т. д. Потому какъ форма, народность можетъ содержать всякую религію, какъ сосудъ всякую жидкость. Турокъ или персъ можетъ быть и дикаремъ, и идолопоклонникомъ, и огнепочитателемъ, и магометаниномъ, и христіаниномъ, и притомъ католикомъ, лютераниномъ и православнымъ и даже если угодно сотрудникомъ Домашней Бесѣды. Но та и другая — и религія и національность, — нужно замѣтить, по взаимной ихъ связи,—имѣютъ другъ на друга вліяніе; религія, смотря по своему содержанію, христіанская ли она или языческая, — развиваетъ облагораживаетъ и одухотворяетъ національность, или задерживаетъ ея развитіе, растлѣваетъ и губитъ её; наоборотъ и національность въ отношеніи къ религіи и собственно къ Христовой религіи, имѣетъ вліяніе на раскрытіе въ сознаніи народа тѣхъ или другихъ сторонъ ея истинъ боговѣдѣнія и богопочтенія. По всему этому совершенно справедлива мысль автора, что «противъ *плотскаго-грѣховнаго* (или грѣховъ плоти)

«или не-Христова, у православнаго христіанства всег-
«да война, какъ противъ духа лжи и магометанства;
«но съ *самою плотію или тѣломъ*, какъ восприня-
«тымъ отъ Самаго Господа чрезъ воплощеніе съ че-
«ловѣкомъ, — съ его національностію, хотя бы и ма-
«гометанскаго, враждовать нечего, а напротивъ слѣ-
«дуетъ разумѣть и благоустроять по Христу, и самое
«плотское матеріальное, чтобы открыть мѣсто у Хри-
«ста въ области благодати и истины, всякому чело-
«вѣку, всякой національности, хотя бы и турецкой
«или персидской.» Совершенно справедливо! Прекрас-
нѣйшія мысли!

За симъ критикъ повторяется. Онъ опять обра-
щается къ прежнимъ мыслямъ, нами уже разсмотрѣн-
нымъ. «Наконецъ, говоритъ онъ, повелѣвая намъ ста-
новиться бокъ о бокъ съ духомъ лжи (и недумалъ),
съ человѣчностію «въ корнѣ оскверненною и растлѣн-
ною» (искаженныя слова о. Ѳеодора), вы совершенно
отрицаете брань, обусловливающую жизнь истиннаго
христіанина и заповѣданную намъ самимъ Спаси-
лемъ нашимъ и Его апостолами? (нѣтъ, совсѣмъ не
отрицаетъ). На что же намъ тогда и всеоружіе Бо-
жіе, (извѣстно на что — на борьбу со грѣхомъ) если не
съ кѣмъ ратовать? (Со грѣхомъ всегда брань). На что
и таинства Церкви, если Самъ Христосъ заступается
за мысль грѣшницу, за фантазію блудницу, если Онъ
и связанную разрѣшаетъ, и осужденную не осуждаетъ,
если наконецъ Своимъ воплощеніемъ всецѣло *без-
условно* (напрасно вы сочинили это слово, у автора
на это даже ни намека, напротивъ нерѣдко онъ го-
воритъ объ условіяхъ съ нашей стороны ко спасе-
нію), *всесторонне и на всѣ времена* спасъ человѣче-

ство отъ зла и грѣха?...» Какимъ, образомъ въ какихъ словахъ, гдѣ нашелъ критикъ у автора такія слова и мысли, въ которыхъ бы онъ ставилъ насъ бокъ о бокъ съ духомъ лжи, и съ человѣчностію, въ корнѣ оскверненной, хотя авторъ только что привелъ слова противорѣчащія этому, — (смотри на прежнемъ столбцѣ) гдѣ нашелъ слова, въ которыхъ бы отнималъ у насъ всеоружіе Божіе и уничижалъ значеніе таинствъ Церкви, — этого критикъ не показываетъ, какъ обыкновенно онъ дѣлаетъ. А о значеніи заслугъ Спасителя по отношенію къ намъ мы уже видѣли, и знаемъ, какъ заблуждается г. критикъ, вся Домашняя Бесѣда и г. Аскоченскій. Мы нестанемъ больше разбирать эту, повторяемую неоднократно, клевету; будемъ продолжать дальше.

Есть ли въ насъ что-либо истинно-человѣческое и Божіе?

У о. Ѳеодора говорится: «(въ ставшемъ плотію) «въ Богѣ словѣ все человѣческое естество, душа, тѣло, «и въ душѣ и тѣлѣ всѣ природныя ихъ силы и сво«бодное дѣйствіе этими силами являются (также имен«но ради насъ) принадлежащими собственному Его «лицу, и по этому (такъ что) намъ должно стоять «за всѣ стороны человѣчества какъ за собственность «уже Христову, стоять за мысль, за волю, вообра«женіе, сердце, за самое тѣло и удовлетвореніе во «Христѣ Его потребностей». (стр 20). Совершенно православное ученіе! Но что критикъ? Онъ восклицаетъ: «довольно! Страшно становится отъ такого кощунства!» Итакъ по его понятію: святѣйшее уче-

ніе—кощунство! Православнѣйшая истина—кощунство!... За симъ критикъ продолжаетъ: «а между тѣмъ авторъ, т. е. о. Ѳеодоръ продолжаетъ настаивать на томъ, что «подавленіе, стѣсненіе, тѣмъ «паче осужденіе и отверженіе чего бы то ни было «истинно человѣческаго есть уже посягательство на «самую благодать». Скажите ради Бога, что жь это такое? Къ чему тутъ *между тѣмъ?* Противорѣчіе, что ли, или что нибудь иное. Васъ, г. критикъ, никакъ не поймешь. Мы тутъ видимъ не противорѣчіе, а причину съ выводомъ изъ нея. Если Богъ Слово сталъ плотію, сдѣлался полнымъ человѣкомъ, чтобы спасти людей и каждаго въ частности, то естественно, подавленіе или осужденіе, или отверженіе чего либо истинно человѣческаго, что воспринялъ Богъ — Слово—есть посягательство на самую благодать, оскорбленіе Христа; это значитъ гнушаться, считать скверными и осужденнымъ то, что святѣйшій Богъ нашелъ возможнымъ соединить съ Божествомъ и возвести въ полноту славы Его. Еслибы какой нибудь вашъ высокій благодѣтель, сшивши себѣ изъ одной матеріи двѣ одежды, одну бы подарилъ вамъ, а другую бы сталъ носить самъ, чтобы онъ сказалъ, когда бы увидѣлъ, что вы бросаете и пренебрегаете его даромъ? Не почелъ ли бы онъ это обращеніе съ одеждой оскорбленіемъ для себя? Конечно. Поэтому, какъ же и это православное ученіе вы называете кощунственнымъ? Странный вы человѣкъ! Что же послѣ того будетъ для васъ не кощунственнымъ изъ всего догмата искупленія?! «Но, ради самаго Бога, говорите вы, обращаясь къ автору, послѣ выписанныхъ словъ его, укажите же намъ хоть что нибудь

истинночеловѣческое въ падшемъ растлѣнномъ человѣчествѣ, когда мы, по Апостолу, и *помыслити* что либо *доброе не можемъ отъ себя, яко отъ себе*. Укажите намъ во всей нашей дѣятельности, собственно намъ принадлежащей, что нибудь такое, что Высочайшая Святость *могла бы принять Себѣ, какъ Свою собственность* (что-то такое безъ смысла). Если и правда наша предъ Богомъ, *якоже портъ не чистыя*, то, что́ жь въ насъ есть изъ собственности Христовой?» (тутъ что-то толку нѣтъ). Здѣсь какъ и вездѣ, какъ будетъ и дальше, г. критикъ не занимается разборомъ словъ о. Ѳеодора, выписанныхъ имъ изъ его книги, а ораторствуетъ и распространяется съ обычнымъ ему многорѣчіемъ о своихъ опасеніяхъ и предположеніяхъ. Если онъ не вѣритъ словамъ автора, то ему слѣдовало бы прежде, чѣмъ ужасаться, разсмотрѣть то: дѣйствительно ли человѣческое естество въ полномъ составѣ своемъ, со всѣми силами, принадлежитъ Богу-Слову, или нѣтъ? далѣе: можно ли или нѣтъ выводить отсюда слѣдствіе, выведенное о. Ѳеодоромъ, что по этому должно стоять за всѣ стороны человѣка, какъ за собственность и принадлежность уже Христову? Если не можно, то почему и какъ должно смотрѣть иначе? Смотрѣть ли на наше естество, какъ на чуждое Ему, не родственное, не принадлежащее Ему? Или, можетъ быть, г. критикъ вывелъ бы такое заключеніе, что не за всѣ стороны человѣчества должно стоять, а только за нѣкоторыя? Слѣдуетъ опять вопросъ, за какія же? и почему именно за такія, а не за другія, или не за всѣ? Разумная критика такъ пишется, а не какъ нибудь иначе! А вы рубите съ плеча кощунство, да кощунство. Ему

различные резоны станешь представлять; нѣтъ, говоритъ, слышать ничего не хочу, кощунство да и только. Вотъ какой чудакъ!

Желая, во что бы то ни было, обвинить автора книги, критикъ нарочно забываетъ, что дѣло идетъ о христіанскомъ обществѣ, въ которомъ, какъ мы вѣруемъ, дѣйствуетъ благодать Святаго Духа, и постоянно толкуетъ объ естественномъ, падшемъ и растлѣнномъ человѣкѣ, какъ будто бы наше общество состоитъ изъ татаръ, язычниковъ и мытарей. Еслибы г. критикъ прямо смотрѣлъ на дѣло, то онъ вѣроятно не задавалъ бы такихъ нелѣпыхъ вопросовъ, какіе онъ выставилъ послѣ словъ о. Ѳеодора. Если и правда наша предъ Богомъ якоже портъ нечистыя, то чтожь въ насъ изъ собственности Христовой, спрашиваетъ критикъ? Въ насъ всё Божье, отвѣчаемъ мы, кромѣ только грѣха, и потому всё въ насъ доброе, истинночеловѣческое, есть собственность Христа Сына Божія, такъ какъ чрезъ Него изливаются на насъ всѣ блага Отца Небеснаго. Впрочемъ, изъ такого ученія еще не слѣдуетъ, что мы сами тупыя и безсмысленныя орудія благодатной силы Христовой. Нѣтъ, и намъ нѣчто принадлежитъ. Намъ принадлежитъ дѣйствованіе, пользованіе дарами благодати, употребленіе ихъ на пользу себѣ. Конечно, строго разграничить въ этомъ случаѣ, что́ принадлежитъ намъ, и что́ благодати — невозможно, тѣмъ не менѣе однакожь несомнѣнно, что въ употребленіи благодати должна участвовать наша свобода; иначе мы не подлежали бы отвѣтственности. Потому какъ несомнѣнно то, что *помыслить отъ себе что либо доброе мы не можемъ, яко отъ себе;* несомнѣнно

также и то, *что безъ вѣры невозможно угодити Богу, а вѣра безъ дѣлъ мертва есть*... Не такъ ли, г. критикъ? Вообще вамъ нужно замѣтить, что вы здѣсь немножко зарапортовались. Вопросъ вашъ: *чтожь въ насъ есть изъ собственности Христовой?* вы бросили не подумавши. А такъ нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, думали ли вы, что́ сказали, когда задали этотъ вопросъ? Чтожь, по вашему у насъ нѣтъ дѣйствительно ничего общаго со Христомъ, ничего нѣтъ роднаго Ему, у насъ ничего нѣтъ изъ Его собственности? Душа и тѣло не Богомъ даны? Благодать предваряющая и спасающая не отъ Бога ниспосылается? Развѣ Христосъ не богочеловѣкъ; развѣ не нашей плоти и крови пріискреннѣ пріобщился; развѣ не насъ называетъ братіями? Эхъ! вы, вы, вы!!!

Объ отношеніи человѣка къ мірскому и тѣлесному.

Мы не станемъ здѣсь повторять того, о чемъ уже говорили неоднократно, въ чемъ хотѣлъ сознаться и самъ г. критикъ, именно: что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, сдѣлавшись полнымъ человѣкомъ, кромѣ грѣха, вступилъ съ нами и по человѣчеству въ тѣсный союзъ, въ тѣсное родство, называетъ насъ своими братьями, не оскверняясь такимъ родствомъ и союзомъ, но очищая и освящая всю полноту человѣческаго естества, и душу, и тѣло. Объ этомъ уже была рѣчь. Мы выскажемъ теперь другую сторону дѣла.

У насъ, въ нашемъ православномъ мірѣ, развилось съ особенною силою то жидовствующее направленіе, что все земное, мірское, чувственное, (не въ смыслѣ

грѣховной чувственности) считаютъ сквернымъ, нечистымъ само по себѣ, а не по отношенію такъ человѣка къ нему; что благодать понимаютъ какъ-то отрѣшенно, чуждою земныхъ нашихъ порядковъ, что по этому образуется тотъ неправильный взглядъ, что только тогда можно спастись, когда выйдешь изъ земныхъ-мірскихъ порядковъ и отрѣшишься отъ всѣхъ дѣлъ житейскихъ. Органомъ такого направленія служитъ по премуществу Домашняя Бесѣда. Она никакъ не можетъ понять, что всё значеніе, какое можетъ имѣть для насъ всё земное, зависитъ единственно отъ нашего отношенія къ нему; будемъ ли мы относиться къ нему (т. е. земному) пристрастно или безпристрастно; будемъ ли мы покоряться земному или возвышаться надъ нимъ; будемъ ли владѣть вещію какою либо, или вещь будетъ владѣть нами. Господь Спаситель для того, между прочимъ, и приходилъ на землю, чтобы поставить насъ въ должныя отношенія къ міру, возвести насъ въ прежнее владычественное отношеніе къ міру, и съ самаго міра снять осужденіе для будущаго преобразованія его въ жилище чадъ славы. Достопочтеннѣйшій о. Ѳеодоръ съ этою цѣлію, между прочимъ, написалъ цѣлую книгу, чтобы на основаніи тайны Христовой установить насъ въ правильныя отношенія къ міру видимому, къ земнымъ и житейскимъ порядкамъ, что онъ и раскрываетъ преимущественно вопреки этому жидовскому направленію. Онъ хочетъ ниспровергнуть его раскрытіемъ тайны искупленія въ отношеніи къ міру, также и потому, что такое направленіе распугиваетъ тружениковъ *свѣтской мысли и жизни*, отталкиваетъ ихъ отъ истины Христовой, обрекая ихъ

на временную и вѣчную гибель. По взгляду о. Ѳеодора можно двоякимъ образомъ относиться къ одной и той же вещи, по Христу и не по Христу; первое спасительно, а второе гибельно.... Не тѣло насъ губитъ, не простыя — мысль, или воображеніе, а дѣйствованіе ими не по Христу. Господь, взявши въ единство своей Ѵпостаси и мысль, и волю, и чувство, и фантазію, и тѣло, показалъ, что все это можетъ жить въ союзѣ съ Божествомъ, быть сосудомъ Божества. Великая и неизглаголанная премудрость! А это и насъ научаетъ тому, чтобы мы и наши духовныя силы — и наше тѣло старались содѣлывать орудіями благодати и сосудами Святаго Духа. *Прославите Бога*, говоритъ Апостолъ, *въ душахъ и тѣлесахъ вашихъ*. Убивать же или подавлять что нибудь истинно-человѣческое, значитъ не понимать тайны искупленія, идти противъ самого Христа Господа, Который всё истинно-человѣческое взялъ въ союзъ съ Собою. Это-то святое ученіе и не нравится критику; и такъ-какъ оно въ самомъ корнѣ поражаетъ «Домашнюю Бесѣду», то всѣ ея сотрудники и г. Аскоченскій называютъ его кощунственнымъ, страшнымъ. Это сейчасъ мы и увидимъ.

О плоти и тѣлѣ.

Но на представленныхъ вопросахъ еще не остановился критикъ; онъ задаетъ еще два, да такіе, что они собьютъ съ толку всякаго читателя. Критику, извольте видѣть, весьма не нравится, что о. Ѳеодоръ и объ тѣлѣ-то внушаетъ заботиться по христіански, по Христу. Это рѣшительно возмущаетъ критика.

«Неужьто же, спрашиваетъ онъ съ сердцемъ и съ запальчивостію, всѣ святые Божіи отъ Апостола Павла до ближайшихъ къ намъ подвижниковъ благочестія, подавлявшіе, стѣснявшіе, осуждавшіе и отвергавшіе всё, что представляла имъ *плоть* подъ именемъ *истинно-человѣческаго* (замѣчайте), посягали на самую благодать, враждовали противъ самаго *тѣла* Христова? (Конечно, еслибы возставали противъ истинно-человѣческаго, разумѣется, были бы не правы, возставали бы противъ Христа). Неужели безчисленныя предостереженія великихъ Антоніевъ, Евфиміевъ, Пахоміевъ, Исааковъ Сиринныхъ, Марковъ, Варсанофіевъ и цѣлаго облака подобныхъ имъ суть только мятежное возстаніе противъ Бога-Слова, (разумѣется нѣтъ) неумѣнье ихъ *удовлетворить потребностямъ тѣла* во Христѣ? Но довольно!» Опять путаница и крайнее непониманіе существа дѣла. Послушайте насъ, г. критикъ, мы хоть и не беремъ на себя роль рыцаря и защитника Церкви, но тѣмъ не менѣе надѣемся сказать поправильнѣе вашего.

По счастью двойственности нашей природы грѣхъ не возобладалъ всѣмъ существомъ нашего духа, а преломилъ свое жало въ тѣлесной нашей природѣ; нашъ эгоизмъ не обратился въ духовную сатанинскую гордость, а такъ сказать, скользнулъ по духу, и выразился въ преимущественной склонности человѣка къ чувственности. * Вслѣдствіе этого произошло то, что хотя и остались въ нашемъ духѣ стремленіе къ безконечному и возможность сознавать свое бѣдственное положеніе и поврежденіе, но тѣмъ не менѣе человѣкъ безъ

---

* Смотри о конечн. причинахъ письмо третье.

благодатной помощи, по силѣ грѣха стремится ниспасть и, дѣйствительно, ниспадаетъ до совершеннаго отрицанія духовности, до чистой плотяности и животности. Это-то ниспаденіе человѣка въ чувственно-животную жизнь до совершеннаго отрицанія духовности и состояніе въ такомъ положеніи Св. Писаніе и называетъ *плотскимъ* или *плотію*. Такъ Богъ говоритъ о допотопныхъ людяхъ: *не имать духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ въ вѣкъ, зане суть плоть* (Быт. VI, 3). Но это понятіе всегда отличали отъ слова — *плоть* въ смыслѣ *тѣлесности* человѣка, и сему послѣднему понятію никогда никто изъ святыхъ мужей-писателей не придавалъ значенія перваго понятія. Въ Св. Писаніи и въ литературѣ отеческой плоть принимается въ двухъ смыслахъ и въ смыслѣ *тѣлесности и въ смыслѣ совокупности всѣхъ грѣховныхъ влеченій* человѣка, будутъ ли эти влеченія духа (напр., гордость, зависть) или тѣла (напр. сладострастіе) это все равно. Плоти въ послѣднемъ смыслѣ усвояли и извѣстныя законы, если такъ можно назвать тѣ измышленія человѣческія, черезъ которыя человѣкъ достигаетъ удовлетворенія своимъ страстямъ. Потому у Апостола Павла духу противополагается не плоть въ смыслѣ тѣлесности, но плоть въ смыслѣ всѣхъ вообще грѣховныхъ влеченій, потому что эта плоть представляется имѣющею свой законъ и свой разумъ. Такія различныя понятія вамъ, г. критикъ, не слѣдовало бы смѣшивать, а постоянно въ такомъ различіи держать ихъ въ головѣ своей при критической оцѣнкѣ чужихъ произведеній. Но вы этого не дѣлали, и не считаете нужнымъ дѣлать и впередъ, оттого у васъ и выходитъ такая путаница понятій и словъ.

Такъ вы плоть въ смыслѣ грѣховности, противъ которой собственно и подвизались св. подвижники, сопоставляете или ставите въ соотношеніе съ плотію или тѣломъ Господнимъ (въ смыслѣ тѣлесности). Тутъ никакого соотношенія быть не можетъ, а между тѣмъ, вы ведете дѣло такъ, что якобы это о. Ѳеодоръ выдумалъ такія нелѣпости смѣшивать такія понятія. По совѣсти ли это? По христіански ли? Вслѣдствіе такого смѣшенія такихъ простыхъ понятій вы клевещете на св. подвижниковъ. Они боролись не съ *тѣлесностію* своею, а *со грѣхомъ* воюющимъ по преимуществу въ тѣлѣ. Полководецъ, когда вторгнулся въ его отечественную землю непріятель, чтобы обезсилить его, сожигаетъ на пути селенія своей родины, истребляетъ хлѣбъ и вообще все, что нужно бываетъ для продовольствія воиновъ; такъ и подвижники, ведя борьбу на полѣ чувственности, ослабляли свое тѣло постомъ, подвигами и молитвами, для того, чтобы чувственныя влеченія не препятствовали ихъ усовершенствованію, чтобы легче пріобрѣсти побѣду надъ водворившимся тутъ грѣхомъ. Потому примѣры ваши, представленные въ такихъ общихъ фразахъ ничего не говорятъ въ пользу вашу, напротивъ показываютъ, что вы не такъ понимаете значеніе христіанскаго аскетизма. Вы не понимаете, что св. подвижники къ тому-то именно и стремились, чтобы человѣческое довести до истинно-человѣческаго; и какъ скоро они чувствовали, что съ какой нибудь стороны грѣхъ ослабѣвалъ, они переставали съ той стороны и подвизаться, хотя въ тоже время не теряли никогда бдительности и осторожности надъ собою. И вы не хулите Святыхъ, они не были восточными мисти-

ками и теософами. Они не смотрѣли на тѣло, какъ на нѣчто причинное злу; они вѣрили, а сообразно съ тѣмъ такъ и дѣйствовали, что вмѣстѣ съ душею нужно и тѣломъ прославлять Господа. Это они ясно доказываютъ всѣмъ своимъ церковнымъ богомудреннымъ уставомъ, съ его *разрѣшеніями на вся*, съ его *великими утѣшеніями братіи* и т. п., благословляя такимъ образомъ и тѣлесность участвовать въ духовныхъ праздничныхъ торжествахъ. Потому я васъ прошу не бояться той мысли, что наша плоть или тѣло родственны плоти или тѣлу Господа, и что слѣдов. возставать на плоть или тѣло, какъ на нѣчто скверное значитъ возставать на плоть или тѣло Самого Христа. «Но довольно! восклицаете вы. Умолкаемъ на сей разъ, припомнивъ совѣтъ Антонія великаго: егда обрящеши нѣкоего любопрящася и борющася съ тобою противъ истины, явно преставши отъ любопрѣнія, уступи таковому всяко окаменѣвшему умомъ!» Очень жаль, что вы сами не воспользовались такимъ совѣтомъ и написали еще много, много, такъ много, что и конца не видать.

6-я тирада. О благодатномъ и естественномъ свѣтѣ или идеяхъ нашего духа.

Послѣ этихъ размышленій о плоти, критику показалось нужнымъ (а почему нужнымъ, вы объ этомъ не спрашивайте его) толковать о значеніи слѣдующихъ выраженій о. Ѳеодора, будто бы весьма ужасныхъ: «Христосъ, говоритъ о. Ѳеодоръ, своимъ сіяніемъ, «пожалуй идеями истины, блага и красоты *свѣтитъ «всякому человѣку, грядущему въ міръ.*» Кто бы могъ

подумать, что отсюда можно вывести то странное и до невѣроятности дикое предположеніе, какое вывелъ г. критикъ?! Вотъ онъ что говоритъ: «если Христосъ просвѣщалъ и просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, не сіяніемъ свѣта тріипостаснаго, а открытыми эстетикой и философіей идеями, то онъ (здѣсь въ скобкахъ критикъ проситъ прощенія у Бога въ своемъ предположеніи), *есть только* (эти слова у него напечатаны курсивомъ) обыкновенный простой учитель и просвѣтитель человѣчества. Мысль ужасная, восклицаетъ критикъ, но неизбѣжно вытекающая изъ своеобразнаго воззрѣнія (какого же это?) на высочайшую тайну царства и благодати.» Но какимъ образомъ неизбѣжно вытекаетъ такая дикая мысль изъ словъ автора? И какое же это своеобразное воззрѣніе, изъ котораго вытекаетъ эта ужасная мысль—это слѣдовало бы показать. Здѣсь опять, какъ и выше, искаженіе текста, крайняя неисправимая спутанность понятій и не пониманіе дѣла или не желаніе понять—ввели г. критика въ заблужденіе. — Здѣсь опять онъ дѣлаетъ хотя незначительное, но несмотря на это довольно важное измѣненіе словъ о. Ѳеодора. Въ книгѣ читаемъ: Христосъ своимъ сіяніемъ *(пожалуй, идеями) истины, блага и красоты* свѣтитъ всякому человѣку и т. д. Видите у автора слова: *пожалуй идеями* поставлены въ скобахъ, а у критика скобы выпущены. Вещь по видимому пустая, а между тѣмъ весьма значительная. У о. Ѳеодора такимъ образомъ выражаются два чтенія и двѣ мысли; можно читать и такъ: Христосъ свѣтитъ Своимъ сіяніемъ истины, блага и красоты,—т. е. Своимъ тріипостаснымъ свѣтомъ: или тѣ же слова можно читать и со внесеніемъ словъ: *по-*

жалуй идеями истины, блага и красоты; т. е. что это благодатное сіяніе дается раждающему человѣку какъ естественныя его врожденныя стремленія къ истинѣ, благу и красотѣ. Такимъ образомъ скобы даютъ два смысла и два чтенія не только не ужасныя, напротивъ весьма справедливыя и истинныя, потому что значеніе врожденныхъ идей весьма важно; такъ что ихъ по справедливости можно назвать и благодатнымъ даяніемъ, и свѣтомъ Тріединаго Творца. А критикъ опустивъ скобы, хотѣлъ сгладить слова автора и по возможности придать одинъ смыслъ, чтобы послѣ навязать свою мысль; но и по уничтоженіи скобокъ, все таки при вниманіи къ словамъ о. Ѳеодора два смысла очевидны. Это первое. Во вторыхъ, о. Ѳеодоръ слова эти взялъ изъ Евангелія и прибавивъ слова: Своимъ сіяніемъ пожалуй идеями истины, блага и красоты — нѣсколько поясняетъ ихъ (Іоан. 1. 9), и тѣмъ далъ знать, что они принимаются въ томъ смыслѣ, въ какомъ стоятъ тамъ т. е. въ Евангеліи. На критикѣ, поэтому, лежалъ долгъ разсмотрѣть, въ какомъ смыслѣ сказаны эти слова въ Евангеліи, — и могутъ ли идти сюда, въ томъ ли смыслѣ они принимаются и здѣсь, или въ какомъ другомъ — а не толковать ничего не говоря и вкривъ и вкось. Это было бы по крайнѣй мѣрѣ добросовѣстнѣе. А въ Евангеліи говорится, что свѣтъ истинный или Слово,—Сынъ Божій, чрезъ котораго все *было*, все сотворено, — и теперь продолжаетъ свое дѣланіе тѣмъ, что всякому человѣку при его зачатіи и появленіи на свѣтъ, въ его духѣ во всѣхъ его силахъ, полагаетъ духовный свѣтъ, при которомъ только и возможно бытіе разумнаго существа на земли.

Въ такомъ же смыслѣ, только съ поясненіемъ говоритъ и о. Ѳеодоръ, именно, что Христосъ каждому человѣку даетъ свѣтъ благодатный (пожалуй разумѣйте подъ этимъ и свѣтъ естественный—это не будетъ противорѣчить Христовой истинѣ) — свѣтъ истины, свѣтъ красоты, свѣтъ добра. Но критикъ какъ-то особенно безтолково толкуетъ это пониманіе о. Ѳеодоромъ Евангельскаго мѣста. Слово *свѣтитъ* онъ замѣняетъ словами *просвящалъ и просвящаетъ*, и такъ. образомъ навязываетъ о. Ѳеодору ту мысль, что будто Христосъ у него понимается въ смыслѣ историческомъ, т. е. въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это лжераціоналисты, — что якобы Христосъ когда былъ на землѣ просвѣщалъ и доселѣ оставленнымъ ученіемъ просвѣщаетъ людей какъ философъ и моралистъ, т. е. философскими и моральными идеями. И вотъ создавши такую-то иллюзію ротабортсвуетъ противъ нея, якобы противъ о. Ѳеодора — пріобщая его при этомъ къ числу вышеупомянутыхъ раціоналистовъ. Ну скажите, ради Бога, сообразно ли это съ чѣмъ нибудь? рѣшительно безсовѣстная критика!.. Это второе. Въ третьихъ, понятія идей у него чрезвычайно спутаны. Идею безусловнаго, какъ стремленіе нашей души къ Безконечному, и притомъ какъ къ живому и Личному Бытію, выражающуюся въ тройственномъ видѣ, — какъ требованіе безусловной истины, безусловнаго блага и безусловной красоты — критикъ смѣшиваетъ съ продуктами этой идеи, — съ философіей, эстетикой, науками и т. п. это все равно если бы онъ смѣшалъ силу съ ея произведеніемъ. Философія и эстетика плоды врожденныхъ идей, или стремленій, а не производители ихъ въ душѣ. Далѣе эти стремленія даны

намъ Богомъ при нашемъ рожденіи и имѣютъ величайшее значеніе въ нашей жизни что довольно легко понять. Идея безконечнаго есть основаніе стремленія нашего къ безконечному или самое это стремленіе, она есть тоже самое, что для тѣлесной жизни инстинктъ; — и потому можетъ быть названа духовнымъ инстинктомъ. Единственно на основаніи ея, человѣкъ въ разнообразіи видимаго міра не только не теряется, напротивъ ищетъ во всемъ единства, виновной причины, — первоначала, — словомъ, Единаго Бога. Единственно на основаніи ея, — познаетъ законы, по которымъ живутъ твари, — и свои отношенія къ нимъ. Единственно на основаніи ея существуютъ общества, связуются сознаніемъ личныхъ и общихъ правъ, и признаютъ обязательность законовъ, обычаевъ и преданій. Единственно на основаніи ея люди имѣютъ понятіе о добрѣ и о счастіи, и стараются выразить это понятіе соотвѣтственно тому въ жизни своей, въ дѣлахъ своихъ. Единственно на основаніи ея во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, люди имѣли свои понятія о добродѣтели, о нравственности, о наградахъ и наказаніяхъ и что всего замѣчательнѣе о будущемъ блаженствѣ или мученіи. Такъ всегда выражалась и выражается идея Безконечнаго, или идеи истины, блага и красоты. Такое значеніе идеи Безконечнаго, — даетъ право называть её свѣтомъ и естественнымъ и пожалуй, благодатнымъ въ обширномъ смыслѣ, даруемымъ человѣку чрезъ Сына Божія туне, по благодати. Какъ важенъ этотъ свѣтъ предъ судомъ правды Божіей, это прекрасно раскрываетъ св. Апостолъ Павелъ въ своихъ богомудрыхъ посланіяхъ. По его словамъ этотъ естественный свѣтъ под-

вергаетъ человѣка великой отвѣтственности предъ Богомъ, наравнѣ почти съ людьми, имѣющими законъ писанный. «Горе и бѣда всякой душѣ человѣка, дѣлающаго злое, во первыхъ Іудея, потомъ язычника! Напротивъ того слава, честь и миръ всякому дѣлающему доброе, во первыхъ Іудею, потомъ и язычнику!» (Римл. 11, 9. 10). На какомъ же основаніи будутъ подлежать отвѣтственности люди, неимѣющіе писаннаго закона? «На томъ основаніи, пишетъ апостолъ, что то́, что́ можно знать о Богѣ, явно для нихъ; ибо невидимое Его, Его вѣчная сила и Божество (значеніе этихъ словъ превосходно раскрыто у о. Ѳеодора въ книгѣ объ Апостолѣ Павлѣ), отъ самаго сотво́ренія міра видимы чрезъ разсматриваніе тварей, такъ что они безотвѣтны». И въ другомъ мѣстѣ пишетъ апостолъ также: (1. 20), «по природѣ дѣлая законное, они сами себѣ суть законъ; они показываютъ что предписанное закономъ написано у нихъ въ сердцахъ: какъ-то и совѣсть ихъ подтверждаетъ и мысли ихъ то осуждаютъ, то оправдываютъ одна другую» (11, 14). Не смотря впрочемъ на это, писанный законъ необходимо нуженъ. Съ паденіемъ человѣка идея Безконечнаго потеряла не мало въ своей силѣ и опредѣленности. Возникая въ душѣ не съ ясностію и опредѣленностію мысли или желанія, но какъ темное требованіе Единаго безусловнаго, какъ духовное влеченіе къ безконечному, развиваясь только подъ условіемъ воздѣйствія внѣшнихъ причинъ (міра видимаго-неразумнаго и разумнаго т. е. людей) она всегда одинакова и ея значеніе для каждаго человѣка необходимо, но, къ сожалѣнію въ нашемъ сознаніи, въ которомъ изъясняется, она подвергается различнымъ пе-

ретолкамъ и искаженіямъ, пробуждаясь и развиваясь только подъ условіемъ. Такъ идея безконечнаго внушаетъ язычнику, чтобы онъ искалъ божество и поклонялся Ему; — а онъ думаетъ видѣть божество въ выточенномъ болванѣ, или въ солнцѣ, или въ огнѣ, или въ чемъ-нибудь подобномъ — и кланяется имъ, какъ богамъ. Идея истины внушаетъ ему стремиться къ истинѣ; онъ и стремится, но вмѣсто истины держится какого-нибудь предразсудка, суевѣрія, и проч. какъ безусловной истины. Идея блага внушаетъ сдѣлать добро; — а онъ думая, что сокративъ старость своего отца убійствомъ, сдѣлаетъ доброе дѣло, и убиваетъ его....внушаетъ умопредставлять божество образцомъ добродѣтели, и онъ дѣлаетъ это, но придаетъ своему божеству и блестящіе пороки. Такимъ образомъ сама въ себѣ идея Безконечнаго — неиспорчена, какъ требованіе, какъ влеченіе къ Богу, но въ нашемъ сознаніи она не встрѣчаетъ приличной для себя среды; — она затемняется въ ней и получаетъ извращенное направленіе. Какъ стремленіе — она всегда такова; — какъ бы ни выражалась, въ стремленіи ли къ богоподобію, или въ стремленіи къ обладанію всѣмъ чувственнымъ міромъ. Потому нуженъ былъ писанный сверхъ-естественный законъ, который бы указалъ самый вѣрный и неложный путь къ раскрытію и удовлетворенію идеи Безконечнаго. Таковъ законъ и данъ въ откровенномъ ученіи. Понимаете ли это, г. критикъ, и согласны ли съ этимъ? Отсюда вы можете понять легко, что вы неправильно выражаетесь, когда говорите, что «идеи, врожденныя человѣку, такъ же растлѣнны, какъ и все человѣческое.» Сказать это, значитъ не понимать дѣла. Въ заключеніе

всего осмѣливаюсь сказать, что единственно только неповрежденность идей была основаніемъ нашего спасенія во Христѣ; на основаніи существующихъ въ насъ идей, свѣтъ евангельскій могъ быть принятъ и усвоенъ людьми и послужить дѣлу нашего спасенія? Послѣ этого скажите ради Бога, не клевета ли самая возмутительная отзываться такъ объ авторѣ книги, какъ вы отзываетесь. «На западѣ, говорите вы, подъ вліяніемъ разнаго рода философій и эстетикъ и по милости такихъ великихъ ученыхъ, каковъ Неандеръ, такія мысли въ ходу, но думали ли мы (кто это мы, вы г. Аскоченскій съ братіею?) что проникнутъ онѣ и въ Русь святую, ведомыя лицами, которыя и въ немоществованіи своемъ (на что это намекъ?) уврачеваны божественною благодатію и въ оскудѣніи своемъ восполнены ею?..» Эти слова обличаютъ ваше же невѣжество и падаютъ на васъ же самихъ.

7-я Тирада. Объ усвоеніи силы Креста Господня.

Въ слѣдующей за симъ т. е. въ седьмой тирадѣ, критикъ беретъ въ разсмотрѣніе еще одно мѣсто изъ книги о православіи, и по прежнему, не понявъ его, называетъ кощунственнымъ, — потомъ дѣлаетъ обычныя свои дикія предположенія, — представляетъ клеветы и этимъ оканчиваетъ первый отдѣлъ критики — объ искупленіи. Разбираемое мѣсто взято изъ статьи о двенадесяти праздникахъ и именно, — изъ объясненія нравственнаго значенія для насъ праздника воздвиженія честнаго креста Господня. Мѣсто выписывается не такъ, какъ оно находится въ книгѣ, но сперва выступаетъ конецъ, а потомъ начало. Приве-

демъ сначала слова о. Ѳеодора въ томъ порядкѣ, какой онъ далъ имъ самъ. «Въ страшной опасности «находится почти весь новѣйшій порядокъ мірской, «говоритъ о. Ѳеодоръ, и ужели намъ нѣтъ съ нимъ «спасенія? Есть спасеніе всѣмъ и всему отъ всякаго «губительнаго мірскаго зла—спасеніе въ крестѣ Хри«стовомъ.» Спрашивается: Какимъ-же образомъ? «*Мнѣ «же да не будетъ хвалитися*, говоритъ Апостолъ Па«велъ, *токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Хри«ста, имъ же мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. 6, «14). Держась умомъ и сердцемъ силы креста Хри«стова, или что тоже, пріемля и усвояя въ себѣ Рас«пятаго на крестѣ Агнца Божія, взявшаго мои грѣхи «и грѣхи всего міра, какъ бы такъ говоритъ апо«столъ,—я чрезъ это достигаю какъ того, что зло «мірское для меня теряетъ свою обольстительную и «погибельную силу, такъ и того, что упраздняется соб«ственное мое зло, или грѣховное пристрастіе къ міру, «ибо то и другое взято и упразднено на крестѣ Хри«стовомъ, который, въ самой силѣ такой любви Хри«стовой къ міру и ко мнѣ, внутренно усвоенъ мною. «И какъ, крестомъ Христовымъ истинно и *мнѣ міръ «распяся и азъ міру*. Чѣмъ же еще мнѣ хвалиться, «какъ не крестомъ Христовымъ, которымъ я столь «чудесно торжествую надъ зломъ — и въ мірѣ и во «мнѣ самомъ? И такъ, только бы намъ для себя от«крыть или усвоить крестъ Христовъ въ этой его по«бѣдоносной надъ всѣмъ міромъ силѣ, хотя бы эта «его сила была закрыта капищемъ ложныхъ идей или «страстей нечистыхъ, такое всемірное воздвиженіе кре«ста Господня и спасетъ насъ отъ всегубительства.» (стр. 39). По нашему крайнему разумѣнію здѣсь ни-

чего нѣтъ ни неправославнаго, ни, тѣмъ менѣе, кощунственнаго. Чтобы открыть здѣсь неправомысліе— слѣдовало бы критику, во первыхъ, — объяснить слова апостола — *хвалиться о крестѣ Господа* — и потомъ слова — *имже мнѣ міръ распяся и Азъ міру;* во вторыхъ, такъ какъ здѣсь, какъ и въ сказаніи о женѣ ятой въ прелюбодѣяніи, — мысль о воздвиженіи или обрѣтеніи въ насъ самихъ креста Христова выражена словами самого событія — обрѣтенія креста св. Еленой, — то слѣдовало прослѣдить сходство событія съ нравственнымъ приложеніемъ, какое дѣлаетъ авторъ. Но критикъ ничего не дѣлаетъ такого, а только ругаетъ автора — да взводитъ на него разныя небылицы. Какъ вы не понимаете г. критикъ, что если такъ мы будемъ обращаться и съ словомъ Божіимъ, то и тамъ найдемъ тоже, что вы находите здѣсь, — что̀ вы уже и показали; ибо не хотите принять догматъ искупленія нашего во Христѣ во всей его обширности, изъ за того опасенія, яко бы признаніе его всемірнаго значенія ведетъ къ разнузданности грѣха, своеволія и т. п. Сдѣлаемъ же мы сами краткія объясненія за критика.

Похваленіе крестомъ Господа нашего Іисуса Христа Ап. Павелъ противополагаетъ тому самохвальству и суетной славѣ лжеучителей, которые, внушая обрѣзаніе христіанамъ изъ язычниковъ, желали умножить число учениковъ своихъ, пріобрѣсти чрезъ то себѣ людскую славу; — но апостолъ ищетъ не мірской, не своей славы, а славы Господа распятаго; онъ только того и желаетъ, о томъ и старается, чтобы всего себя отдать на служеніе Христу, — чтобы во всѣхъ его мысляхъ, во всѣхъ чувствованіахъ и

желаніяхъ, во всѣхъ его дѣлахъ и во всей его крестной проповѣди,—дѣйствовалъ и открывался Христосъ, распятый на крестѣ, единственно Онъ, такъ чтобы всѣ повѣровавшіе чрезъ него воздавали благодареніе и славу прямо Распятому, а не ему — были Христовыми, а не Павловыми. При такихъ расположеніяхъ помышляя и ища вездѣ славы Христовой, — онъ естественно достигъ до такого духовнаго совершенства, — что мудрость, успокоеніе, радости и силу онъ находилъ только въ крестѣ Господа, — что зло мірское потеряло для него всю свою обольстительность,—(имъ же мнѣ міръ распяся) равно какъ упразднилось и его зло или грѣховное пристрастіе къ міру (и азъ міру); ибо то и другое упразднено на крестѣ Христовомъ.

Послѣ этого можно удобно понять и слова о. Ѳеодора. Въ жизни ли частной, или въ жизни общественной мы дѣйствуемъ не во имя Христа Сына Божія, какъ св. Павелъ, — а больше всего во имя какихъ-либо ложныхъ идей, или нечистыхъ страстей,— ищемъ не славы Распятаго Господа, но подобно лжеучителямъ ищемъ славы мірской, собственно своей; почему всѣ блага, всѣ изобрѣтенія усвояемъ себѣ только, а не виновнику ихъ Богу, Который ниспосылаетъ ихъ намъ. Ложными идеями, нечистыми страстями, — мы какъ мусоромъ или капищемъ закрываемъ силу креста Христова и не даемъ ей раскрываться и дѣйствовать въ насъ. Въ такомъ положеніи нѣтъ намъ спасенія. Чтобы спасти себя отъ всегубительства, намъ нужно, подобно св. равноапостольной царицѣ Еленѣ, — разметать это капище *и этотъ* холмъ земныхъ пристрастій и ложныхъ идей, открыть

обрѣсти и воздвигнуть крестъ Христовъ на всемірное зрѣлище, — усвоить его себѣ въ его побѣдной силѣ умомъ и сердцемъ, — этими источными силами нашей души, отъ всецѣлаго устремленія которыхъ къ одной цѣли зависитъ и вся наша дѣятельность—и всею дѣятельностію предавать себя въ орудіе силы креста Христова, — подобно Ап. Павлу. При переводѣ этихъ образныхъ выраженій это будетъ значить,— чтобы спасти все отъ гибели, намъ нужно раскрывать значеніе тайны искупленія для всѣхъ областей нашего бытія, и для философіи, и для наукъ, и для искуствъ, и для всѣхъ земныхъ удобствъ нашей жизни, и вообще для всей нашей дѣятельности, — такъ чтобы Христосъ для ума былъ мудростію, для сердца блаженствомъ, для воли силою. Тогда и міръ будетъ для насъ мертвъ и мы для міра, — ибо въ Христѣ распятомъ наша сила и наше торжество.

Мы удивляемся какъ не понялъ эти простыя мысли г. критикъ и наговорилъ цѣлую кучу предположеній, совсѣмъ неотносящихся къ дѣлу; тѣмъ болѣе, что стоило ему только поворотить четвертку, съ которой онъ списалъ непонятыя имъ слова, и тамъ нашелъ бы ихъ объясненіе. Приведемъ ихъ. «Итакъ, что́ бы «ни сдѣлалъ человѣческій разумъ, говоритъ о. Ѳеодоръ, «не во Христѣ, не по Его началу,—съ цѣлями, чисто «мірскими, во славу собственно свою, словомъ—безъ «благодатнаго внутренняго соображенія своего съ Бо«гомъ Словомъ Христомъ, Который есть намъ перво«образъ,—во всемъ этомъ человѣческій разумъ прелю«бодѣйствовалъ бы отъ своего божественнаго жениха, «или похищалъ бы Божіе на гибель себѣ и человѣче«ству. Но мы снова возвращаемъ и похитителя и по-

«хищенное имъ Христу Богу, какъ непреложную Его «собственность, долженствующую служить къ его славѣ. «Умомъ и сердцемъ признаемъ и торжественно испо- «вѣдуемъ только Христа Бога Слова—началомъ, цѣлію «всего существующаго, верховнымъ условіемъ самыхъ «возможностей (ибо чего онъ непопуститъ, того и быть «не можетъ) началомъ и цѣлію, владыкою и судіею, и «свѣтомъ человѣка съ его разумомъ, со всѣми его си- «лами и внутренними законами; внѣ Христа, все для «насъ (какъ все само въ себѣ и есть) не болѣе, какъ «ничтожество и уметы. * Барометры, пароходы, всѣ «пришедшіе къ намъ съ запада, плоды цивилизаціи, «изобрѣтенія и успѣхи человѣческаго разума,—все это «отселѣ составляетъ для насъ дары Бога Слова, ко- «торые доселѣ были только тщетно похищаемы у Него «человѣческимъ разумомъ, забывшимъ, что онъ и самъ «есть собственность Егоже и пренебрегшимъ свою не- «бесную славу — быть сообразнымъ и сообщнымъ съ «Нимъ же Богомъ Словомъ; отрекаемся во всемъ этомъ «только отъ всего того, что не можетъ быть под- чинено духу Христову (обратите вниманіе на это г. Аскоченскій и г. критикъ,—значитъ не все земное, не все грѣшное о. Ѳеодоръ возводитъ ко Христу,— «а вы что́ на него взводите? Совѣсть! Совѣсть!) что «выходитъ изъ сообразности съ Нимъ, и слѣдовательно «упадаетъ до образа, не свойственнаго человѣку, соз- «даннаго по образу Божію, — до скотоподобія и звѣро- «образности, — отрекаемся однако такъ, что, по Апо- «столу, *не отметаемъ благодати* (Гал. 2, 21) Агнца

---

* Всѣ эти мысли прекрасно раскрывается въ трехъ письмахъ къ Гоголю именно въ третьемъ.

«Божія, взявшаго на себя вину всего такого грѣховнаго.» Прекрасно, о. Ѳеодоръ!

Но что же? какъ отзывается на это г. критикъ? Обыкновенно какъ — ругается. Выпишемъ его разборъ съ своими замѣчаніями, теперь уже дѣло ясно. Сначала критикъ выписываетъ слова съ указаннымъ пропускомъ и притомъ съ конца безъ всякой связи. «Только бы, говоритъ архимандритъ Ѳеодоръ», пишется въ критикѣ, «намъ усвоить себѣ крестъ Христовъ въ его силѣ побѣдоносной надъ всѣмъ міромъ: хотя бы эта сила была засыпана (у автора закрыта) капищемъ ложныхъ идей, или страстей нечистыхъ (за симъ выхватываетъ нѣсколько словъ сверху) зло мірское потеряетъ свою обольстительность, упразднится и наше собственное зло, или грѣховное пристрастіе къ міру, *ибо то и другое* взято и упразднено, на крестѣ Христовомъ.» Господи помилуй! восклицаетъ критикъ за симъ. Что это такое? «Хотя бы сила креста Христова была засыпана капищемъ ложныхъ идей или страстей нечистыхъ», какъ понять эту кощунственную мысль?» (Не понявши нечего ее называть кощунственною; — по нашему очень просто: открыть также Христовъ крестъ, какъ открыла его св. Елена, — т. е. Христа поставить началомъ и концемъ всей нашей дѣятельности, какъ выше уже и объяснено). «Неужъ-то такъ, что человѣчество, послѣ крестной смерти своего Искупителя, можетъ все повергать на крестъ Христовъ, предаваясь всевозможнымъ оргіямъ въ капищѣ ложныхъ идей и страстей нечистыхъ?» (Съ чего же вы взяли такъ понимать? У автора даже и ни малѣйшаго повода къ тому; такъ говорить,— значитъ говорить *non ad rem*). «Или такъ (и не такъ)

что сила креста Христова не оскудѣетъ, хотя бы цѣлый міръ предался разврату до послѣдней степени? Но положимъ, что не оскудѣетъ, что останется на вѣки побѣдоносною; чтожъ изъ этого для міра-то, который засыпаетъ самый крестъ Христовъ лживыми идеями и нечистыми страстями, — что для міра, (разумѣется что? худо) за спасеніе котораго и вознесенъ былъ на крестъ и висѣлъ между двумя разбойниками не вѣдѣвшій грѣха?» Рѣшительная путаница! Какъ тутъ дѣло у него дошло до оскудѣнія или неоскудѣнія силы креста Христова, какъ тутъ дошло дѣло до всемірнаго разврата, какъ тутъ вяжется вопросъ, чтожъ будетъ для міра, засыпающаго крестъ Христовъ нечестіемъ, — рѣшительно непостижимо, когда у о. Ѳеодора ясно и просто говорится, что нужно искать, открывать и усвоять силу креста, хотя бы она и закрыта была какимъ-нибудь капищемъ или мусоромъ страстей или вообще зла, — тутъ простое объясненіе и назиданіе всякому, что нужно разрушить это капище, разметать мусоръ страстей или побороть въ себѣ зло вообще. Зачѣмъ тутъ предположенія? Что тутъ непонятнаго, а тѣмъ болѣе кощунственнаго? Вы сами критикъ дѣлаетесь непонятнымъ, — такъ что при чтеніи вашего произведенія невольно ставишь знакъ вопроса съ знакомъ восклицанія!?.. Далѣе критикъ выписываетъ слова Апостола Павла, съ изъясненіемъ ихъ о. Ѳеодора. «Мнѣ, пишетъ архим. Ѳеодоръ (не Ѳеодоръ пишетъ, а Ап. Павелъ) *да не будутъ хвалитися*.... (не повторяемъ всѣхъ словъ о. Ѳеодора, а выписываемъ начало и конецъ).... ибо то и другое взято и упразднено на крестѣ Христовомъ.» «Но вѣдь это болѣе, чѣмъ произвольное толкованіе,

говорить критикъ, это именно то и мечтательное и ложное представленіе царства Христова, о которомъ самъ же говоритъ авторъ на стр. 32. (критикъ не представляетъ словъ о. Ѳеодора съ этой страницы, потому должно быть, что тамъ ничего нѣтъ,—ни какого этакого мечтательнаго и ложнаго представленія о царствѣ Христовомъ). «Св. апостолъ усвоилъ себѣ силу креста и Распятаго на немъ не воображеніемъ, не представленіемъ, не думой, (да ктожъ такую дичь и предполагаетъ? Только вы, господинъ; о. Ѳеодоръ сказалъ: *умомъ и сердцемъ*, а это совсѣмъ не то, что вы думаете; это не воображеніе, не представленіе, не дума, — а умъ и сердце, отъ устремленія и всецѣлаго устремленія которыхъ къ одному предмету зависитъ направленіе и стремительность всей дѣятельности; — какъ вы не добросовѣстны!) «а безустанною борьбою съ плотію, съ міромъ и со всѣмъ, что въ немъ есть похотствующаго на духъ». (Кто же и споритъ съ этимъ? Какъ критикъ опять не пойметъ, что умомъ и сердцемъ иначе и нельзя усвоить силы креста Христова, что поставитъ Христа началомъ мысли и дѣятельности, что только въ Немъ находитъ свое блаженство, — иначе опять нельзя, — какъ не безустанною борьбою съ плотію и съ міромъ; — въ томъ и состоитъ существо открытія силы крестной, чтобы разрушить капища страстей и разметать всякой мусоръ нечистотъ духовныхъ!) «До конца многотрудной жизни онъ не торжествовалъ побѣды, ибо съ горестію, какъ бы уставъ отъ вѣчной брани духа съ плотію, онъ восклицалъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея*». (Конечно; но справедливость требуетъ замѣтить, что хотя не торжествовалъ побѣды, — однако увѣщевалъ, чтобы

вѣрующіе были такими, какимъ былъ и онъ, были подражателями ему, какъ онъ былъ подражателемъ Христу. Слѣдовательно онъ уже сознавалъ свое торжество надъ грѣховностію, а потому дерзновенно говорилъ, что чрезъ Христа распятаго на крестѣ, — міръ не существуетъ для него, (распяся), равно и онъ для міра, т. е. и онъ уже восторжествовалъ надъ нимъ (и азъ міру). Вы и этого не могли понять, хотя имѣли дѣло съ этими же словами Ап. Павла! Чтожъ послѣ этого вы можете понять?) «Откуда же у автора нашего взялась такая увѣренность, что только бы усвоить крестъ Христовъ, а тамъ все мірское, обольстительное легко упразднится?» (Отъ словъ Ап. Павла непонятыхъ вами и перетолкованныхъ какъ-то особенно нелѣпо). «Да опять (къ чему же это опять) какъ же вы усвоите—то его, не вышедши изъ капища ложныхъ, философскихъ идей, изъ *зачумленнаго* мѣста нечистыхъ страстей нашей падшей природы?» (Вы говорите: не вышедши изъ капища, изъ зачумленнаго мѣста, — да и слова не было о томъ, чтобы кто-нибудь туда входилъ и тамъ сидѣлъ, а тѣмъ болѣе, чтобы кто-нибудь хотѣлъ внести въ такое капище крестъ Христовъ; о. Ѳеодоръ говорилъ, что нужно открыть крестъ, откопать его, — значитъ разрушить капище и, повторяю, разметать мусоръ страстей и нечистыхъ пожеланій, словомъ — сдѣлать тоже, что сдѣлала блаженная и святая Елена.... Она открыла крестъ, хотя онъ былъ закрытъ капищемъ Венеры,— и заваленъ всякимъ мусоромъ. Для разумѣнія словъ о. Ѳеодора слѣдовало бы вамъ, г. критикъ, помнить эту исторію обрѣтенія честнаго креста; ибо о. Ѳеодоръ о томъ и толкуетъ, какое бы можно сдѣлать

приложеніе къ нашей нравственности изъ такого событія;—а вы что дѣлаете?) «Какъ вы увидите свѣтъ, оставаясь въ мрачной и душной темницѣ, изъ которой только Господь можетъ извести душу исповѣдатися имени Его?» (Да съ чего же вы взяли толковать объ этомъ?..!) «Въ приличномъ ли, наконецъ, мѣстѣ будетъ у меня крестъ Христовъ, если душа моя есть капище идоложертвенной современности, если онъ будетъ заваленъ тамъ ложными идеями и нечистыми страстями?» Доколѣ же, наконецъ, вы пребудете г. критикъ, въ своей безбожной клеветѣ, недобросовѣстности и въ своемъ жалкомъ путаньѣ. Какъ вы не можете понять самаго простаго склада рѣчи русскаго человѣка? Развѣ о. Ѳеодоръ о томъ проповѣдуетъ, чтобы внести въ капище крестъ Христовъ, — напротивъ онъ говоритъ о томъ только, что не смотря на всѣ препятствія, хотя бы крестъ Христовъ былъ заваленъ чѣмъ бы то ни было, — хотя бы его трудно было достать, мы должны обрѣсти его, разрушивъ эти препятствія, — и усвоить себѣ. Кажется, чего бы проще? А критикъ между тѣмъ ничего не хочетъ понять, — не хочетъ притомъ злонамѣренно, чтобы только обвинить автора книги, и вотъ у него слагается цѣлая тирада изъ словъ и мыслей совершенно ничего не говорящихъ о дѣлѣ. Чудное дѣло! Писать, ратовать противъ книги и ничего не сказать объ книгѣ. Бываетъ же такъ!!!

Этимъ собственно заключается первый отдѣлъ разбора книги, — или собственно православнаго ученія о нашемъ искупленіи во Христѣ. За симъ, сдѣлавши патетическое обращеніе къ нѣмецкому философу Гегелю, яко бы развратителю неопытныхъ, — и между

прочимъ о. Ѳеодора, — критикъ сводитъ весь свой разборъ къ слѣдующему заключительному сокращенію яко бы заблужденій о. Ѳеодора: «Христосъ все зло и грѣхъ вознесъ съ Собою на крестъ и слѣдовательно все, что теперь есть — философія, эстетика, наука, искуства, всѣ наслажденія вѣка, всѣ лакомства современности, ими доставляемыя, не имѣютъ въ себѣ ни крупинки зла грѣха и вины? Все уплачено, все заглаждено однажды на всѣ времена; ты ни за что не отвѣчаешь, ибо безгрѣшный Агнецъ Божій все взялъ на себя, и потому всегда виноватъ твоею виною. Тебѣ лишь остается творить дѣла виновныя въ томъ убѣжденіи, что все, что есть и что выйдетъ изъ того, разумно и необходимо.» Вотъ сокращеніе клеветъ, возводимыхъ «Дом. Бесѣдой», — г. Аскоченскимъ и г. критикомъ, на православное ученіе о тайнѣ нашего искупленія во Христѣ. Это въ высшей степени возмутительно слышать, а тѣмъ болѣе читать въ печати!!! Въ этомъ случаѣ оскорблена не столько книга, сколько святѣйшая Христова истина!!! Такимъ образомъ ясно видно, что «Дом. Бесѣда» не могла и не можетъ переварить или усвоить догмата искупленія міра во Христѣ, и раздѣльно представить эту тайну, какъ по отношенію къ правдѣ Божіей, такъ и по отношенію къ людямъ и ко всему нашему міру. Критикъ только и ладитъ, что Агнецъ Божій взялъ грѣхи не всѣхъ людей, а только нѣкоторыхъ, которые чрезъ покаяніе сдѣлаются праведными, что о видимой природѣ, о земномъ или мірскомъ Онъ, Спаситель нашъ, незаботится и незаботился, — и это повторяетъ онъ и будетъ повторять почти постоянно

и впереди; но мы уже не станемъ возвращаться опять къ этому предмету. Такъ, мы прошли цѣлый отдѣлъ критики. Чтожь мы скажемъ объ ней?

При всемъ нашемъ желаніи сказать что-нибудь въ похвалу критику, мы къ сожалѣнію должны сказать, съ чѣмъ и согласится съ нами читатель, что правды и дѣла въ этой критикѣ нѣтъ. Есть у критика какое-то предчувствіе, что авторъ не совсѣмъ какъ-будто справедливъ, что у него есть что-то неудовлетворительное, неподходящее къ мыслямъ критика. Но это предчувствіе не возводится до разумнаго сознанія, — это что-то неподходящее, неудовлетворительное непроясняется въ понятіе, въ мысль, — отъ чего критикъ чувствуетъ себя безсильнымъ опровергать о. Ѳеодора путемъ строгаго анализирующаго мышленія; напротивъ онъ хочетъ ниспровергнуть его тѣмъ, что хранилось у него въ душѣ, т. е. дикими и невѣроятными предположеніями, оскорбительными для Христовой истины, которыя онъ разбавляетъ въ слѣдствіе своего раздраженія площадными ругательными выраженіями и нелѣпыми соображеніями. Недобросовѣстность и злонамѣренность при этомъ крайняя! Вообще объ этомъ отдѣлѣ мы скажемъ словами самого же критика, которыя онъ относилъ къ автору книги: «нелѣпость положеній, нелогичность выводовъ, дикость и нестройность фантазіи и необузданность чувства, благоволящаго всякой лжи, неправдѣ, клеветѣ, лжетолкованію, ужасающіе человѣка православнаго выводы,» при этомъ прибавимъ тупость въ пониманіи православнаго ученія нашей Церкви, и сверхъ всего этого невѣжественный тонъ высокомѣрія, взимающагося на

самое ученіе православное — вотъ основныя и отличительныя черты критика и этой несчастной критики по этому отдѣлу.

РАЗБОРЪ ВТОРАГО ОТДѢЛА,

который у критика заглавляется такъ: Объ іудействѣ и язычествѣ, яко бы существующихъ въ Церкви Православной.

Выше мы уже видѣли, какъ неправильно и съ какимъ злымъ умысломъ составлено это заглавіе. Вмѣсто того, чтобы заглавить такъ: *о господствующихъ въ современномъ обществѣ направленіяхъ духовно-Іудействующемъ и духовно-язычествующемъ*, — онъ выражается иначе и вставляетъ въ заглавіе—*Церковь Православная*, чтобы возвести на о. Ѳеодора клевету въ оскорбленіи святости ея. Потому тотчасъ послѣ заглавія ожидаетъ со стороны читателей удивленія. «Очень хорошо видимъ и понимаемъ, говоритъ онъ, какъ удивлены читатели наши однимъ лишь заглавіемъ этого отдѣла. (Если бы вы, г. критикъ, выдумали еще что нибудь похитрѣе или глупѣе,—конечно читатели еще болѣе были бы удивлены.) Они пожалуй готовы даже заподозрить насъ (а, а! видно чувствуете за собой грѣшки?!!) въ пристрастіи, увлеченіи, въ напрасныхъ нападеніяхъ на автора несчастной книжки, поднявшей такую бурю въ мірѣ духовно-литературномъ. (Да и нетолько готовы заподозрить въ напрасныхъ нападеніяхъ, — даже ясно видятъ ваши расположенія къ этой прекрасной книжкѣ. Шило въ мѣшкѣ не спрячешь;

а тутъ ужъ во все не шило!) Мы сами подумали бы тоже, еслибъ другой кто нибудь сталъ увѣрять насъ въ чемъ либо подобномъ: но чтожь прикажете дѣлать, когда дѣло говоритъ само за себя?» Полноте прикидываться-то. Всмотритесь-ка хорошенько; вѣдь всѣми этими словами вы ясно обличаете себя въ лукавствѣ приготовить читателей къ новымъ клеветамъ на почтеннаго автора. Дѣло ясное. Этотъ лукавый языкъ—языкъ клеветы.—Посмотримъ.

Слова Архимандрита Ѳеодора.

«Съ раскрытіемъ для нашей мысли и чувства, говоритъ Арх. Ѳеодоръ по поводу праздника Преображенія Господня,—всей жизненности и свѣтоносности «Православнаго христіанства, Христосъ въ своемъ «христіанствѣ и явится духовно въ такой славѣ и «свѣтѣ, какъ это было въ Его Преображеніи на Ѳа«ворѣ.» (Съ слѣдующихъ словъ начинаетъ выписывать критикъ.) «Всѣ законы и учрежденія церковныя, до«веденныя не сами по себѣ, а только въ насъ и то «не во всѣхъ, * формализмомъ нашимъ до мертвой вет«хозавѣтности, (только у него выписано) оживятся и

---

*Слова: «*не сами по себѣ, а только въ насъ и то не во всѣхъ*» критикъ выпустилъ на томъ основаніи, что будтобы эта оговорка поставлена тутъ лишь для огражденья себя на всякій случай и ни мало не ослабляетъ упрека Православію, содержащему въ себѣ самомъ(?) а не въ насъ законы и учрежденія церковныя! Какая безсовѣстная недобросовѣстность! Если кто читалъ другое сочиненіе О. Ѳеодора, именно, нѣсколько статей объ Апостолѣ Павлѣ, въ которомъ между прочимъ онъ раскрываетъ исторію Ветхозавѣтной обрядности,—тотъ понимаетъ всю силу и все глубокое *значеніе* этихъ словъ о. Ѳеодора.

«раскроются во всей благодатной силѣ и славѣ, все «въ словѣ Божіемъ, претящее и угрожающее намъ «нынѣ за наши невѣрности Христову духу, будетъ «свидѣтельствовать только о преизбыточествующей «надъ нами милости и благодати Христовой. Такъ «Законодатель Моисей и ревнивый по Богѣ Израилевѣ «Пророкъ Илія—явились соучастниками славы и свѣта «Преображенія Господня! (Глубокія и превосходныя «мысли.) «Намъ слѣдуетъ озаботиться, продолжается «выписка изъ другого мѣста книги, — чтобы въ су- «дилищѣ самой мысли нашей не засѣли жидовскія или «языческія христовраждебныя начала. Опасно и ги- «бельно направленіе — довольствоваться болѣе или «менѣе точнымъ разумѣніемъ и исполненіемъ одной «буквы догматовъ и церковныхъ правилъ, одной «мертвой формы церковной христіанской жизни» (стр. «217.) «Въ христіанскомъ мірѣ есть одно такое ду- «ховно-нравственное направленіе, по которому стоятъ «и ревнуютъ собственно только за букву Божія закона «и Православія, какъ нѣкогда Іудеи. Другое такое, «по которому для мысли въ разныхъ областяхъ знанія, «и для жизни въ общественныхъ, домашнихъ и лич- «ныхъ дѣлахъ, христіане имѣютъ живымъ дѣйствую- «щимъ началомъ не Христа, а идеи и правила, внѣ Его «взятыя, или даже просто—страсти необузданныя. Пер- «вое направленіе справедливо можно назвать *духовно-* «*Іудейскимъ, а другое—духовно-языческимъ*» (стр. 22).*

---

* Чтобы вполнѣ понять и усвоить взглядъ автора книги на эти направленія, слѣдовало бы критику обратить вниманіе на другія мѣста въ сочиненіяхъ О. Ѳеодора: и именно, въ книгѣ о Православіи стр. 55, 56, 69, 70, 134, 135, 165, 166, 167, 217, 219,

Три поразительныя вещи.

«Въ приведенныхъ нами отрывкахъ изъ сочиненія Арх. Ѳеодора, начинаетъ критикъ свой разборъ, больше всего бросаются въ глаза три вещи, поразительныя по своему рѣшительному и безъаппеляціонному тону: первое, *всѣ* (онъ проситъ читателя замѣтить слово: *всѣ*) законы и учрежденія церковныя доведены у насъ формализмомъ до мертвой буквы; второе, что буква и мертвая форма догматовъ и правилъ церковныхъ опасны и гибельны для человѣка православнаго; наконецъ, третье, что въ самомъ судилищѣ мысли (что это за судилище мы непонимаемъ, говоритъ критикъ) есть жидовскія или языческія христовраждебныя начала.» Прочитавъ эти строки критика, мы обрадовались, полагая, что онъ станетъ разбирать эти три вещи, каждую порознь, и докажетъ намъ послѣдовательно, что каждая изъ всѣхъ поразительныхъ вещей въ сочиненіи Арх. Ѳеодора чистая ложь, — что первое, не всѣ законы и учрежденія церковныя доведены у насъ формализмомъ до мертвой буквы, или даже никакія недоведены; второе, что буква и мертвая форма догматовъ и правилъ церковныхъ вовсе неопасны и негибельны для человѣка православнаго и даже можетъ быть спасительны, — и наконецъ, третье, что въ судилищѣ мысли нашей нѣтъ никакихъ ни жидовскихъ, ни языческихъ христовраждебныхъ началъ. — Мы полагали, что съ кри-

---

257—260, 304—317, и еще изъ книги объ Ап. Павлѣ: стр. 8, 9, 191—201. Но онъ этого не дѣлалъ, и потому написалъ и самъ незнаетъ что.

тикомъ мы станемъ на одну доску, — будемъ дѣйствовать однимъ и тѣмъ-же оружіемъ, будемъ послѣдовательно одно за другимъ разбирать тѣ положенія, какія хочетъ доказать критикъ, — опредѣлимъ хорошенько процессъ мышленія и выводовъ и неизбѣжно придемъ къ заключенію, которое оправдаетъ или автора книги, или критика. Такъ мы разсчитывали повести дѣло при чтеніи этого вступленія.

Но увы! нашимъ ожиданіямъ не привелось исполниться. Мы ошиблись. Критикъ все остается такимъ же критикомъ, какимъ былъ прежде, — непослѣдовательнымъ, себѣ противорѣчащимъ, лживымъ, клеветливымъ, часто разсуждающимъ не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, — и только кружащимся около искомой мысли, но непопадающимъ въ нее. Бѣдный критикъ!

Ихъ признаніе.

Послѣ указанія трехъ поразительныхъ для критика вещей, мы ожидали, что онъ будетъ доказывать, что этихъ вещей въ нашей Церкви нѣтъ. А оказывается, что онъ объ этомъ и недумалъ; онъ это сдѣлалъ такъ только, чтобы написать что вотъ-де и поразительныя вещи бываютъ на свѣтѣ. Доказывать же противное, онъ не только недумаетъ, напротивъ онъ тотчасъ признается, что и эти вещи точно бываютъ, — только какъ они явились у насъ и какое дать имъ приличное наименованіе, — вотъ это для него вопросъ и въ этомъ критикъ немного расходится съ о. Ѳеодоромъ. «Дадимъ себѣ вопросъ словами самого Архим. Ѳеодора, спрашиваетъ себя критикъ, откуда развивается у насъ такая страшная бѣда, — (т. е. прео-

бладаніе формализма въ нашей религіозности, гибель отъ него и христовраждебныя начала), — бѣда, превращающая насъ изъ состоянія по новому Адаму въ состояніе по ветхому Адаму,—съ запада ли неправославнаго, или отъ нашего собственнаго невниманія и невѣрности къ самой силѣ православія? Отъ обою, отецъ, отъ обою вкупѣ, отвѣчаетъ критикъ.» Итакъ, о чемъ же теперь толковать г. критикъ? Вещи, поразившія васъ, существуютъ въ Церкви православной. Стало быть, о. Ѳеодоръ правъ? «Да, это правда, продолжаетъ критикъ, что онѣ существуютъ и извѣстно откуда онѣ произошли, — все это вы сами знаете очень хорошо, обращается онъ къ о. Ѳеодору; сбиваетесь только, отвѣчаетъ критикъ, въ опредѣленіи духовно-іудействующихъ и духовно-язычествующихъ и сбиваетесь потому, что не точно понимаете значеніе словъ: *духъ* и *буква*.» Какое спокойное разсужденіе! Какъ мило! Какъ плавно идетъ рѣчь! Какъ резонно говоритъ критикъ! Обо всемъ прекрасно разсуждается въ книгѣ, одно только немножко плохо — неправильно понимаются два слова: *духъ* и *буква!* Критикъ разъяснитъ ихъ, скажетъ, какъ нужно назвать эти христовраждебныя начала — и дѣлу конецъ, по крайней мѣрѣ для второго отдѣла. Все это прекрасно; только какже, г. критикъ, — вы вѣдь самыми заглавными выраженіями сказали читателямъ, что такихъ направленій въ нашей Церкви нѣтъ, а здѣсь вы соглашаетесь, что онѣ существуютъ въ насъ и произошли и отъ запада и отъ нашего невниманія силѣ православія (но особенно отъ запада). Это словно противорѣчіе, нелогичность?!! Или не нужно бы задавать вопроса о происхожденіи трехъ вещей въ насъ, — или

не нужно заглавлять такъ, какъ вы заглавили? Воля ваша а это бросается въ глаза нелѣпостью съ перваго раза... Но погодите, г. читатель, все это плетеніе объяснится въ послѣдствіи самымъ неожиданнымъ образомъ. Критикъ еще только пыль пускаетъ въ глаза, а самое-то *суть* впереди.

Ихъ отрицаніе.

Посмотримъ; можетъ быть, изъ точнаго опредѣленія: *духъ* и *буква*, — и выведетъ что нибудь хорошее критикъ. — Онъ признаетъ въ человѣкѣ тройственный составъ: духъ, душу и тѣло. Только духъ «это нетлѣнное сѣмя» какъ выражается архим. Ѳеодоръ и чего нужно критику, «раждается къ жизни только во св. крещеніи, растетъ и спѣетъ только у внимательныхъ и вѣрныхъ силѣ православія.» Въ силу всего этого, говоритъ критикъ, раздѣленіе лжеревнителей, находимыхъ о. Ѳеодоромъ въ Церкви православной,— на *духовно-іудействующихъ* и *духовно-язычествующихъ* неправильно». Почему же неправильно, г. критикъ? Значитъ все-таки они существуютъ, только нужно имъ дать другое названіе? Да, отвѣчаетъ критикъ, но потомъ подводитъ такую мину, которой взрываетъ все зданіе, не жалѣя и себя. «Неправильно потому, говоритъ онъ, что у св. Апостоловъ и отцевъ Церкви слово «духовный» значитъ тоже, что очищенный, святой, небесный и въ противоположность слова «душевный», или прямѣе плотяный, земной, даже бѣсовскій. Гораздо вѣрнѣе было бы сказать: *душевно-іудейское* направленіе, или *душевно-языческое* или просто, языческое.» О, помилуйте мы относи-

тельно словъ не споримъ, пожалуй, какъ хотите, называйте, только признайте ихъ существованіе въ нашемъ обществѣ, — объ этомъ мы и хлопочемъ, чтобы образумить нѣкоторыхъ господъ, которые неразумно ревнуютъ почему нибудь ложному или только видимому, а несущественному. Но не тутъ-то было, критикъ съ нами ни въ чемъ не хочетъ соглашаться; онъ все это ниспровергаетъ! «Но душевно-іудейскаго направленія нѣтъ и быть не можетъ (каково?) въ Церкви православной; ибо держащіеся его еретики и раскольники, не принадлежатъ къ Церкви, точно также, какъ и душевно-язычествующіе не почитаются отъ двора сего.» Каково вамъ покажется! а!!! Такая неожиданность! А главное — ловкость-то, ловкость-то какая! Ай-да критикъ. Сначала все шло какъ будто ладно, все соглашался, — а потомъ вдругъ извернулся, да такъ хватилъ, что всѣмъ на удивленье! За симъ критикъ дѣлаетъ замѣчаніе, какъ выражается онъ, такъ для будущихъ соображеній. Въ какомъ же родѣ это замѣчаніе? А вотъ, именно въ какомъ: «мы нѣсколько угадываемъ, для чего авторъ т. е. о. Ѳеодоръ оязычилъ апостольское слово: «*духовный*», уронивъ его до животнаго состоянія души (вообразите: слово уронивъ до животнаго состоянія души! Что это такое?) и *пріурочивъ* къ дѣламъ душевнымъ или плотскимъ, каковы всѣ лакомства, подаваемыя философіей, поэзіей, искуствами: ему нужно было отстоять современно-душевнаго человѣка, — вотъ онъ и облекъ его въ свѣтлую ризу духовности.» Странное дѣло... Вы говорите, что оязычивъ и пріурочивъ слово духовный къ философіи и т. д., онъ хочетъ отстоять современно-душевнаго человѣка? Да какимъ же образомъ вы-

ходитъ это, г. критикъ, растолкуйте ради Бога? Мы признаться, кромѣ нелѣпости — тутъ ничего невидимъ. Вѣдь о. Ѳеодоръ, назвавъ современныя господствующія направленія *духовно-іудейскими* и *духовно-языческими*, — порицаетъ и старается православныхъ христіанъ отвести отъ нихъ, какъ же онъ чрезъ это хочетъ отстоять современно-душевнаго человѣка. По нашему мнѣнію, назвать современно-душевнаго (повашему) человѣка — духовно-іудействующимъ и духовно-язычествующимъ — не большая честь; и полагаю, современно-душевный человѣкъ откажется отъ этой чести, особенно когда ему прибавятъ синонимы: скотоподобный, звѣрообразный, человѣкоядный,—отъ каковой чести вы и сами такъ храбро отказываетесь всѣми вашими статьями. Нѣтъ, господинъ, вы путаете, сами невѣдая что. Нѣтъ; о. Ѳеодоръ безошибочно употребилъ слово духовный, напрасно вы его обижаете. Разберемъ-те добросовѣстно.

Силлогизмы критика.

Все вышесказанное критикомъ можно представить въ видѣ такого умозаключенія:

О. Ѳеодоръ, говоря о существованіи двухъ направленій — іудейскаго и языческаго, — называетъ ихъ въ отличіе отъ іудейства и язычества плотскаго — духовными.

Но назвать какое-бы то нибыло изъ грѣховныхъ направленій *духовными* нельзя; ибо слово *духовный* у Апостоловъ и Отцевъ Церкви употребляется въ смыслѣ благодатнаго, святаго, очищеннаго и небеснаго,— а по справедливости можно назвать: душевнымъ, по-

тому что это слово употребляется въ смыслѣ земнаго, плотянаго, прямѣе — бѣсовскаго.

А такихъ *душевныхъ* т. е. плотяныхъ, земныхъ, бѣсовскихъ, направленій нѣтъ и быть неможетъ въ Церкви православной, потому что она свята.

Заключеніе: Итакъ, указанныхъ о. Оеодоромъ духовныхъ направленій іудейства и язычества, яко бы существующихъ въ Церкви православной, нѣтъ и быть не можетъ.

Удивительное мышленіе! Разсмотримъ же эти положенія. Главная причина заблужденій здѣсь — въ неправильномъ понятіи — духъ. По этому намъ нужно прежде всего опредѣлить точнѣе это понятіе.

Какъ понимается слово — духъ?

Слово духъ у насъ, въ нашей Православной рѣчи принимается въ смыслахъ чрезвычайно различныхъ,— принимается и въ смыслѣ благодатныхъ силъ нашей души, — или въ смыслѣ «нетлѣннаго сѣмени», которое возрастить пришелъ на землю Спаситель, — или въ смыслѣ благодатной жизни, даруемой по обновленіи,—и противополагаемой жизни до обновленія,—естественной, грѣховной, плотской;—въ смыслѣ высшихъ силъ нашего существа, которыми мы, такъ сказать, соприкасаемся горьнему міру; (на это см. превосходную, истолковательную Бесѣду Митроп. Москов. Филарета. Изданіе 1845 г. стр. 412), — принимается въ смыслѣ существеннаго содержанія, или направленія, когда дѣло идетъ о сочиненіи, (напр. въ какомъ духѣ написано сочиненіе), — въ смыслѣ настроенія, когда говорится относительно человѣка (напр. онъ что-то не

въ духѣ);—употребляется въ смыслѣ запаха (напр. пошелъ духъ); въ смыслѣ ровной теплоты (напр. поставь въ вольной духъ въ печь);—наконецъ, употребляется (что для насъ нужно) въ прямой противоположности матеріи, плотяности, видимости и осязаемости, и вообще всему, что подлежитъ чувствамъ. По этому напр. въ отличіе и противоположности природы Ангеловъ отъ нашей дебелой, осязаемой, — говорится, что они имѣютъ природу духовную, или естество духовное. Такъ и въ различеніи грѣховъ, какъ въ Свящ. Писаніи, такъ и въ отеческой литературѣ употребляется слово духовный въ отличіе грѣховъ духа отъ грѣховъ чувственныхъ или плотскихъ. Такъ самоуслажденіе и превозношеніе внутренними духовными совершенствами (что бываетъ особенно съ подвижниками) — называется духовною гордостію, въ отличіе отъ гордости мірской свѣтской (у отцевъ Церкви — неговорится душевная гордость, но духовная). Вообще же грѣхи духа, напр. зависть, ненависть, гордость и т. п. называются духовными, когда приходится ихъ отличать отъ грѣховъ чувственности, напр. сладострастія. Такъ и у Апостола Павла, у котораго духъ иногда употребляется въ смыслѣ благодатной жизни, говорится: «*очистимъ себе отъ всякія скверны и плоти и духа*» (2 кор. VII, 1); такъ и у Макарія Вел. въ молитвѣ на сонъ грядущимъ, читаемъ: «очисти, Господи, смиренную мою душу отъ всякія скверны плоти и *духа*». Да и сами вы въ такомъ же смыслѣ употребляете это слово. (какъ увидимъ и ниже.) — И такъ, поелику въ такихъ различныхъ смыслахъ употребляется слово духъ и духовный въ русской рѣчи и во всѣхъ вообще словесныхъ произведеніяхъ, то всякій авторъ слово духъ

можетъ употреблять въ различныхъ смыслахъ въ одной и той же книгѣ, — въ одной статьѣ, даже на одной страницѣ, неподвергаясь никакимъ толкамъ и нареканію. По этому о. Ѳеодоръ считалъ себя вправѣ объясняться съ русскими читателями также, какъ объясняются и они, не подозрѣвая, что найдутся люди, которые предположатъ въ этомъ злонамѣренность.

О. Ѳеодоръ проповѣдуетъ, что сила зла всегда дѣйствовала въ жизни людей одинаково по своему существу, — но различно по своей формѣ, смотря по развитію людей. По сему, что возбудило Каина противъ Авеля и подвигло его на братоубійство что возбуждало братьевъ противъ Іосифа,—беззаконный народъ Іудейскій на пророковъ Божіихъ, — что подвигло Іудеевъ на Христоубійство, — это въ существѣ дѣла одно и тоже зло,—одни и тѣже Христовраждебныя начала, которыя могутъ дѣйствовать и въ нашемъ современномъ обществѣ христіанъ. То правда, что всѣ мы христіане, всѣ мы окрещены въ купѣли Св. крещенія, — и называемся чадами православной Церкви, — нѣтъ въ насъ ни жидовъ, ни язычниковъ, съ которыми бы намъ приходилось бороться, какъ напр. Ап. Павлу, но тѣмъ не менѣе, въ насъ живутъ тѣ начала, по которымъ люди возставали на истину Христову во всѣ времена и которыя особенно обнаружились въ Христоубійствѣ и во враждѣ и преслѣдованіи Его учениковъ;— живутъ тѣ начала, по которымъ одни ревнуютъ за форму, какъ за истину, чисто по жидовски; а иные хотятъ поязычески чествовать и обожать только себя, а не Христа, *изъ него же всяческая*, — живутъ хотя и въ людяхъ, но не такъ какъ во времена оны, — когда приходилось бороться, по выраженію Апостола

съ плотію и кровію. Предъ вами стоитъ не жидъ или язычникъ во плоти, но Христіанинъ, называющій себя сыномъ Православной Церкви,—знающій наизустъ весь Символъ вѣры, умѣющій класть на себѣ крестное знаменіе, а между тѣмъ, руководствующійся въ жизни какими нибудь христовраждебными началами, или безпощадной ревности, или грѣховной разнузданности;—предъ вами притомъ не одинъ такой православный христіанинъ, а нѣсколько, въ которыхъ, хотя не въ одинаковой степени, — тайно и незримо, и притомъ, въ самомъ духѣ дѣйствуютъ эти начала или одно, или вмѣстѣ. Какъ же вы отличите эти направленія, существующія въ умахъ, сердцахъ и дѣйствіяхъ христіанъ отъ тѣхъ же направленій, но такъ сказать, воплощенныхъ въ лицахъ, открыто и внѣшнимъ образомъ, выражаемыхъ Іудеями и язычниками? По существу дѣла, они тѣ же, ходя по формѣ выраженія и дѣйствія, по тонкости, глубинѣ и духовности различны? Конечно, очень простое средство называть ихъ *духовными*, т. е. заключающими въ настроеніи духа христіанъ, а не въ томъ, чтобы сіи послѣдніе открыто переходили въ іудейство или язычество. Потому употребленіе о. Ѳеодоромъ слова: *духовный* — рѣшительно безукоризненно; сказать такъ, какъ требуетъ г. критикъ, мы полагаемъ, будетъ не хорошо. Если мы скажемъ, что «Домашняя Бесѣда» держится *духовно*-жидовскаго направленія, мы скажемъ понятно для всѣхъ, и сейчасъ опредѣлимъ характеръ и *духъ* журнала; а если замѣнимъ слово духовный, — словомъ—душевный, тогда мы будемъ непоняты и скажемъ нелѣпость; потому что въ прибавленіи слова— духовный обозначается не грѣховность собственно;

а главнымъ образомъ и преимущественно характеръ направленія, понятіе тонкости, невидимости, глубины *, тогда какъ словомъ—*душевный*—будетъ обозначаться понятіе грѣховности и лживости, понятіе уже съ точностію обозначенное словомъ — языческій или іудейскій. Итакъ, г. критикъ, ваши умозаключенія разбиваются въ прахъ.

Могутъ ли быть въ обществѣ христіанъ, составляющихъ Церковь, христовраждебныя направленія?

Но могутъ ли существовать такія направленія въ христіанахъ, составляющихъ Церковь православную? Церковь свята и непорочна, а какъ же въ сынахъ ея христовраждебныя начала? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы просимъ критика обратиться къ православному катихизизму. Вопр. «Какимъ образомъ Церковь есть *святая*, когда въ ней есть и согрѣшающіе? Отвѣтъ. Согрѣшающіе, но очищающіе себя истиннымъ покаяніемъ, не препятствуютъ Церкви быть святою; а грѣшники нераскаянные, или видимымъ дѣйствіемъ церковной власти, или невидимымъ дѣйствіемъ суда Божія, какъ мертвые члены отсѣкаются отъ тѣла Церкви, и такимъ образомъ, она и съ сей стороны сохраняется святою.» Въ нынѣшнее время дѣйствіе отлученія совершается или предстоятелями Церкви *тайно*, для насъ, а не публично, не такъ, какъ въ первыя времена христіанства, или уже невидимо дѣйствіемъ суда Божія, а между тѣмъ, рьяные поборники того и другого направленія, или грѣшники счи-

* Въ такомъ смыслѣ критикъ самъ употребляетъ слово духъ, какъ ниже мы увидимъ, тоже въ примѣчаніи.

таются все-таки христіанами, и въ средѣ христіанъ, почему и относиться къ нимъ слѣдуетъ, не какъ отлученнымъ, а какъ къ христіанамъ, собратамъ нашимъ; потому что неизвѣстно, неразскаянные ли они грѣшники, или еще покаются; слѣдовательно неизвѣстно, отлучены ли они отъ состава церкви или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе предостерегать христіанъ незараженныхъ отъ зла, которымъ заражены другіе христіане, или даже большинство,—раскрывать это зло — не только не предосудительно, но даже необходимо и похвально. Итакъ, мы можемъ понять, что, принимая Церковь православную, въ смыслѣ состава или общества людей — православныхъ христіанъ, но все же людей, въ которыхъ по временамъ могутъ развиваться тѣ или другія направленія въ ущербъ добрымъ, чисто христіанскимъ,—къ сожалѣнію, должны сказать, что то и другое направленіе и духовно-іудейское, и духовно-языческое могуть быть въ обществѣ христіанъ, не оскорбляя святости Церкви. Такъ, и въ библейской исторіи, напримѣръ, хотя раскрывается исторія Церкви, однакожь, не находятъ ничего противнаго и оскорбительнаго для нея, изображать заблужденія ея сыновъ. Напримѣръ, прочитайте вы состояніе Церкви іудейской предъ пришествіемъ Мессіи, тутъ вы найдете много заблужденій, однакожь, Церковь Божія была святою. «Перемѣны и замѣшательства гражданскія, читаемъ мы тамъ, суть ничто съ плачевнымъ послѣднимъ состояніемъ іудейской Церкви. Духовное ученіе о Мессіи превращено въ плотское понятіе о царѣ и завоевателѣ и т. п.» *.

---

* Библейская исторія, митр. Филарета.

Итакъ, значитъ и съ этой стороны вы неправы! Но я прошу замѣтить, что о. Ѳеодоръ никогда не выражался такъ, чтобы такія ложныя направленія существовали въ Церкви православной, а говорилъ, что вообще они существуютъ въ современности, или въ насъ, и то не во всѣхъ,—а это дѣло иное.

Что такое буква въ Церкви православной, по мнѣнію критика? Его ложное понятіе о ней.

Въ слѣдующей тирадѣ г. критикъ разсуждаетъ о буквѣ въ Церкви православной и разсуждаетъ съ особенною горячностію. Здѣсь онъ хочетъ доказать ту мысль, «что въ новомъ Завѣтѣ буква и духъ стали единымъ, живымъ, нераздѣльнымъ, цѣлымъ, что буква или скажемъ опредѣленнѣе, обрядность въ Церкви православной стали проводникомъ жизни и даровъ Духа Святого въ души вѣрующихъ.» Мысли, пожалуй, справедливыя, но они высказаны такъ обще, такъ неопредѣленно, что самого г. критика привели къ заблужденію. Онъ довелъ ихъ до такого грубаго и крайняго заблужденія, что говоритъ: «буквою православія прикрываться нельзя; ибо иначе съ буквою они (т. е. ложные ревнители истины) неизбѣжно и мало по малу сроднились бы и съ духомъ ея.» Отсюда прямо выходитъ то заключеніе, что, считаясь сыномъ православной Церкви и соблюдая ея обряды, — всякій христіанинъ неизбѣжно спасется, какъ бы онъ ни исполнялъ обряды — съ сердечнымъ ли участіемъ или безъ всякаго участія; потому что обрядъ или буква и духъ въ Церкви православной едино, — и потому чрезъ букву христіанинъ неизбѣжно сроднится и съ

духомъ. Такъ, критикъ разрушаетъ все, что доселѣ было имъ сказано о нашемъ участіи въ дѣлѣ спасенія, а особенно о покаяніи!—Замѣчательно, какъ критикъ старается развить и доказать эту странную мысль свою. Вотъ онъ что пишетъ: «Священникъ напр. — буква, но онъ раздаятель на землѣ всѣхъ даровъ и благъ небесныхъ, строитель таинъ Божіихъ. Вода и элей — буквы, но чрезъ нихъ сообщается благодать и сила крещенія, возрожденіе духа, лежавшаго какъ бы погребеннымъ подъ преобладающею животностью. Мѵро святое — вещество, знакъ видимый — буква: но въ немъ дары Духа Святаго и нѣтъ иного пути получить ихъ, безъ опасности впасть въ иллюминатизмъ, квакерство, гернгутерство, шведенборгизмъ и проч. Хлѣбъ и вино — видимые, вещественные знаки: но въ нихъ въ таинствѣ евхаристіи Божественное тѣло и кровь Господа. Елей св. буква, — а въ немъ исцѣленіе души и тѣла. Слово Божіе — буква: а въ немъ общеніе съ Господомъ и всякій даръ совершенный, свыше сходящъ. Праздникъ — буква: а въ немъ по превосходству общеніе съ Богомъ, и море духовныхъ утѣшеній. Крестъ, какъ вещь, какъ знаменіе— буква: а въ немъ непобѣдимая сила Божія и побѣда на враговъ. Молитва, читаемая по книжкѣ, по извѣстной формулѣ — буква, а безъ нея непридетъ духъ молитвы внутренней, нѣтъ искренней бесѣды съ Господомъ. Человѣкъ есть также буква, мудренѣе всѣхъ буквъ созданія Божія. Православный человѣкъ — буква, живимая Духомъ Божіимъ и чрезъ него животворящая все, относящееся къ нему. Человѣкъ неправославный то же буква: но буква мертвая и мертвящая *зане Духа Божія не имать.*» Критикъ такъ увлек-

ся изсчисленіемъ буквъ православной Церкви, — что приплелъ сюда и природу и космосъ Гумбольдта, — и науку человѣческую и даже искуства. Какъ это относится сюда къ данному вопросу, это только одинъ сочинитель вѣдаетъ. «Боже мой! восклицаетъ критикъ, заключая предшествующее изображеніе буквы, послѣ многихъ оскорбленій о. Ѳеодора, — да неужели же въ самомъ дѣлѣ такъ неотразимо обаяніе этого ума, взимающагося на разумъ Божій, что для человѣка и то, что составляетъ вещь живую и животворящую, что стало единственнымъ путемъ сообщенія даровъ Св. Духа, что составляетъ величайшую тайну радостно объемлемую и осязаемую вѣрующими — величайшее блаженство дольней нашей жизни — есть не болѣе, какъ формализмъ, ветхозавѣтная, мертвенная буква, христовраждебное начало?» Откуда взялъ все это критикъ мы не знаемъ и считаемъ ложью и клеветой, которая даетъ ему случай назвать о. Ѳеодора орудіемъ сатанинской власти. Посмотримъ правъ ли критикъ въ своихъ разсужденіяхъ и обличеніяхъ?

Хотя во всемъ этомъ разсужденіи прямо не разобраны тѣ три вещи, которыя поразили критика и были выставлены въ началѣ этого отдѣла, хотя не рѣшены вопросы: доведены ли законы и учрежденія церковныя до мертвой буквы, и буква и мертвая форма догматовъ и правилъ церковныхъ опасны ли и гибельны ли для человѣка православнаго? — тѣмъ не менѣе однакожъ изъ всего разсужденія критика о буквѣ видно, что онъ ведетъ насъ къ тому заключенію, которое къ сожалѣнію, онъ не хотѣлъ самъ сдѣлать,—именно,—что законы и учрежденія церковныя формализмомъ до мертвой буквы доведены быть не могутъ,—и что буква

и мертвая форма догматовъ и правилъ церковныхъ не только не гибельны, напротивъ духоносны и спасительны. Къ этимъ выводамъ критикъ приводитъ читателя тоже посредствомъ умозаключенія.

Опять умозаключенія.

Въ новомъ завѣтѣ буква или обрядность не только проводникъ духа, но и едина съ нимъ,—и отдѣлима быть не можетъ. А если нераздѣлима: то до мертвенности и гибельнаго значенія доведена быть не можетъ, ибо въ такомъ случаѣ духъ отдѣлится отъ буквы. Стало быть, о. Ѳеодоръ говоритъ неправду: обрядности нашей до мертвенности и гибельности довести нельзя.

Обличеніе лжеумствованія, — правое понятіе о значеніи буквы.

Мы не знаемъ, что и думать о такомъ странномъ и нелѣпомъ образѣ сужденія. Это совершенная правда, что въ православной церкви буква служитъ проводникомъ духа, или точнѣе силы благодати Божіей. Но чтобы буква и духъ такъ были нераздѣльны, особенно внѣ св. таинствъ Вѣры, что равномѣрно и тотъ и другая и неизбѣжно животворно дѣйствуютъ на всякаго— это не такъ. Какъ сила таинства, такъ и значеніе, сила дѣйственность обряда зависитъ много отъ насъ самихъ, отъ тѣхъ расположеній, съ которыми мы принимаемъ ихъ. Мы удивляемся, какъ критикъ забылъ, что говорилъ прежде, т. е. что безъ вѣры спастись нельзя. Смѣшанность понятій въ пониманіи тайны

нашего искупленія—становится очевидною въ критикѣ. Прежде онъ очень безпоился о нашемъ участіи, въ тайнѣ нашего искупленія, о покаяніи, о церковной власти, когда дѣло шло о раскрытіи перваго акта нашего искупленія, — а теперь безпокоится за самую благодать искупленія, забывая наше участіе. То правда, что буква есть проводникъ благодати,—но при этомъ право и то, что въ насъ самихъ, какъ выражается о. Ѳеодоръ буква не можетъ быть спасительною, если мы пріемлемъ её безъ благоговѣнія, безъ вѣры, по обычаю, — напротивъ она совершенно убьетъ насъ, если мы будемъ неисправимы, — подвергнетъ насъ вящшему осужденію. Такъ; потому что въ такомъ случаѣ мы преогорчеваемъ благодать и оскорбляемъ её. Покаяніе великое таинство,—низводящее благодать примиренія нашего съ Богомъ,—но оно къ сожалѣнію, многими изъ насъ совершается какъ простой обрядъ, безъ всякаго сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ и намѣренія исправиться,—и потому служитъ не столько ко спасенію, сколько къ вящшему осужденію. Евхаристія—хотя одно изъ величайшихъ таинствъ, въ которомъ преподается вѣрующему Самое Пречистое Тѣло и Самая Честная Кровь Христова, но къ сожалѣнію не мало найдется такихъ изъ Православныхъ христіанъ, которые къ Причащенію готовились хорошо, но какъ скоро причастились, забываютъ, что̀ они приняли, и принимаются опять за тѣже дѣла, отъ которыхъ воздерживались во время говѣнія. Что же? Это развѣ не формализмъ, доводящій таинство до простого безсодержательнаго обряда или обычая, смыслъ котораго, какъ будто забытъ; развѣ такой формализмъ не губителенъ? Въ древней церкви Ко-

ринѳской за неразсмотрительное принятіе Евхаристіи, за недостаточное уваженіе къ нему и охраненіе, благодать наказывала вѣрующихъ недугами и смертію. *Сего ради*, говоритъ Ап. Павелъ, обращаясь къ вѣрующимъ, *мнози отъ васъ недужливы и спятъ довольны*, (и умираетъ довольно.) Бракъ таинство, но какъ часто имъ прикрываются корыстные самые нехристіанскіе разсчеты, и потому онъ, какъ оказывается нерѣдко на дѣлѣ, не даетъ благословенія на христіанское чадородіе и благословенное сожитіе. Елеосвященіе — таинство, сообщающее благодать исцѣленія души и тѣла,—но теперь во мнѣніи большинства оно служитъ только приготовительнымъ обрядомъ больнаго къ смертіи; о благодѣтельной силѣ онаго для больнаго не думаютъ, изцѣленія же тѣлеснаго отъ него вовсе не ждутъ. Въ Словѣ Божіемъ вы говорите, духъ и жизнь, — но большинство находитъ скучнымъ читать его. Въ храмѣ Божіемъ общеніе съ Господомъ: но не чаще ли всего въ храмъ мы вносимъ свои житейскія заботы,—свои грѣховныя предразсудки, даже бываетъ и то, — свои плотскія страсти,—иногда и свое фарисейское самоуслажденіе, почему уходимъ домой не оправданными, а осужденными? Въ Праздникѣ по преимуществу общеніе съ Богомъ и море духовныхъ утѣшеній, а у насъ дѣлается всего чаще такъ, что въ праздникъ-то по преимуществу бываетъ общеніе со врагомъ Божіимъ и—море чувственныхъ и грѣховныхъ утѣшеній. Въ крестѣ непобѣдимая сила Божія—это правда,—но въ тоже время крестъ мы или стыдимся класть на себѣ или кладемъ безъ благоговѣнія и кое-какъ. Безъ молитвы, читаемой по книжкѣ не придетъ духъ молитвы

внутренней,—нѣтъ пріискренней бесѣды съ Богомъ,—но бываетъ и такъ, что молитвы эти мы читаемъ такъ — для проформы, — и часто считаемъ то молитвою, когда прочитаемъ указанное число молитвъ и положимъ извѣстное число поклоновъ; а между тѣмъ и вздохъ усердный гораздо пріятнѣе и сильнѣе предъ Богомъ, чѣмъ многоглаголаніе. Словомъ, мы можемъ все перебрать такимъ образомъ и все—таки найдемъ, что буква хотя и передаетъ благодать вѣрующему, но только непремѣнно подъ условіемъ истинной вѣры; вѣра въ этомъ случаѣ такъ необходима, что только подъ условіемъ ея дѣйствуетъ на человѣка благодать и при томъ по мѣрѣ ея силы, такъ что чѣмъ сильнѣе вѣра, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе благодати; потому говорить, что чрезъ обрядность церковную *неизбѣжно* передается человѣку благодать, или, какъ вы выражаетесь, самый духъ,—это болѣе, чѣмъ заблуждаться. Но что всего удивительнѣе для насъ, такъ это то, что Дом. Бесѣда особенно вооружается противъ невѣрія и оскорбленія невѣріемъ обрядовъ Церкви нашей, а теперь между тѣмъ какъ будто забываетъ это. Итакъ г. критикъ, ваше умозаключеніе никуда негодится и распадается само собою, когда мы узнали, что буква и духъ не одно и тоже,—не нераздѣльны,—но становятся такими по нашей, вѣрѣ, по нашему участію въ нихъ. Потому достопочтенный авторъ о. Ѳеодоръ совершенно правъ, когда сказалъ, что всѣ обряды, законы и учрежденія церковныя доведены въ насъ и то не во всѣхъ, формализмомъ, до мертвой ветхозавѣтности и потому не спасаютъ, а осуждаютъ. За это бы кажется, слѣдовало не бранить автора, а поблагодарить какъ за наставленіе. Вы не обижаетесь же на-

проповѣдника, когда онъ съ каѳедры церковной изрекаетъ обличеніе православнымъ слушателямъ и дѣлаетъ такіе упреки, отъ которыхъ страшно иногда становится и за себя и за другихъ? Можно ли этимъ обижаться и возводить ту клевету на него, что онъ обличеніями своими оскорбляетъ святость церкви? Я бы могъ послѣ этого обратить на васъ самихъ то, чего вы удостоиваете почтеннаго о. Ѳеодора,—но мнѣ страшно становится относить такія вещи къ людямъ.

Новое противорѣчіе себѣ критика.

Въ дальнѣйшемъ теченіи рѣчи въ томъ же отдѣлѣ г. критикъ заводитъ рѣчь о ревнителяхъ и строитъ догадки, кого разумѣетъ о. Ѳеодоръ подъ неразумными ревнителями Православія, не подозрѣвая какъ будто, что одинъ изъ такихъ ревнителей, — это онъ самъ. Эти догадки для насъ не важны, важно же для насъ разсужденіе о томъ, отдѣлимы или неотдѣлимы отъ человѣка грѣхи его, и наказаніе за грѣхъ. Критику хочется доказать, что какъ грѣхи, такъ и наказанія за грѣхъ неотдѣлимы отъ человѣка,—и это доказываетъ онъ двумя предположеніями, которые по его мнѣнію ведутъ къ одной цѣли, а по нашему къ противоположнымъ—къ противорѣчію. Изъ дѣйствительности страданій за насъ Христа Спасителя, у него выводится мысль о неотдѣлимости грѣха и наказанія за него человѣка, а по нашей логикѣ это-то именно и доказываетъ, что отдѣлять отъ человѣка вину и наказаніе за неё можно. По правосл. катихизису нашему Христосъ пострадалъ и умеръ, чтобы понести на Себѣ наши грѣхи, какъ будто-бы Онъ былъ одинъ виноватъ предъ Правдою Божіею, — и такимъ обра-

зомъ избавилъ насъ отъ грѣха; и его слѣдствій — проклятія и смерти. Слѣдовательно — грѣхи можно было взять съ людей Богочеловѣку на Себя. Но г. критикъ надѣется вывести изъ этого противоположное слѣдствіе: «*Агнецъ Божій вземшій на Себя грѣхи міра*, (замѣть-те) страдалъ дѣйствительно или призрачно, спрашиваетъ онъ. Если грѣхъ есть нѣчто отдѣльное отъ человѣка, если Христосъ взялъ на Себя лишь отвлеченнное что-то, — то и страдалъ Онъ отвлеченно (?) призрачно; мысль Богопротивная! Если же страдалъ дѣйствительно, то *принялъ страданіе за дѣйствительныя вины человѣчества*, *за грѣхи*, неотдѣлимые отъ человѣка?» (Значитъ грѣхи человѣческіе взялъ на Себя, что тоже отдѣлилъ отъ людей.) Такимъ образомъ вывелъ слѣдствіе совсѣмъ не такое, какое хотѣлъ; но онъ, успокоивъ себя вставленными словами: *за грѣхи неотдѣлимые*, пошелъ дальше. «Но право даже странно доказывать это, говоритъ онъ. (Дѣйствительно странно.) Вѣдь что такое грѣхъ? продолжаетъ онъ. Дѣйствіе воли. Гдѣжь эта воля? Въ человѣкѣ. Слѣдовательно, какъ нельзя отдѣлять отъ существа человѣческаго волю, такъ нельзя отдѣлять и проявленіе этой воли во грѣхѣ отъ грѣха, стало быть, нельзя отдѣлить отъ человѣка и законнаго преслѣдованія и положительнаго наказанія за грѣхъ.» Прочитавши это вы опять спрашиваете, да за чтоже и какъ же страдалъ Спаситель, если наказанія и грѣхи неотдѣлимы? Видите, какія противорѣчія. Правда, тутъ что-то есть, что-то чуется, но это что-то онъ не прояснилъ для себя и вотъ впадаетъ въ такія противорѣчія. А дѣло между тѣмъ очень просто; онъ не понялъ и не хотѣлъ понять ту простую мысль автора,—

что нужно прежде всего преслѣдовать тѣ начала, которыя господствуютъ въ большинствѣ и управляютъ имъ, а потомъ уже преслѣдовать людей; т. е. прежде нужно раскрыть глаза имъ, показать во имя чего они дѣйствуютъ, а потомъ уже и преслѣдовать. Мысль совершенно здравая; — а критикъ, не выразумѣвъ её, создалъ для себя какое-то чудовищное представленіе объ отдѣльности грѣха; и ну противъ этого ратоборствовать. Непонятное ослѣпленіе, скажемъ и мы критику его же словами, но однакожъ бывающее у людей, у которыхъ по мѣткому выраженію русской пословицы, зашелъ умъ за разумъ.

ОБЩІЯ И ЧАСТНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О СЛѢДУЮЩИХЪ ОТДѢЛАХЪ.

Слѣдующія за симъ двѣ или три тирады въ этомъ отдѣлѣ не заслуживаютъ вниманія, такъ какъ мало относятся къ дѣлу, къ тому заглавію, которое выставилъ критикъ при началѣ этого отдѣла. И изъ этого уже можетъ читатель заключить, какъ написанъ второй отдѣлъ, т. е. также какъ и первый—нелогично, непослѣдовательно, недобросовѣстно. А все, что сказано нами о первыхъ двухъ отдѣлахъ должно разумѣть и объ остальныхъ, которые разбирать теперь рѣшительно недостаетъ терпѣнья. Считаю долгомъ сдѣлать только нѣкоторыя замѣчанія г. критику.

Г. критикъ хвалится знаніемъ Сунодологіи и Патрологіи, унижая знаніе въ этомъ случаѣ о. Ѳеодора, который говорилъ, что отцы Церкви, получившіе языческое образованіе совсѣмъ иначе смотрѣли на него,

чѣмъ отцы, неполучившіе его. Г. критикъ рѣшительно съ этимъ не соглашается; напротивъ изъ этого онъ выводитъ, что о. Ѳеодоръ незнаетъ Сунодологіи и Патрологіи. «Постановленіемъ Вселенскихъ Соборовъ, говоритъ г. критикъ, знающій Сунодологію и Патрологію,—въ предложеніяхъ, погрѣшительныхъ противъ теоріи и практики Церкви Православной, мнѣніяо дного даже двухъ и трехъ общечтимыхъ Отцевъ, никогда, не составляли авторитета.» Не важное открытіе. Это уже само собою понятно. Отъ васъ требовалось, г. критикъ, показать и самое постановленіе и примѣръ въ которомъ бы видно было, что такія-то мнѣнія такихъ-то отцевъ не были приняты Св. Церковію; — при этомъ вамъ слѣдовало бы показать, что именно Вселенскіе Соборы запрещали вѣрующимъ заниматься языческой философіей и обвиняли за это такихъ-то и такихъ-то Св. отцевъ во временномъ пристрастіи къ языческой философіи, или вообще показать въ какія отношенія они ставили вѣрующихъ къ внѣшней мудрости. Этимъ бы вы оказали намъ большую услугу и вмѣстѣ доказали бы свое знаніе Патрологіи. А то похвалились знаніемъ Сунодологіи, а сказали такую общую мысль, за которую бы сами не сказали спасибо и послѣднему семинаристу. Далѣе вы продолжаете: «Но отцы и Учители наши оставались подъ вліяніемъ школы, ихъ размышленія необходимо проникались духомъ ея, въ ихъ писанія вкрадывались погрѣшности, свойственныя тогдашнему состоянію науки». Послѣднее справедливо, хотя опять общее мѣсто. Дѣйствительно, когда дѣло коснется напр. Психологіи, Естественныхъ наукъ, Астрономіи, Физики, — отцы Церкви не могутъ служить для насъ авторитетомъ; съ

того времени науки эти далеко, далеко подвинулись впередъ. Первая же мысль, хотя и заключаетъ въ себѣ частицу истины, но выраженная такъ обще, она становится клеветою на досточтимыхъ Отцевъ Церкви. При томъ въ этомъ случаѣ для насъ особенно важны тѣ ихъ отношенія къ этимъ наукамъ, которыя прямо выходили изъ существа Христіанскаго воззрѣнія. Подмѣтить и раскрыть эти отношенія, — это дѣло для насъ величайшей важности; они могутъ служить для насъ образцами въ нашихъ отношеніяхъ къ внѣшней мудрости. О Ѳеодоръ понялъ и раскрываетъ эти отношенія превосходно и упрекъ, сдѣланный ему вами, обличаетъ только васъ въ поверхностномъ знаніи этихъ наукъ — Сунодологіи и Патрологіи, — и въ дерзости, съ которою вы относитесь къ людямъ. Слова о. Ѳеодора, что св. отцы Церкви, получившіе языческое образованіе иначе смотрѣли на внѣшнюю мудрость, чѣмъ неполучившіе, — объясняются не тѣмъ, что первые находились подъ вліяніемъ школы, а всесторонностію ихъ образованія. Воспитанные въ языческихъ школахъ, они разширяли и углубляли свое умственное воззрѣніе, выработывали всесторонній и глубокій взглядъ на всю область бытія и мысли, въ которую входила, естественно, съ своимъ отрицательнымъ служеніемъ, и языческая образованность. Отцы же воспитанные въ пустыни, удовлетворяясь простотою вѣры, проникаясь больше нравственнымъ смысломъ заповѣдей Евангелія, чѣмъ догматическимъ его содержаніемъ, такіе отцы естественно смотрѣли на внѣшнюю мудрость съ высоты своей нравственно-созерцательной и подвижнической жизни; почему и относились къ ней, какъ къ чему то враждебному Христіанству. Также и ере-

си побуждали на нее смотрѣть и другихъ тогдашнихъ христіанъ, которыя т. е. ереси почти всѣ возрасли на языческой почвѣ, отъ пристрастія, или неправильнаго отношенія къ внѣшней мудрости. Но вы, г. критикъ, какъ человѣкъ неспособный къ глубокому и обстоятельному отношенію къ дѣлу, — вы нехотите ничего этого понять; какъ партизанъ простоты вѣры, вы хотите доказать, что Отцы Церкви рѣшительно отвергали внѣшнюю мудрость, и для этого прикрываетесь общими мѣстами. Вы требуете, чтобы раздѣлять дѣятельность Св. Отцевъ на періоды, — на періодъ подъ вліяніемъ школы и на періодъ не подъ вліяніемъ школы, — опять общее мѣсто; вамъ слѣдовало-бы, если вы дѣйствительно знакомы съ Патрологіею, (чего мы однакожь рѣшительно не находимъ), — указать на примѣры. Вы изволите знать силу примѣровъ. Чтобы вамъ напримѣръ разсмотрѣть слово Василія Великаго къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться философіей,—къ какому періоду дѣятельности относится это слово, и что въ немъ ложнаго, школьнаго. Но вы не потрудились сдѣлать этого, и потому мы имѣемъ право усомниться въ вашихъ словахъ и сказать, что вы лжете на Отцевъ Церкви. Для васъ однакожь этого мало; вы доходите до крайности и теперь какъ и всегда. Вы говорите: «Св. Кипріанъ Карѳагенскій чего-чего не изучалъ, чѣмъ незанимался, до обращенія своего ко Христу: слѣдуетъ ли изъ того, что и православному Христіанину можно заниматься тѣмъ же? Святыя жены, Марія Египетская, Евдокія, Таисія, проводившія жизнь по всѣмъ правиламъ современной цивилизаціи, могутъ ли гарантировать этимъ и нынѣшнихъ Евдокій и Таисій.» Къ какой стати эта рѣчь — непо-

нятно! О. Ѳеодоръ говоритъ о тѣхъ Христіанскихъ отношеніяхъ къ внѣшней мудрости, въ какихъ стояли къ ней Св. Отцы, когда были свѣтильниками современниковъ; а критикъ разсуждаетъ, о той ихъ жизни и тѣхъ дѣлахъ, которыя они совершали, до своего обращенія ко Христу — до своего крещенія. Странная логика! А все это зависитъ отъ того, что критикъ увлекается общими мѣстами.

Мы сказали, что нестанемъ дѣлать подробнаго разбора остальныхъ отдѣловъ, * выскажемъ только нѣкоторыя соображенія относительно вопросовъ, рѣшаемыхъ о. Ѳеодоромъ и Дом. Бесѣдой.

Въ современности замѣчается неотразимое движеніе къ разумности, не только въ дѣлахъ житейскихъ, но и въ духовныхъ, — и въ наукѣ и религіи. Мы уже вышли изъ той непосредственности въ вѣрѣ, въ которой воспитывались и жили дѣды и прадѣды наши. Она — эта непосредственность, — и эта такъ называемая, и такъ любимая Дом. Бесѣдой — простота, невозвратимы, также, какъ невозвратимо дѣтство со всею беззаботностію своею, съ своею простотою. Возвратить насъ къ старому — это значитъ желать невозможнаго, или желать намъ искаженія нравственнаго. Противъ природы безнаказанно идти нельзя. Представители духовнаго нашего образованія понимаютъ это очень хорошо; и потому прежде поддерживали и теперь поддерживаютъ преподаваніе философіи и свѣтскихъ наукъ въ высшихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ, — а теперь сообразно съ требова-

---

* А впрочемъ, если Дом. Бесѣда пожелаетъ отъ насъ дальнѣйшаго разбора, мы не пожалѣемъ ни труда, ни времени, и покажемъ остальныя нелѣпости этой критики, — терпѣнія хватитъ

ніями времени и открыто проповѣдуютъ о самостоятельности и самодѣятельности развитія въ христіанствѣ, — (смотри Христіанское Чтеніе за нынѣшній годъ, статью Христіанство и прогрессъ), и еще не только объ отрицательномъ, но и положительномъ значеніи для насъ западной философіи. Правительство свѣтское также видитъ, что остановка, застой въ философскомъ мышленіи народа — стѣсненіе въ этомъ отношеніи отзывается застоемъ въ гражданскомъ, нравственномъ и религіозномъ усовершеніи его; и потому открываетъ опять философскія каѳедры въ университетахъ и даетъ философское образованіе юношамъ. Такая настоятельная потребность нашего времени превосходно понята и выражена о. Ѳеодоромъ. Онъ видитъ, что трудно противу рожну прати, и потому всѣ свои сочиненія издаетъ къ тому, чтобы дать истинное направленіе удовлетворенію этой потребности, — чтобы освятить религіей ее, чтобы основать философію и всѣ науки на началахъ православныхъ, на одномъ краеугольномъ камени — Христѣ. Хвала и честь доброжелательному и правомыслящему о. Ѳеодору! Дай Господи, чтобы такъ было! Какъ же г. критикъ отзывается на эту современную потребность и на мысли о. Ѳеодора? Разумѣется съ плеча ругаетъ и первую и послѣднія. Но прежде, чѣмъ ругать, — слѣдовало бы критику показать: возможно ли основать философію на началахъ христіанскихъ? Съ рѣшеніемъ этой проблемы рѣшился бы и споръ, а главное рѣшился бы одинъ изъ существенныхъ вопросовъ современности. Но критикъ, ни слышать, ни знать никого и ничего не хочетъ, говоритъ, что философія дурь, эстетика дурь, формально все — все,

что есть въ современности — дурь и бѣсовское порожденіе. Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ знакомятъ съ философіей и свѣтскими науками, значитъ— ихъ знакомятъ съ дурью, — учатъ дури?! Духовные журналы хотятъ показать истинныя отношенія христіанина къ философіи и наукѣ, — значитъ они проповѣдуютъ православнымъ дурь и знакомятъ ихъ съ дурью, — говорятъ о значеніи для христіанина дури. Открываются каѳедры философскія, — значитъ открываются каѳедры дури. Учатъ людей философіи, — значитъ учатъ дури! Прекрасно, г. критикъ. Вы развѣ незнаете, что такъ говорить о наукѣ — это значитъ, показывать невѣжество, которымъ рисоваться предъ публикой неприлично и какъ то не ловко! Какъ же послѣ того не сказать, что ваши стремленія, — стремленія антиправительственныя!

Точно тоже нужно сказать и объ искуствахъ и удобствахъ жизни и вообще о жизни гражданской. Вопросъ въ томъ — можно ли создать искуства на почвѣ христіанской; можно ли пользоваться удобствами жизни, пребывая истинымъ христіаниномъ? Можно ли на началахъ чисто христіанскихъ основать всѣ порядки жизни политической, гражданской, общественной и семейной? Вмѣсто того, чтобы ругаться, слѣдовало бы заняться рѣшеніемъ именно этихъ вопросовъ, которые рѣшаетъ о. Ѳеодоръ, и потомъ уже произнести приговоръ. Правда, что изъ всей брани критика видно, что онъ признаетъ невозможнымъ рѣшить эти вопросы положительнымъ образомъ; онъ считаетъ рѣшительно невозможнымъ основать современность на началахъ православія, и потому всѣхъ осуждаетъ на гибель и вѣчныя адскія мученія! Вотъ

какой немилосердый критикъ! Но вѣдь это не доказательство — а брань!

Нельзя пройти молчаніемъ одинъ замѣчательный фактъ въ этой критикѣ, — именно, изъ всѣхъ статей, изъ которыхъ составлена книга о. Ѳеодора, г. критику понравилась статья объ Антихристѣ. Выписки изъ нея, онъ всегда начинаетъ необыкновенною похвалою; напр. «Боже, какъ хорошо иногда разсуждаетъ о. архим. Ѳеодоръ» — и начинаетъ выписку, — или, — «съ любовію останавливаешься на такихъ мѣстахъ и читаешь ихъ въ пользу себѣ и назиданіе,» и т. д. Съ такимъ предисловіемъ онъ выписываетъ пять мѣстъ, и ни одного мѣста не приводитъ изъ этой статьи, чтобы оно было противно его воззрѣнію. Какъ это понять?

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ И СООБРАЖЕНІЯ ВООБЩЕ О МЕТОДѢ И СВОЙСТВАХЪ ВСѢХЪ КРИТИКЪ ДОМ. БЕСѢДЫ НА СОЧИНЕНІЕ АРХИМАНДРИТА ѲЕОДОРА.

Исключительность метода ab absurdo, происходящія отсюда вопіющіе недостатки, противорѣчія и заблужденія; психологическая ихъ основа, механизмъ мышленія; неожиданное слѣдствіе. — Языкъ критикъ. — Сущность направленія Дом. Бесѣды. — Злоупотребленіе ею святоотеческимъ авторитетомъ. — Назидательное заключеніе.

Редакторъ Дом. Бесѣды не любитъ голословныхъ о себѣ сужденій, а тѣмъ болѣе обвиненій. Онъ даже смѣется надъ ними, увѣренный въ неуязвимости сво-

ихъ произведеній, или въ непогрѣшимости своихъ сужденій. Ему укажи, да раскрой, да разжуй, — тогда онъ посмотритъ, и можетъ быть согласится съ вами. Потому-то я и боюсь дѣлать краткое заключеніе обо всей критикѣ, или лучше обо всѣхъ его критикахъ, — боюсь быть голословнымъ; — напротивъ хочу и здѣсь опираться на факты, повторяя то изъ раскрытаго нами, что особенно бросилось и бросается въ глаза.

Мы видѣли, что критикъ съ первыхъ словъ своихъ въ критикѣ заявилъ свое притязаніе на знатока православія, учителя православнаго міра, защитника и воителя православія противъ современности. Это его притязаніе или эта тенденція рѣшительно заѣдаетъ его, не даетъ ему покоя, — не позволяетъ ему правильно и безпристрастно смотрѣть на вещи. Въ силу этой тенденціи онъ является не строгимъ, а просто дерзкимъ, безпощаднымъ, и притомъ не обличителемъ, а клеветникомъ. Единственное оружіе, съ которымъ онъ выходитъ на всѣхъ своихъ противниковъ, а въ особенности же на о. Ѳеодора — умозаключенія *ab absurdo*, т. е. отъ нелѣпости предположенія къ нелѣпости вывода. «Если, говоритъ критикъ, мы предположимъ, что Христосъ просвѣщалъ и просвѣщаетъ человѣка только идеями, то онъ обыкновенный учитель, — что нелѣпо.» Или: «если грѣхи отдѣлимы отъ человѣка, то Христосъ взялъ на Себя что то отвлеченное; — а если Онъ взялъ что-то отвлеченное, то Онъ и страдалъ призрачно, а недѣйствительно, что нелѣпо;» и т. д. Во всѣхъ критикахъ употребляется исключительно этотъ методъ, — а не другой. Такою исключительностію метода, гг. критики ясно выска-

зали себя, выставили всё богатство своихъ дарованій, весь складъ своей внутренней жизни.

Методъ этотъ, какъ извѣстно, имѣетъ весьма важное значеніе въ математикѣ; потому что въ этой наукѣ формулы имѣютъ строгую точность и опредѣленность, и отъ психологическихъ состояній человѣка зависѣть не могутъ. Въ рѣшеніи ариѳметической, алгебраической или геометрической теоремы—не надесно, ни на шую уклониться нельзя;—2×2, или ровно 4, или вы ошиблись, — и это ясно. Не то бываетъ въ мышленіи, такъ называемомъ, *конкретномъ*, когда дѣло нужно имѣть съ предметомъ, о которомъ нужно прежде составить понятіе, извѣстное представленіе и выразить это въ словѣ. Тутъ совсѣмъ иное дѣло. Тутъ нужна строгая точность въ понятіи, ясность и раздѣльность въ представленіи, опредѣленность въ словѣ, спокойное состояніе души. Условія сколько необходимыя, столько же тяжелыя и не ко всѣмъ приложимыя. Къ сожалѣнію, чаще всего люди удовлетворяются понятіями неточными, представленіями смѣшанными и спутанными, словами неопредѣленными, двусмысленными, или даже многомысленными, чаще всего судятъ и разсуждаютъ не самостоятельно, а подъ вліяніемъ страсти, различныхъ ощущеній и непереработанныхъ впечатлѣній. Напр. возмите вы слова: прогрессъ, развитіе, усовершенствованіе, поступаніе впередъ, народность, — какіе различные смыслы придаются этимъ словамъ? И сколько не то-что людей, сколько писателей — такихъ, которые не уяснили себѣ эти слова, неопредѣлили ихъ точнаго смысла, когда употребляютъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ? Припомните теперь еще сколько фразъ щеголяетъ у

насъ въ области мысли, — и притомъ такихъ фразъ, въ которыхъ всякій смыслъ давнымъ-давно улетучился? Припомните также и то, какъ часто у одного и того же человѣка, измѣняется взглядъ на одну и ту же вещь подъ вліяніемъ различныхъ ощущеній. Потому можно понять, съ какою осторожностію нужно пользоваться этимъ методомъ и употреблять его. Но и при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ онъ недостаточенъ въ отношеніи къ убѣдительности. Онъ не имѣетъ за собою ни анализа, ни положительныхъ доказательствъ, ни положительныхъ выводовъ. Его результатъ — отрицаніе. Его значеніе только при положительныхъ доводахъ, — потому что въ такомъ случаѣ, онъ поставляетъ читателя въ необходимость или признать доказываемую мысль, въ томъ именно видѣ, въ какомъ она раскрывается, — или же, отвергая её, впасть въ нелѣпость. Самъ же по себѣ отдѣльно взятый, онъ недоказателенъ; онъ выражаетъ только чувство внутренняго несогласія нашего съ предлагаемою намъ мыслію,—только предчувствіе истины, — небольше; потому исключительно онъ является у дѣтей, не привыкшихъ еще мыслить, и у людей, у которыхъ почему-либо не развилось мышленіе въ своемъ настоящемъ видѣ. Чтоже теперь сказать, если этотъ методъ *ab absurdo* является со всею своею исключительностію, съ рѣшительными претензіями на убѣдительность, на послѣднее окончательное слово, и притомъ при неблагопріятныхъ условіяхъ — т. е. при неточности, неясности и нераздѣльности представленій и понятій, при неопредѣленности выраженій и въ добавокъ еще при увлеченіи; въ такомъ случаѣ,

этотъ методъ рѣшительно никуда не годится и свидѣтельствуетъ только противъ мыслителя.

Въ такомъ именно видѣ является этотъ методъ вообще во всей Дом. Бесѣдѣ, а преимущественно въ ея критикахъ. Исключительное употребленіе этого метода ея сотрудниками или авторами при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ къ тому, обличаетъ ихъ въ крайней бѣдности ихъ умственныхъ мыслительныхъ дарованій, въ тупости и слабости мышленія, въ отсутствіи анализа, и строгости, и послѣдовательности мысли; такъ что невольно беретъ жалость, когда всматриваешься въ механизмъ такого безсильнаго мышленія, когда видишь, что человѣкъ беретъ для себя дѣло рѣшителько не подъ силу. Предъ вами какія-то нравственныя аномаліи, какіе-то младенцы въ мышленіи, но взрослые по своимъ претензіямъ, по силѣ своихъ страстей. Нѣтъ у нихъ того, чтобы прежде всего строго разобрать и опредѣлить понятіе, а потомъ послѣдовательно выходить изъ него. Напротивъ они берутъ понятіе, какъ уже готовое и непремѣнно съ тѣмъ смысломъ, какое они придаютъ имъ сами. Въ представленіяхъ своихъ они никогда не даютъ себѣ отчета; — вообще у нихъ крайнее отсутствіе критическаго размышленія въ отношеніи къ самимъ себѣ; о такъ называемой рефлексіи и помину нѣтъ. Они никогда и не задавали себѣ вопроса: а справедливо ли, точно ли или возможно ли это понятіе и это представленіе? Отъ того у нихъ понятія постоянно путаются, смѣшиваются, условное дѣлается безусловнымъ, частное общимъ, общее частнымъ и т. д. Это мы видимъ во всѣхъ критикахъ, но преимущественно въ разбираемой нами. У этого г. кри-

тика понятіе *плоти*, какъ *тѣлесности*, постоянно смѣшивается съ понятіемъ *плоти*, какъ *состоянія невозрожденнаго человѣка;* съ понятіемъ *идеи безусловнаго*, какъ врожденнаго стремленія къ Богу, онъ смѣшиваетъ ея произведеніе — идеи философіи, эстетики и наукъ; въ понятіе національности онъ *вноситъ* и религію; — объ отдѣльности грѣха отъ человѣка онъ составилъ какое-то чудовищное представленіе, какъ чего-то отвлеченнаго. Представленіе о всемірномъ значеніи заслугъ Іисуса Христа, Агнца Божія, вземшаго всѣ грѣхи наши, — онъ рѣшительно не можетъ переварить; понятіе объ условности этихъ заслугъ въ дѣлѣ *нашего* спасенія — онъ переводитъ въ *безусловное* и *всецѣлое* значеніе и въ такомъ видѣ навязываютъ о. Ѳеодору. Понятіе объ участіи нашемъ въ страданіяхъ и смерти Христовой вообще посредствомъ таинствъ и распятія ветхаго человѣка, онъ низводитъ въ частное понятіе о значеніи въ дѣлѣ нашего спасенія одного церковнаго покаянія. О духѣ и буквѣ православныхъ законовъ и учрежденій онъ рѣшительно не имѣетъ здраваго понятія. При такой сбивчивости понятій и представленій онъ приступаетъ къ критикѣ уже съ готовымъ настроеніемъ. Къ каждой мысли критикуемаго сочиненія, какую бы онъ ни бралъ, онъ относится заранѣе съ ненавистію, какъ къ мысли ложной, а къ самому сочинителю, какъ къ лжецу, вѣроотступнику, ренегату, еретику, орудію сатаны. Потому въ его словахъ видитъ не то, что въ нихъ есть, а то, что онъ самъ хочетъ видѣть и предполагать. Онъ нигдѣ не говоритъ, что разлагая это понятіе, мы открываемъ у автора вотъ такую то ложную мысль; нѣтъ, онъ употребляетъ другіе обороты

именно: «не безъ основанія, говоритъ онъ, мы вставили въ эту мысль слова.... ибо таково дальнѣйшее ея развитіе;...» «будь это не такъ, то авторъ не сталъ бы утверждать;» — или «говоря это, не то ли вы хотите сказать;» — или просто: «полагаемъ здѣсь авторъ разумѣетъ вотъ то-то,» или: «эта оговорка поставлена здѣсь для огражденія себя на всякій случай и ни мало не ослабляетъ упрека,» и т. д. въ этомъ родѣ. При такомъ отношеніи къ книгѣ, критикъ вездѣ видитъ нелѣпости, навязываетъ о. Ѳеодору нелѣпыя мысли, какія ему въ голову не могли придти. Такъ у о. Ѳеодора говорится о воспринятіи Сыномъ Божіимъ полнаго естества человѣческаго, — и съ нашею плотію; а тотъ навязываетъ ему мысль о воспринятіи Сыномъ Божіимъ грѣховной плоти, или ветхаго человѣка, — и варьируетъ эти клеветы на различные манеры. Тотъ возстаетъ противъ безчеловѣчныхъ преслѣдованій во имя чего-либо мнимо-авторитетнаго, — а критикъ убѣждаетъ, что здѣсь авторъ разумѣетъ о преслѣдованіяхъ Церкви. — Слѣдствія этого понятны; — критикъ впадаетъ въ постоянныя противорѣчія самому себѣ, неопредѣленности и заблужденія. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ доказываетъ, что Агнецъ Божій не снимаетъ съ насъ грѣховъ безъ нашего участія; — а въ другомъ мѣстѣ, въ другихъ словахъ высказываетъ совершенно противную мысль, въ дѣлѣ спасенія упускаетъ изъ виду наше сердечное, искреннее участіе, нашу вѣру, — а обращаетъ вниманіе только на значеніе богодарованныхъ средствъ и усвояетъ имъ спасающее дѣйствіе безъ нашей вѣры; «ибо съ буквою православія, говоритъ онъ, *неизбѣжно* и мало по малу *сродняется* человѣкъ и съ

духомъ его.» Желаніе опровергнуть мысль автора о воспринятіи Сыномъ Божіимъ полнаго естества человѣческаго, кромѣ грѣха, вводитъ его въ рѣшительную ересь Аполлинарія и Евтихія. «Если человѣческое естество нераздѣльно отъ грѣха, то стало быть не такое естество взято Сыномъ Божіимъ, т. е. нечеловѣческое.» Какое же, спрашивается? *Одной ли сущности съ Божествомъ*, какъ училъ Аполлинарій, или такое, что *ни Дѣвѣ Маріи, ни намъ не единосущно, но съ самого рожденія единой сущности Слова*, какъ училъ Евтихій? «Припомните еще чудовищно-нелѣпыя представленія объ отдѣльности грѣха и наказанія за грѣхъ о возможности отвлеченныхъ страданій Спасителя,—и противорѣчія по этому случаю,—и вы вполнѣ поймете, какіе плоды раждаются отъ исключительнаго употребленія метода *ab absurdo*.

Впрочемъ въ обличеніи г. критика нестолько важны противорѣчія и заблужденія, сколько предметъ этихъ предположеній, или психологическая возможность ихъ появленія. Исключительнымъ употребленіемъ этого метода, критикъ показалъ нетолько слабость, тупость мышленія, сбивчивоеть и спутанность понятій, но что всего важнѣе, внутренній порядокъ своей духовной жизни, — ея основы, ея складъ, ея характеръ. Предъ вами человѣкъ, котораго вся жизнь прошла и проходитъ въ однихъ опасеніяхъ. Не поймётъ онъ какое слово, — «ахъ не то-ли вотъ здѣсь говорится,»—думаетъ онъ себѣ. Предстанетъ вдругъ предъ нимъ какая нибудь свѣтлая истина, которую онъ понять не сможетъ: «ахъ! думаетъ онъ, не поведетъ ли она вотъ къ такимъ-то и такимъ-то худымъ послѣдствіямъ?» Потомъ это возможное предпо-

ложеніе переводитъ тотчасъ въ дѣйствительное, — «да, дѣйствительно; эта мысль ведетъ къ такимъ-то худымъ послѣдствіямъ, къ такимъ-то нелѣпостямъ;» говоритъ онъ;—и ну за тѣмъ трактовать противъ этого. А задать себѣ вопросъ: да справедливо ли мое предположеніе, — да дѣйствительно ли это слово выражаетъ предполагаемое мною, дѣйствительно ли извѣстная истина можетъ повести и ведетъ къ такимъ-то и такимъ-то худымъ послѣдствіямъ — это не его вопросъ. Вся жизнь такихъ господъ проходитъ только въ такихъ именно опасеніяхъ — и это доходитъ иногда до рѣшительнаго отупѣнія мысли. Самыя эти опасенія — какъ плоды не мысли, а празднаго воображенія, принимаютъ чудовищные размѣры. У разбираемаго нами критика, хотя видна еще нѣкоторая сдержанность въ этомъ случаѣ, однакожъ нерѣдко онъ прорывается и дѣлаетъ до невѣроятности дикія опасенія и предположенія. Догматъ вседержавнаго управленія міромъ и направленія его къ премудрымъ и благимъ цѣлямъ, безъ всякаго препятствія со стороны зла и своеволія человѣческаго,—этотъ догматъ возбуждаетъ въ немъ опасенія, что такое ученіе ведетъ къ разнузданности зла. Заступленіе Спасителемъ за кающихся грѣшниковъ и грѣшницъ — рождаетъ въ немъ то оскорбительное для Бога предположеніе, что будто бы Спаситель не иначе можетъ это сдѣлать, какъ подъ условіемъ родственности Его со грѣхомъ, — близости Его Божества съ нимъ, т. е. со грѣхомъ, а не съ грѣшниками. А дѣйствительно ли догматъ о Промыслѣ ведетъ къ разнузданности зла, дѣйствительно ли Спаситель только подъ этимъ условіемъ можетъ заступиться за грѣшниковъ — это не его дѣло. Иллюзія соз-

дана, работа есть, — и дѣлу конецъ. Такимъ образомъ вся жизнь такихъ господъ проходитъ въ созданіи иллюзій и въ постоянной борьбѣ съ ними. Вотъ и весь механизмъ и складъ этого мышленія и этой внутренней жизни. Для этихъ господъ довольно одного повода, чтобы затронуть воображеніе, чтобы вся душа нашла себѣ дѣло и занятіе. Нельзя сказать, чтобы у этихъ господъ не работала и мысль: у нихъ она работаетъ, но какъ мы видѣли самымъ механическимъ образомъ. У нихъ работа мысли состоитъ въ сопоставленіи общихъ неразработанныхъ фразъ и понятій. Напр. у нихъ существуетъ представленіе, что *мірѣ во злѣ лежитъ*, что *все, яже въ мірѣ, похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская*. Это представленіе покоится у нихъ безъ всякихъ ограниченій, объясненій, разбора. Къ нему, какъ къ пробному камню, они пригоняютъ всё, что говорится о мірѣ; — и всё, что не можетъ быть приложимо къ этому общему представленію, всё такое неприложимое они почитаютъ богоборнымъ, нелѣпымъ, безбожнымъ и т. п. Потому теперь скажите имъ, что всё мірское нужно устроять по Христу. Сейчасъ они приложатъ вашу мысль къ своему общему представленію и у нихъ выйдетъ нелѣпость, и они станутъ надъ вами издѣваться. Какъ? скажутъ они. *Всё, яже въ мірѣ, похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская;* слѣдовательно устроять всё мірское по Христу — это значитъ устроять по Христу *похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейскую?* Да и пойдутъ вамъ доказывать, что эти вещи устроять по Христу никакъ нельзя. Эти и подобные имъ господа, точь въ точь, что ветераны-повара, кухарки, слуги, въ родѣ обло-

мовскаго Захара; — складъ внутренней жизни у нихъ одинъ и тотъ же. Вашъ поваръ пережарилъ вамъ жаркое, вы ему и замѣчаете: что — молъ ты пережарилъ жаркое, — совсѣмъ испортилъ; ѣсть нельзя? А онъ вамъ въ отвѣтъ скажетъ: я-ли — молъ не знаю, какъ жаркое жарить; двадцать лѣтъ занимаюсь этимъ мастерствомъ, и не знаю какъ жаркое жарить! — и пойдетъ развивать эту матерію, что онъ ли не поваръ, онъ ли не мастеръ своего дѣла — и т. д. Съ такими господами вы ничего не сдѣлаете; у нихъ до того загрубѣлъ механизмъ мышленія, что они не способны ни къ какому движенію. Таковы-то и наши критики Дом. Бесѣды.

При такихъ отношеніяхъ сочинителей критикъ къ книгѣ о православіи, вышла прекурьёзная, почти невѣроятная вещь! Люди мѣтили и стрѣляли въ одну цѣль, — растеряли всѣ заряды — и все на воздухъ. — Не смотря на всѣ выписки изъ этой книги, критики также мало относятся къ ней, какъ и ко всякому другому богословскому сочиненію. Поставьте на мѣсто означенной книги — другія напр. православное исповѣданіе Петра Могилы, православный катихизисъ, богословіе преосвященнаго Макарія, проповѣди митрополита Филарета, проповѣди преосвященнаго Иннокентія, даже Евангеліе, а лучше, — если возмемъ ихъ всѣ вмѣстѣ, — критика останется всё та же, даже съ тѣми же словами; потому что всѣ эти критики писались не на книгу, а на тѣ дикія и невѣроятныя предположенія, которыя возникли при чтеніи этой книги и могутъ возникнуть при всякой другой духовной книгѣ; авторы сражались не съ книгой, а съ тѣми иллюзіями, которыя они создали для себя. Что-

бы убѣдиться въ этомъ, сдѣлаемъ опытъ. Сначала припомнимъ евангельскую исторію о женѣ ятой въ прелюбодѣяніи; — вмѣсто словъ о. Ѳеодора, «что Тотъ, Кто человѣческую мысль и фантазію взялъ ради меня въ неразрывный союзъ съ Своимъ Божествомъ, Тотъ Самъ заступится за мою мысль — блудницу» встаньте этотъ разсказъ объ Евангельской блудницѣ и потомъ читайте критику. «Очевидно, говорится тамъ, такое полное всепрощеніе блудницъ можетъ быть допущено подъ тѣмъ лишь условіемъ, что Самъ Безгрѣшный, взявшій въ неразрывный союзъ съ Своимъ Божествомъ всѣ уклоненія плоти, вступится за нихъ, какъ за родственныя Ему, какъ за близкія (страшно сказать) Самому Его Божеству.... Какъ Церкви связывать какую-нибудь блудницу, если Самъ Христосъ её развязываетъ?» и т. д.; можно буквально продолжать до новой выписки. Вмѣсто встрѣтившейся выписки изъ книги о. Ѳеодора, что «Агнецъ Божій вѣрно и просто потребляетъ грѣхи мірскіе, снимая ихъ на Себя и на Себѣ вынося ихъ виновность,» вставляемъ отрывочно взятыя слова изъ православнаго катихизиса, изъ отвѣта нами уже представленнаго выше, именно: «Сынъ Божій всѣмъ пріобрѣлъ благодать и спасеніе» и продолжаемъ изъ критики съ небольшимъ примѣненіемъ. «Совершенно справедливо! говорится тамъ, снимаетъ и потребляетъ грѣхи и даруетъ благодать спасенія,— это дѣйствительно такъ, но только подъ условіемъ дѣятельнаго покаянія со стороны грѣшника» и т. д. до новой выписки, вмѣсто этой выписки о Промыслѣ и домостроительствѣ спасенія изъ книги о православіи, — беремъ мѣсто изъ дотматическаго богословія преосв. Макарія, также въ отрывкахъ, напр. объ управ-

леніи тварями, и приставляемъ къ нимъ слова г. критика: — очевидно такимъ ученіемъ о Промыслѣ проповѣдуется совершенная разнузданность зла и своеволія человѣческаго» и т. д. Такимъ образомъ составлена и вся критика. Припомните, что напр. пятая, шестая и седьмая тирады рѣшительно не имѣютъ никакого отношенія къ мыслямъ о. Ѳеодора, — а созданы самимъ критикомъ и бьютъ самосозданныя иллюзіи. И такъ вотъ какимъ манеромъ говорятъ нынѣ православному міру о православіи нынѣшнихъ духовныхъ авторовъ, мнимыхъ ренегатовъ, вѣроотступниковъ, еретиковъ, обольщенныхъ сатаною, — Исаакіевъ, обольщенныхъ бѣсами.

Считаетъ нужнымъ замолвить нѣсколько словъ и о языкѣ всѣхъ вообще критикъ Дом. Бесѣды на сочиненіе о. Ѳеодора. Если языкъ есть зеркало или изображеніе внутреннихъ настроеній и расположеній авторовъ, то относительно сочинителей означенныхъ критикъ нужно сказать, что языкъ произведеній свидѣтельствуетъ во все не въ пользу ихъ. Читая эти критики, вы видите и чувствуете, что авторы ихъ не только не проникаются важностію и благоговеніемъ при разсужденіи о священныхъ предметахъ, напротивъ они съ какимъ-то панибратствомъ, или даже холопствомъ обращаются съ этими предметами. Отъ того авторы критикъ или дѣлаютъ нелѣпыя сочетанія словъ священныхъ съ вульгарными, чѣмъ и обличаютъ свое крайнее невѣжество въ богословскомъ слововозраженіи, или же легкомысленно и кощунственно въ насмѣшку употребляютъ различныя священныя выраженія, которыя, какъ израженія Св. Духа, должны быть досточтимы для насъ. Въ первомъ случаѣ довольно ука-

зать на такое словосочиненіе: «*дурь* философіи, искуствъ, наукъ, — *лакомство* современности, *пріурочивать* святѣйшей чистотѣ и *гарантировать* тѣмъ что, Агнецъ Божій взялъ на Себя грѣхи всего міра!» Помилуйте, это ли языкъ богословскій! Во второмъ случаѣ мы укажемъ на слова священныя, которыя употребляются вмѣсто сарказмовъ: *Адаме! гдѣ еси!* говоритъ напр. критикъ, обращаясь къ о. Ѳеодору; *Учителю Израилевъ и сихъ ли не вѣси!.. Спите убо прочіе и почивайте* (Вып. 4. 1861) и т. п. Невольно при этомъ припоминаются тѣ остряки-дьячки, которые за чаркой водки за мѣсто краснаго словца, приправляютъ свою рѣчь, словами изъ псалтири или изъ апостола. Такое кощунственное употребленіе священныхъ выраженій не учитъ ли народъ подобному обращенію съ священнымъ языкомъ?

Далѣе, т. е., во-вторыхъ, языкъ обличаетъ авторовъ въ озлобленіи противъ о. Ѳеодора, въ озлобленіи доходящемъ до самозабвенія, и до забвенія всѣхъ, не только христіанскихъ чувствъ, даже простыхъ приличій. Озлобленіе это такъ сильно, что критикъ, какъ мы и сказали выше, рѣшительно не можетъ справиться ни съ своими мыслями, ни съ своими чувствами. Онъ только о томъ и хлопочетъ, чтобы представить передъ читателями автора книги еретикомъ, кощунникомъ, хульникомъ и т. п., и потому обличаетъ его то въ мнимой хулѣ на Іисуса Христа, то въ оскорбленіи якобы святости церкви; и при этомъ онъ не упускаетъ случая обозвать его самыми ругательными названіями. Нужно имѣть фарисейскую, самую загрубѣлую самоувѣренность, чтобы такимъ безбожнымъ образомъ клеветать на автора книги, и бра-

нить его, между тѣмъ, какъ оно довѣренное лицо отъ духовнаго правительства, и вотъ доселѣ не признается имъ такимъ, какимъ представляетъ его Домашняя Бесѣда. Что же это значитъ? Домашняя ли Бесѣда права и правительство виновато въ сочувствіи о. Ѳеодору; или духовное правительство право, значитъ и о. Ѳеодоръ правъ, а Дом. Бесѣда виновата въ клеветѣ и брани. Что нибудь одно изъ двухъ?...

Да! много тежелыхъ огорченій вытерпѣлъ изъ-за Дом. Бесѣды достопочтенный авторъ книги о Православіи. Зато мы приносимъ ему величайшую и искреннѣйшую благодарность. Онъ далъ случай раскрыться направленію этого журнала во всей его наготѣ и во всемъ безобразіи. Не будь этой книги, не пропусти этихъ критикъ сначала онъ самъ, какъ цензоръ, мы не видали бы существа этого направленія, мы не видали бы, сколько лжи, неправды, злобы, клеветы, фарисейства, скрывается подъ нимъ; и потому многіе ни подъ какимъ видомъ не разувѣрились бы въ нелѣпости его. Теперь же даже люди необразованные начинаютъ косо посматривать на этотъ журналъ, и даже съ насмѣшливой улыбкой поговаривать о немъ.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, этотъ журналъ еще весьма живучъ, не смотря на общее нерасположеніе къ нему всѣхъ истинно-образованныхъ людей. Причина этой живучести заключается въ силѣ и живучести этого направленія въ самомъ обществѣ. Недугъ этого направленія есть недугъ общій, съ большею частію мало образованныхъ, не самостоятельно-мыслящихъ христіанъ,—и не по разуму ревнивыхъ къ вѣрѣ,—недугъ,—общій всѣмъ тѣмъ, которые не пріобрѣли христіанскаго смиренія, чужды духа истинной любви къ

ближнимъ, которые, полагаясь на формальное безучастное соблюденіе обрядовъ Православія, воображаютъ себя лучшими многихъ, у которыхъ мышленіе сложилось въ такой грубый механизмъ, какъ мы раскрыли выше, которые находятъ какое-то удовольствіе указать недостатокъ ближнему — обличить его, у которыхъ есть своего рода задоръ, какъ описываетъ его покойный Гоголь, только задоръ въ кругу церковности, — идея *фикс*ъ, въ области или въ кругу которой они не могутъ вынести ни малѣйшаго оскорбленія. Разумѣется этотъ недугъ хотя существуетъ во многихъ, но не во всѣхъ въ одинаковой степени; у иныхъ въ большей мѣрѣ развился онъ, у другихъ въ меньшей. Его вы можете замѣтить повсюду—и въ духовныхъ, и въ свѣтскихъ христіанахъ, и въ чиновникѣ, и въ купцѣ, и въ мужикѣ. Онъ выражается напримѣръ въ молодыхъ проповѣдникахъ, не пріобрѣвшихъ еще духовной опытности и потому горячихъ, какъ въ раскрытіи идеальныхъ добродѣтелей, такъ и въ осужденіи, и порицаніи недостатковъ въ слушателяхъ, выражается въ знахаряхъ или знатокахъ церковнаго устава, въ заматорѣлыхъ дьячкахъ, которые съ особеннымъ какимъ-то азартомъ и самодовольствомъ, и вслухъ всѣхъ поправляютъ ошибку или пропускъ, допущенный ихъ же товарищами или священникомъ (бываетъ и на оборотъ),—въ старицахъ и старцахъ, приметающихся Дому Божію, но не пріобрѣвшихъ христіанскаго смиренномудрія. Но сильнѣе всѣхъ выразился и выражается этотъ недугъ, какъ въ фокусѣ, въ редакторѣ Дом. Бесѣды г. Аскоченскомъ, что́ мы и усматриваемъ какъ вообще изъ его дѣйствій, такъ и въ частности изъ его критикъ

на книгу о Православіи. По этому, чтобы дать приличное, современное названіе этому направленію, дадимъ ему прозвище по фамиліи этого г. редактора и именно назовемъ всѣ подобныя выраженія этого направленія *Аскоченизмомъ* или *Аскоченствомъ*.

Послѣ всего этого, я считаю уже излишнимъ просить Дом. Бесѣду, чтобы она просила прощенія у достопочтеннаго автора о. Ѳеодора, котораго такъ несправедливо обидѣла; излишнимъ потому, во первыхъ, что она уже и безъ того убита, а во вторыхъ, что по своей грубой недобросовѣстности и тупости сотрудниковъ она не пойметъ этого требованія. Одного бы можно было пожелать — это именно того, чтобы Дом. Бесѣда оставила свое противное гаерство, или какъ выразился одинъ кіевскій журналъ, (Труды кіевской академіи, сент.) свое наѣздничество во имя Православія. Нѣтъ ничего обиднѣе въ Домашней Бесѣдѣ, какъ то, что во всѣхъ своихъ дурныхъ поступкахъ она прикрывается именемъ Православія. Такъ напримѣръ, приступая къ клеветамъ на о. Ѳеодора (это въ 4-мъ выпускѣ), критикъ начинаетъ ихъ объявленіемъ, что въ этомъ случаѣ онъ будетъ поступать по примѣру св. отцевъ. Ничего нельзя бы было противъ этого сказать, еслибы авторъ, дѣйствительно, въ чемъ-нибудь былъ похожъ на св. отцевъ; но крайнее тупоуміе, недобросовѣстность, кощунственное употребленіе священныхъ выраженій, въ родѣ остротъ, насмѣшливое названіе автора словами, взятыми изъ временъ схоластики, какъ напримѣръ splendidissime, reverendissime, doctor seraphimice, и т. п. все это показываетъ, что авторъ во всѣхъ своихъ худыхъ поступкахъ хочетъ только

прикрываться примѣромъ св. отцевъ, а не подражать ему. Крайне прискорбно! Потомъ и это, что за выходка, которою онъ начинаетъ объявленіе свое на слѣдующій годъ: «Благодареніемъ Господу Богу начали мы вступленіе нашего журнала въ четвертое лѣто его существованія. Безъ Его всесильной и вседѣйствующей помощи не поднять бы намъ на раменахъ нашихъ этого тяжелаго бремени.... Дивны дѣла Твои, Господи!...» Что въ самомъ дѣлѣ воображаетъ о себѣ г. редакторъ? Не воображаетъ ли, что онъ находится подъ какимъ-то особеннымъ предъ другими храненіемъ Божіимъ? Такими оборотами рѣчи Домашняя Бесѣда выдѣляетъ себя изъ ряда прочихъ журналовъ — какъ журналъ, духовный по преимуществу. И потому она прикидывается страждущею и гонимою за правду. Какая же она забавница! Право и смѣхъ и горе!... Какая тутъ правда? Правду тутъ составляетъ тупоуміе, непонятливость, безстыдство, невѣжество, дерзость, самоувѣренность, вообще все это психическое безобразіе ея редактора и ея сотрудниковъ. Вотъ за что образованные люди не любятъ этотъ журналъ! Чтожь, въ самомъ дѣлѣ, никто понять не можетъ, что ли, направленія этого журнала? Всѣ журналы и духовные и свѣтскіе — суть органы лжи и неправды, что они не могутъ понять ея истины? Заблуждаются что ли всѣ писатели, когда ни одинъ ни въ духовномъ, ни въ свѣтскомъ журналѣ не сказалъ о ней добраго слова? Вздоръ. Это невозможно....

Заключимъ нашъ разборъ словами св. Григорія Богослова, которыя прямо идутъ противъ такого и подобнаго направленія. «Чтожь?» говоритъ этотъ вселенскій Учитель, «если тебѣ все кажется кружащимся,

потому что у тебя тошнота, или, можетъ быть, ты пьянъ, между тѣмъ, свое незнаніе приписываешь другимъ? Гораздо надобно подумать и многое перепытать прежде, нежели осудишь другого въ злочестіи. Не одно и то же срѣзать растеніе или какой кратковременный цвѣтокъ и человѣка. Ты—образъ Божій и бесѣдуешь съ Божіимъ образомъ. Ты—судящій другого, самъ будешь судимъ; ты судишь чуждаго раба, которымъ правитъ другой. Смотри на своего брата, какъ будто бы самъ судимъ вмѣстѣ съ нимъ. Посему не скоро отсѣкай и бросай членъ, пока неизвѣстно, не сдѣлаетъ ли сіе вреда и здоровымъ членамъ.... У тебя есть правило врачеванія, ты ученикъ Христа, кроткаго, человѣколюбиваго и понесшаго наши немощи.» Том. III, стр. 160. Если г. редакторъ Домашней Бесѣды не хочетъ слушать достопочтеннаго автора книги о Православіи, о. Ѳеодора, который именно проповѣдуетъ эти мысли, то пусть одумается отъ словъ этого досточтимаго и великаго св. Отца и Учителя Церкви. Или, можетъ быть, редакторъ скажетъ, что эти слова написаны св. Отцемъ въ періодѣ его жизни подъ вліяніемъ школы?!!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предварительное объясненіе 1
Способъ критики. 5
Разборъ вступленія въ критику. 7
Разборъ раздѣленія критики 12
Разборъ перваго отдѣла. О догматѣ искупленія 17
1-я тирада въ критикѣ . . . . . —
2-я тирада 18
Православное ученіе о нашемъ искупленіи во Христѣ, по поводу неправомыслія критика 19
Первое смѣшеніе догматическихъ понятій въ критикѣ . . 24
3-я тирада 28
Мысли о. Ѳеодора и первые перетолки критика о воспринятіи Сыномъ Божіимъ нашего естества, кромѣ грѣха,— и о понесеніи наказанія за грѣхи наши . . . . . —
О нашемъ участіи въ искупленіи 33
Ненужная замѣтка о покаяніи; опасенія насчетъ догмата о промышленіи и домостроительствѣ нашего спасенія . . 41
4-я тирада. Замѣчательная вставка въ критикѣ 45
Объясненіе вставки. 47
О значеніи наукъ, искусствъ и удобствъ жизни для христіанина 49
Клеветы критики на о. Ѳеодора. 52
Клевета относительно воспринятія Сыномъ Божіимъ естества человѣческаго. Аполлинаризмъ и Евтихіанизмъ критика 55
Клевета относительно власти Церкви. 58
5-я тирада 60

Недобросовѣстныя вставки и оказавшіяся противорѣчія. . 61
Объ отношеніи національности къ религіи 65
Есть ли въ насъ что-либо истинно-человѣческое и Божіе? 69
Объ отношеніи человѣка къ мірскому и тѣлесному . . . 73
О плоти и тѣлѣ 75
6-я тирада. О благодатномъ и естественномъ свѣтѣ или идеяхъ нашего духа 69
7-я тирада. Объ усвоеніи силы креста Господня 86
Разборъ втораго отдѣла, который у критика заглавляется такъ: объ іудействѣ и язычествѣ, яко бы существующихъ въ Церкви православной 99
Слова архимандрита Ѳеодора. 100
Три поразительныя вещи 102
Ихъ признаніе. 103
Ихъ отрицаніе. 105
Силлогизмы критика. 107
Какъ понимается слово — духъ. 108
Могутъ ли быть въ обществѣ христіанъ, составляющихъ Церковь, христовраждебныя направленія? 112
Что такое буква въ Церкви православной, по мнѣнію критика? Его ложное понятіе о ней. 114
Опять умозаключенія 117
Обличеніе лжеумствованія, — правое понятіе о значеніи буквы . . . . . —
Новое противорѣчіе себѣ критика 121
Общія и частныя замѣчанія о слѣдующихъ отдѣлахъ . . 123
Общіе выводы и соображенія вообще о методѣ и свойствахъ всѣхъ критикъ Домашней Бесѣды на сочиненіе архимандрита Ѳеодора 130
Исключительность метода ab absurdo, происходящія отсюда вопіющіе недостатки, противорѣчія и заблужденія; психологическая ихъ основа, механизмъ мышленія; неожиданное слѣдствіе. — Языкъ критика. — Сущность направленія Домашней Бесѣды. — Злоупотребленіе ею святоотеческимъ авторитетомъ. — Назидательное заключеніе. . . —

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строки:* сверху:	снизу:	*Напечатано:*	*Должно читать:*
21	6	—	Егожъ	Егоже
23	7	—	всепрощеніе	прощеніе
31	16	—	и очевидно	«очевидно
35	11	—	и напротивъ	а напротивъ
44	8	—	имъ предположенныхъ	Имъ предположенныхъ
—	15	—	бы мы и къ	бы и мы къ
52	4	—	Ему	ему
53	9	—	думали вы	думали мы
—	—	2	жаловался вамъ	жаловался самъ
54	10	—	въ вашей	только въ вашей
—	—	5	но и самою	но съ самою
68	—	6	магометанскаго	магометанскою
74	—	13	къ міру	къ нему
81	—	9	ничего не говоря	ничего, говоря
87	—	11	и какъ	и такъ
94	—	12	поставитъ	поставить
—	—	11	находитъ	находить
111	—	13	заключающими	заключающимися
112	15	—	катихизизму	катихизису
135	15	—	навязываютъ	навязываетъ
142	10	—	о православіи	о неправославіи

LIBRARY OF CONGRESS
0 028 310 046 7